

Индекс **П8643**

4
2025

РОССИЯ XXI 2025 4

РОССИЯ XXI

4. 2025 октябрь-декабрь

Геоглобалистика

Ольга Заиченко

Старые мифы и новые смыслы.

Трансформации европейского образа России
в 20-е гг. XIX в. на примере немецкой
политической публицистики _____

6

Ресурсы нации

*Валерий Журавлев, Анатолий Мякишев,
Антон Учаев, Виталий Захаров,
Анна Иванова, Надежда Шалаева,
Вадим Ефременко, Любовь Лазарева,
Елена Беспятова*

Теория и практика патриотического воспи-
тания: содержание, принципы, технологии
(материалы международной научно-практи-
ческой конференции) _____

32

Пути духовных исканий

Татьяна Филиппова

Где у картографов Восток?

Образный язык символической картографии
и политических инвектив _____

52

Страницы истории

Алексей Россинский

Модели организации фракционной работы
в III Государственной думе (1907–1912) __ 86

Александр Хоботов

Рец. на кн.: Постников Н.Д. Политические
партии Великого княжества Финляндского
(60–70-е годы XIX века — 1914 год) __ 106

Национальная доктрина

Наталья Суханова

В.И. Ленин о роли России в международном
рабочем движении _____ 122

Актуальный архив

Ольга Заиченко

«Польша возродится вновь!» Образ Польши
в Германии в период между польскими вос-
станиями 1794 и 1830 гг. Истоки немецкой
политической полонофилии _____ 138

Владимир Перекотин

Вопросы народного образования
в либеральной печати (1906–1912 гг.) __ 166

Contents in English look at the page 190

РОССИЯ XIX

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Всякая нация смеется
над другой, и все
одинаково правы.

Артур Шопенгауэр

Мы смотрим на чужие народы
сквозь призму собственного
духа; иначе мы не увидели бы
в них ничего, кроме чужого.

Иоганн Готфрид Гердер

Ольга Заиченко

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

СТАРЫЕ МИФЫ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ

ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО
ОБРАЗА РОССИИ В 20-е гг. XIX в.
НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

УДК

94[430:47]:"1820–1828";
329[11+12](430):327.5;
32.019.51:070.15(430)

К началу 20-х годов XIX в. образ России в Европе пережил ряд трансформаций и соединял в себе разнонаправленные оценочные векторы. Новые позитивные и старые негативные стереотипы существовали параллельно. Старые пропагандистские клише эпохи Французской революции и наполеоновских войн или почти исключались из дискурса, или приобретали новое смысловое звучание. Прежде всего речь идет о мифах о русской военной экспансии в Европу и создании «универсальной монархии» как постоянной внешнеполитической доктрины, завещанной Петром Великим. В ходе общественных дискуссий 20-х годов эти старые мифологемы наполнились новым современным содержанием. При этом российское государство служило для европейцев и немцев, в том числе, уже не столько символом внешней агрессии и поводом для военной мобилизации, сколько инструментом для рефлексии по поводу внутренних проблем, проекцией их собственных надежд и страхов.

By the early 1820s, Russia's image in Europe had undergone a series of transformations and combined opposing evaluative vectors. New positive and old negative stereotypes co-existed. Old propaganda clichés from the French Revolution and Napoleonic Wars were either largely eliminated from discourse or acquired new meanings. These primarily concerned myths about Russian military expansion into Europe and the creation of a "universal monarchy" as a permanent foreign policy doctrine bequeathed by Peter the Great. During the public debates of the 1820s, these old myths acquired new, contemporary meaning. For Europeans, including Germans, the Russian state no longer served as a symbol of external aggression and a pretext for military mobilization, but rather as a tool for reflection on domestic problems, a projection of their own hopes and fears.

Ключевые слова: Европа; Германия; Россия; политическая публицистика; русская экспансия в Европу; система международной безопасности; либеральные реформы.

Key words: Europe; Germany; Russia; political journalism; Russian expansion into Europe; international security system; liberal reforms.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

**Спасение или угроза.
Трансформации образа России
в немецкой публицистике
к началу 20-х гг. XIX в.**

Со второй половины XVIII в. вопрос о месте России в европейской политике и ее влиянии на общественные процессы на континенте оставался одним из важных компонентов

дискурса о международной безопасности и сохранении баланса сил. Со сменой очередной исторической эпохи и политических задач, стоявших перед правящими и интеллектуальными элитами, менялся ответ на вопрос: чем является Россия для Европы. Но при всех вариантах ответа неизменной оставалась амбивалентность европейского образа «окраинной империи», помещенного внутрь дихотомии «Европа–Азия», «цивилизация–варварство», «легитимность–тирания», «спасение–угроза». Как бы ни раскачивался маятник общественного мнения между этими полюсами, восприятие России чаще всего было связано со страхом перед военной экспансией со стороны последней. При этом Россия ментально помещалась либо за пределы Европы как чуждый ей элемент, либо на ее дальние окраины, оставаясь при этом ее частью.

Образ России в европейском политическом дискурсе 20-х гг. XIX в., нашедший свое отражение в немецкой публицистике, также имел свои особенности. Он был частью мировосприятия европейцев, переживших настоящий «слом эпох». Этот переломный период определялся двумя датами – 1789 и 1814 гг. Для европейцев важнейшими рубежами между уходящей и наступающей эпохой, ставшими предметом активной общественной рефлексии на протяжении всей первой половины XIX в., были Французская революция, ознаменовавшая собой вступление континента в период сокрушительных политических катастроф, и окончание антинаполеоновских войн как момент выхода из многолетнего кризиса и начала исторического обновления. Тенденции, заложенные в этот период, надолго определили развитие общественно-политической мысли Европы и восприятие России в массовом сознании европейцев, в том числе. Революционная эпоха «великого перелома» между 1789 и 1814 гг. стала временем кровопролитных сражений, всеобщего смятения и разочарований, породивших в умах множество страхов перед реальными и вымышленными угрозами, одним из которых был страх перед военной экспансией России – «русской угрозой», сформированный в наиболее законченной форме постреволюционной французской пропагандой и либеральной немецкой публицистикой на рубеже XVIII и XIX веков [4, с.7–85]. В последующие годы взгляд на Россию как на потенциальную военную угрозу для Европы, берущий

начало еще из шведских и французских памфлетов XVIII в., долгое время был преобладающим, но не единственным. Он менялся вместе с внешнеполитическими трендами.

Если говорить об основных тенденциях в восприятии России между пограничными датами 1789 и 1814 гг., определившими развитие политического дискурса в 20-е гг. XIX в., то можно выделить следующие моменты. Противостояние революционной Франции «деспотическим монархиям Европы» во главе с Россией с конца XVIII в. означалось системным идеологическим обоснованием тезиса о чуждости и враждебности «дикой окраинной империи» всей европейской цивилизации. К старым двум противопоставлениям: «Европа – Азия», «цивилизация – варварство» естественным образом добавилась еще одна антагонистическая пара: «легитимность–деспотизм», переросшая впоследствии в политическое противостояние «тирании» и «революции». В пропагандистской литературе эта идеологическая амбивалентная конструкция наиболее часто накладывалась на многолетнее военное соперничество Франции и России и служила обоснованием претензий Наполеона на политическое господство на континенте [6, с.131–148].

С началом французской экспансии в Европу в 1792 г. тема «русской угрозы», наряду с мифом о создании «универсальной монархии» под скипетром российских императоров, стала неотъемлемой частью политической борьбы наполеоновской пропаганды с антифранцузскими коалициями, куда входила Россия. Эта пропагандистская борьба массированно велась на всех подконтрольных французской администрации территориях Европы вплоть до 1814 г. Однако изменение соотношения сил на международной арене привело к коренным переменам в восприятии России европейцами. В центре заново формировавшегося дискурса на этот раз стояла фигура российского императора – «Ангела Апокалипсиса», как его называли немецкие мистики [2, с.60–85]. Образ «Благословенного Ангела»-Александра, противостоящий «Антихристу»-Наполеону в последней «Битве времен», возникший в эсхатологической литературе, вскоре получил повсеместное распространение в европейском общественном сознании. С момента вступления в русско-французскую войну 1812 г. Александр I рассматривался немецкой публицистикой уже не как «самодержец и деспот», а как «просвещенный монарх» и верный союзник, несущий свободу «порабощенным народам Европы», а русская армия – как единственная сила, которая могла бы противостоять «корсиканскому чудовищу» [5, с.100–123]. После полного разгрома великой армии

Наполеона и учреждения Священного Союза именно с Россией и ее императором Александром I Благословенным большинство представителей европейской интеллектуальной элиты связывало свои утопические надежды на начало новой эпохи духовного возрождения и установления «вечного мира» в Европе.

Таким образом, за недолгий период между 1879 и 1814 гг. образ России полностью сменил коннотацию и содержание с негативных на позитивные. Но политические тренды продолжали неумолимо меняться. Уже начиная с 1817 г., в связи с ухудшением экономического и политического положения в германских землях, а также последующим переходом к политике Реставрации быстрыми темпами происходят обратные изменения общественных настроений от утопических надежд к разочарованиям. Следом за ними последовала реанимация старой французской мифологемы о «русской угрозе», которая в ходе общественных дискуссий наполнилась новым современным содержанием. В итоге к началу 20-х гг. XIX в. образ России во внешнеполитическом дискурсе Германии соединил в себе разнонаправленные оценочные векторы, когда новые позитивные и старые негативные стереотипы существовали параллельно, то выпадая на время из повестки общественного обсуждения, то возвращаясь вновь, и создавая при этом совершенно новые смыслы.

Возникшая на месте старой Европы Венская система коллективной безопасности, основанная на принципе легитимизма, привнесла значительные новшества в систему международных отношений, не предполагала решения назревших политических проблем: создания национальных государств и проведения либеральных реформ. К началу 20-х гг. позитивный международный дискурс о сохранении «вечного мира», частью которого был образ русского императора как «освободителя Европы» и «миротворца», начал вступать в противоречие с критическим «внутренним» дискурсом и ростом негативных общественно-политических настроений в германских землях. Итоги Аахенского конгресса 1818 г. окончательно похоронили надежду немцев на возрождение сильной Германии. Вместе с совместным решением стран-победительниц о принятии Франции в Священный Союз в качестве полноправного члена, они вызвали крайнее возмущение в германских землях, и, прежде всего, в Пруссии, претендовавшей на лидирующую роль в регионе после разгрома французской армии. Затем 20 сентября 1819 г. введением по решению Бундестага в государствах Германского союза реакционных Карлсбадских указов был нанесен удар по надеждам

на либеральные реформы. По сути эта серия законодательных актов была направлена против любых проявлений общенемецкого патриотизма, связанных с идеей создания в Германии единого национального государства с либеральной формой правления. Эта инициатива правящих кругов, напуганных выступлениями радикально настроенных студентов, сопровождалась новой волной массовых разочарований в обществе, дав начало политике Реставрации и надолго похоронив идею национального единства и конституционного правления [1, с.177–191].

Но при этом, времена опустошительных войн и «большого страха» перед анархией и революционным хаосом, длившиеся с 1792 г. и принесшие столько бедствий Германии, казалось, закончились. С одной стороны немцы получили долгожданный мир и внешнеполитическую стабильность, с другой – подавление любых проявлений оппозиционного мышления внутри германских государств. Последовавшая в 20-е гг. XIX в. эпоха политического обскурантизма с усилением цензуры и полицейских репрессий положила конец каким-либо высказываниям на злободневные национальные и внутриполитические темы, оставив возможность только для абстрактных рассуждений о «вечном мире», судьбах Европы и балансе сил. В итоге немцам не оставалось ничего другого, как приспособить международный дискурс для нужд ведения внутриполитических дискуссий, пусть и в таком завуалированном виде. Многие тексты, посвященные внешним угрозам и сохранению «вечного мира» содержали в себе скрытые намеки на необходимость проведения конституционных реформ и верховенства права. Так как главное препятствие на пути общественного развития Германии большинство немецких либеральных публицистов видели во вмешательстве «азиатской», «варварской», «деспотической» России во внутренние дела германских земель, то неудивительно, что в 20-е гг. XIX в. старый пропагандистский тезис о «русской угрозе» переживал свой ренессанс. Даже в сочинениях совершенно лояльных к России авторов, которых действительно волновали темы, связанные с сохранением «вечного мира», на заднем плане и между строк продолжал маячить вечный страх перед русской экспансией на Запад.

**Особенности образа России
в немецкой политической
публицистике. Роль историко-
литературных мистификаций**

В основу исследования легли публицистические произведения немецких авторов 20-х гг., политические памфлеты, в которых наиболее полно отразились различные варианты

использования старых антирусских клише, заимствованных из поли-

тических дискуссий на рубеже XVIII–XIX вв. Отбор источников шел по определенному принципу. Выбранные нами сочинения отражают последовательную смену ракурсов взгляда на «русскую угрозу» в Европе. Эти ракурсы характеризуются постепенным изменением масштаба конструируемой картины развития событий. Первый ближний ракурс – взгляд на Россию как угрозу непосредственно для Германии, зажатой между двумя враждебными континентальными империями – Россией и Францией, в рамках идеологического противостояния «легитимности» и «деспотизма». Далее от анализа локальной угрозы со стороны России мы перейдем к «угрозе» уже европейского масштаба и коснемся темы наступающего на континент «русско-английского рабства». Мы рассмотрим взгляд на Россию как угрозу «старой» Европе, «колыбели цивилизации», зажатой между «молодыми» окраинными империями – Россией и Англией в рамках условной дихотомии «цивилизация – варварство». И, наконец, постараемся найти в сочинениях немецких авторов ответ на вопрос: несет ли Россия угрозу для всей европейской системы как принципиально чуждое ей образование, помещенное в биполярную конструкцию «Европа – Азия».

Останавливаясь более подробно на реальных и мнимых угрозах для Германии, мы возьмем за основу исследования один из изданных анонимно в 1824 г. памфлетов, содержание которого построено на сравнительном анализе заведомо сфальсифицированных документов, приписываемых двум великим завоевателям Европы, воплотившим в себе в разное время «французскую угрозу» и «русскую угрозу» для Германии – Наполеону и Петру Великому. Эти произведения можно отнести к популярному жанру так называемых «политических завещаний». В этом случае речь идет об историко-литературных мистификациях, выдаваемых за откровенное изложение взглядов покойных государственных деятелей, адресованное их наследникам и изданное в более поздний период с целью «в назидание потомкам пролить свет на тайные цели и секретные замыслы умерших властителей Европы» [7, с.46].

Можно сказать, что с XVIII в. в Европе возникла мода на «политические завещания» монархов, и мнимые и подлинные, достаточно вспомнить о соответствующей традиции у правящих представителей дома Гогенцоллернов, заложенной еще курфюрстом Бранденбурга Фридрихом Вильгельмом I в 1688 г. Если правитель не оставлял подобного документа сам, потомки часто делали это за него, преследуя при этом собственные политические цели. Например,

в рассматриваемый нами период было хорошо известно фальшивое «завещание» Екатерины II, которое под названием «Добрый и последний совет Екатерины II Павлу I, найденный в бумагах государыни после ее смерти», было первоначально опубликовано в 1802 г. в качестве приложения к анонимно изданной в Париже и Лондоне книге «История России, сокращенная до изложения только важных фактов» [20]. Позднее эта литературная мистификация, написанная от имени Екатерины II французским публицистом Сильвеном Марешалем, была переиздана в 1807 и 1810 гг.

Если в «политическом завещании» российской императрицы, созданном Марешалем, тема «русской угрозы» была затронута в основном применительно к Франции и завоеваниям французской революции, то анонимный автор немецкого памфлета, изданного в Лейпциге в 1824 г., под названием «Политическое завещание императора Наполеона в сравнении с политическим завещанием Петра Великого, императора России» [10], посвятил ей большую часть своих рассуждений, сосредоточившись на угрозе порабощения Германии. Об интересе к жанру политических мистификаций и актуальности тематики различных внешних «угроз» говорит тот факт, что одновременно с этим памфлетом вышла еще одна брошюра, видимо, переведенная с французского языка, с похожим названием и аналогичная по содержанию [9]. Обе публикации отличаются только авторскими комментариями, которые являются наиболее интересной частью для анализа. Можно утверждать, что в первом сочинении они сделаны немцем и потому представляются нам более предпочтительными для анализа.

Наполеон Бонапарт, образ которого уже был овеян мифами и легендами, скончался в мае 1821 г. на острове Святой Елены. А в 1823 г. в Лондоне вышла наделавшая много шума и сразу ставшая бестселлером книга графа Эммануэля Огюста де Лас-Каз «Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне» [21]. Она представляла собой дневник, который вел граф Лас-Каз, как конфидент Наполеона, последовавший за ним в изгнание на остров Святой Елены. День за днем он записывал все, что делал и говорил император, более того, часть дневниковых записей была продиктована самим Наполеоном. В основном это геополитические рассуждения, некоторые из которых были связаны с Россией. Так, например, продолжая надеяться на то, что ему удастся покинуть место своего заточения, в 1815 г. Наполеон утверждал, что «при настоящем порядке вещей в течение десяти лет

вся Европа может стать казачьей или окончательно республиканской» [21, Vol.II, P.233], и только он может спасти континент от грозящих ему опасностей. В следующем 1816 г. он снова не раз возвращался к теме России, сравнивая ее с головой гидры, готовой проглотить Европу, справиться с которой сможет только новый Геркулес [21, Vol.IV, P.133f], под которым он, разумеется, подразумевал себя. Высказывания Наполеона были точны и остроумны и очень скоро разошлись на цитаты, а интерес к его личности, жизни и смерти вновь охватил всю Европу. Поэтому неудивительно, что с 1823 г. европейскую прессу заполнило множество разнообразных текстов, которые выдавались за его «мемории» и «политические завещания».

Что же касается «Завещания» Петра Великого, то связанная с ним история хорошо известна. Текст, выдаваемый за «Завещание» являлся исторической фальсификацией, созданной с политическими целями в эпоху Французской революции в конце XVIII в. в эмигрантской среде во Франции. В его основу легло сочинение польского эмигранта М.Сокольниковского «Взгляд на Россию», написанное в 1797 г., текст которого так и не был опубликован. Накануне вторжения Наполеона в Россию эти материалы были использованы в пропагандистских целях французским чиновником Мишелем Лезуром, который, будучи одновременно историком, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века» [22], опубликованную уже в 1812 г. Тест, известный позднее как «Завещание Петра Великого», был включен в это сочинение и впервые представлен публике Лезуром в качестве «Плана Петра Великого». Этот памфлет был предназначен для того, чтобы убедить европейскую публику в наличии долгосрочных агрессивных и наступательных планов у российского правительства во внешней политике. Петру I приписывалась идея о необходимости для России осуществлять территориальную экспансию в северном, южном и восточном направлениях вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии, то есть речь шла о письменном доказательстве существования «русской угрозы», нависшей не только над Европой, но и над всем миром. В преамбуле Лезур писал, что «Французская революция и революция в Польше должны нанести смертельный удар по планам Петра», дабы предотвратить грозящую катастрофу. По словам автора, этот секретный план императора был якобы найден среди бумаг русских архивов, захваченных в 1794 г. в Варшаве [8, с.143–144]. Следующее упоминание о «плане Петра Великого» можно встретить в небольшой брошюре генерала Роберта

Вильсона «Очерк на тему военной и политической мощи России в 1817 году» [28], вышедшей в Лондоне. И, наконец, в 1824 г. в Лейпциге «План Петра Великого» Лезура впервые был опубликован на немецком языке как его «Завещание» и именно в таком виде вошел в литературный и политический обиход.

В основном политические фальсификации на протяжении полутора столетий использовались для разжигания военной истерии на основе комплекса «русской угрозы» в период международных конфликтов. Однако представленное нами сочинение, будучи интерпретацией заведомых литературных подделок, было написано совсем с другой целью. Pamфлет вместе с включенными в него «Завещаниями» двух императоров интересен тем, что его анонимный автор, либерал и пацифист, обратился к старым французским пропагандистским материалам не для того, чтобы вызвать ненависть к России или военную эскалацию. Более того, Россия как таковая, судя по всему, его вообще мало интересует. Он использует это заведомо сфальсифицированное «свидетельство» «русской угрозы» как повод для изложения собственного либерального манифеста и призыва к «вечному миру», полагая, что законодательное урегулирование принципов Священного союза поможет избежать международных конфликтов, а проведенные в германских землях либеральные реформы – политического раскола в обществе и гражданских войн. Автор брошюры с «Завещаниями» Петра и Наполеона также неоднократно выражал сомнения в их подлинности, однако приводит их в качестве политических свидетельств, чтобы показать, насколько опасными могут быть для германских государств давящие на них с запада и востока соседи – Франция и Россия.

Россия и Франция как экзистенциальные угрозы для Германии в рамках дихотомии «легитимность – деспотизм»

Текст брошюры разбит на три части и выглядит как три монолога – Наполеона, Петра Великого и автора, который выступает со своими комментариями, основываясь на предыдущих двух тестах. Большая часть «Завещания» Наполеона посвящена прогнозам на будущее для основных держав Европы, которым «французский император» предвещал в скором времени череду революций и кризисов. О будущем России он не говорит ничего, кроме того, что она обладает самой сильной в мире армией, а следовательно продолжает оставаться потенциальной угрозой для всех европейских монархий.

Наибольшее внимание, как и следовало ожидать, «Наполеон» в своих предсказаниях уделяет Германии, озвучивая, по сути, либеральную программу патриотически настроенных немцев, в которой национальная независимость тесно связана с наличием политических свобод: «В развитии политических институтов свободолюбивые немцы не должны отставать от своих соседей, если они не хотят стать их добычей. Немецкий народ, который живет с идеями конституционного права и законности, не сможет долго выносить позор иностранного подавления» [10, S. 14]. «Наполеон» видит Германию свободной не только от иностранного гнета, под которым следует подразумевать, прежде всего, влияние России, но и от тирании местных правителей. Главным препятствием на пути к полному освобождению немцев французский «прорицатель» считает «противодействие ходу истории» со стороны России и Австрии, как наиболее реакционных монархий, но все же выражает надежду на национальное и политическое возрождение Германии.

В заключение «Наполеон» переходит к постулированию главной идеи памфлета – эсхатологическому «противостоянию» сил «легитимности» и «тирании», затрагивая тему «русской угрозы» как одной из наиболее опасных форм проявления «тирании». Себя французский «император», естественно, причисляет к миротворцам и защитникам легитимности. В частности, он объясняет причины начала русско-французской войны 1812 г. продолжением своей борьбы за сохранение мира в Европе против «восточного деспотизма». «Император Александр, – предупреждает «Наполеон», – легко может мобилизовать многочисленные армии, чтобы в любой момент вывести их за пределы своих границ. Русским ничто не помешает установить свое господство над Европой, если на то будет воля Александра» [10, S. 15] .

Подтверждением слов «Наполеона», по мнению автора брошюры, является приведенное следом «Завещание Петра Великого». Причину того, что Россия «издавна демонстрировала стойкое стремление к экспансии на Запад и Юг», – как он считает, – следует искать в политическом Завещании Петра Великого. «Петр I совершенно откровенно описал проекты, безотлагательное осуществление которых он рекомендует своим наследникам, и последние добросовестно исполнили многие из них. Представленный на суд читателей документ относится к условиям и намерениям России относительно Турции, Польши, Швеции и других соседних стран» [10, S. 21].

Как и следовало ожидать, наиболее подробно автор останавливается на военной угрозе непосредственно Германии. Он полагает, что Россия, следуя заветам Петра, и впредь будет подталкивать «Австрийский дом» к разжиганию новых конфликтов в германских землях, чтобы при первом же удобном случае вмешаться под видом миротворца и «продвинуть свои линейные войска к Рейну, в то время как толпы жадных азиатских орд будут следовать за ними». Разорив и поработив Германию, «регулярная армия русского императора получит возможность победить и подчинить себе остальную Европу» [10, S.23].

После изложения основных тезисов «Завещания Петра Великого», позаимствованных из книги Лезура, в заключение автор памфлета опять берет слово, чтобы поделиться с читателями своими мыслями о возможности и необходимости сохранения «вечного мира», угрозу которому он видит в политике быстро возрождающейся Франции и России. Он считает, что стремление к экспансии, ставшее источником многих кровавых войн, «не только не прекращается, но, наоборот, постоянно возрастает», и пока «внутренние государственные институты не будут основываться на всеобщей законности, совмещенной с уважением прав каждой личности, сохранение мира между народами будет всегда зиждиться только на страхе перед бедствиями, которые производит война» [10, S.17].

Доказательством этого тезиса служат автору «политические Завещания» французского и русского императоров. По его мнению, Наполеон был великим правителем французов до тех пор, пока не объявил себя консулом с единоличной властью. «Став самовластным обладателем Франции, он регулярно нарушал все ее юридические принципы. Переступив через законность и права французских граждан, его политика вышла за пределы государственных границ, чтобы распространить деспотическую власть Бонапарта на всю Европу» [10, S.17]. Превратившись в тирана, Наполеон привел свою империю к краху, хотя изначально он имел благие намерения защитить Европу от «русского деспотизма». Если «последствия необдуманных действий одного из умнейших людей Европы» привели к таким ужасным результатам, то чего тогда можно ждать от Российской империи, где политика территориальных захватов завещана ее основателем, а деспотизм – привычная форма правления и «все зависит от воли лишь одного человека»? – риторически вопрошает автор. Отсюда напрашивается вывод: «Необузданный произвол сначала разрушает благосостояние собственного народа, а затем неизбежно подрывает мир на всем

континенте» [10, S. 18]. Как полагает автор, только «свободная воля народов» и соблюдение «всеобщей законности» в отношениях как между людьми, так и между государствами могут противостоять возникновению деспотических «универсальных монархий», о которых так мечтали Наполеон и Петр Великий.

Установление новых правовых международных институтов и проведение либеральных реформ, по его мнению, особенно актуальны для Германии, ослабленной внутренними распрями. Насильственная политика Реставрации способствовала усилению раскола в обществе, активизации борьбы между приверженцами реакции и прогресса. Одни «хотят всеобщего застоя», другие «ведут общество вперед и желают посадить ростки нового». Последствием этого противостояния стало нарушение «естественного развития институтов, необходимых для блага немецкого Отечества». В результате насилия со стороны власти в обществе возникла угроза «непрерывных беспорядков и кровопролития», что ослабляет Германию изнутри, делает ее легкой добычей для более сильных соседей, прежде всего, для России и Франции. Единственный выход для восстановления мира и спокойствия в германских землях автор видит в проведении либеральных реформ и установлении конституционного строя, который «гарантирует каждому немцу владение собственностью, обеспечит свободу мнений и предпринимательства, откроет широкий простор человеческой деятельности, если только она не противоречит закону» [10, S. 23]. Таким образом, автор переносит тему противостояния «легитимности» и «деспотизма» из безопасного внешнеполитического дискурса во внутривнутриполитический.

Подводя итог, в конце памфлета автор опять возвращается к рассуждениям о «русской» и «французской» угрозах в отношении Германии. После развернутых комментариев к «Завещаниям» Наполеона и Петра Великого он напрямую обращается к читателю с назидательной речью: «Итак, дорогой читатель, два представленных на твой суд документа еще раз напоминают нам об угрозе двойной экспансии – с Запада и с Востока, которая совсем недавно нависала и продолжает нависать над Германией и над всей Европой со стороны двух империй: Французской и Российской, о чем свидетельствуют политические завещания их властителей» [10, S. 24]. Далее автор еще раз повторяет главную мысль, ради которой было затеяно написание этого памфлета, а именно, что единственную защиту от грозящей Германии экспансии он видит в модернизации ее внутреннего устройства, то есть в либеральных

реформах, когда «справедливый закон гарантирует всем безопасность, а мудро составленная конституция предотвращает как опасность угнетения, так и дряблое безволие власти» [10, S.25].

**Старые темы о русской
и французской экспансии
в новом контексте
внутриполитических проблем**

Надо заметить, что тема «французской» и «русской» угрозы Германии была не нова для немецкой политической публицистики.

Она переключалась во внешнеполитический дискурс второй четверти XIX в. из переломной эпохи 1789–1814 гг. и наиболее ярко прозвучала в конце 1791 г. во время Эльзасского кризиса [3, с.101–112]. Тогда по решению Французского Национального собрания армия Революции, преодолев Рейн, оккупировала левобережные территории юго-западных немецких княжеств. В этой ситуации с претензиями на роль главной защитницы целостности германских земель и имперской конституции выступила Екатерина II как один из гарантов Тешенского и Вестфальского мирных договоров, закреплявших политическое и правовое status quo [25, S.218–231] имперских княжеств. Российская императрица только ждала одобрения рейхстага, чтобы ввести войска в рейнскую область. Угроза столкновения не только политических интересов, но и армий Франции и России на территории германских княжеств дала толчок длительной внешнеполитической дискуссии о «французской» и «русской угрозе» суверенности субъектов Священной Римской империи [11; 12; 13; 15; 16]. Итог двухлетним обсуждениям в немецкой печати подвел ганноверский дипломат Иоганн Карл Христиан фон Вакерхаген, опубликовавший в 1794 г. эссе под длинным названием «Попытка доказать, что императрица России не может гарантировать условия Вестфальского мира: наряду с некоторыми замечаниями о последних международных событиях» [27]. Вакерхаген так же, как и его последователи, видел Германию зажатой «между двух огней», двух в равной степени опасных держав, стремящихся к экспансии. Причем Россия из-за своей лицемерной позиции «миротворца» представляется ему еще более опасной, нежели Франция. Если последняя действует открыто, оккупировав германские территории на западе, то Россию немцы готовы сами пригласить в свои земли, чем она непременно воспользуется, чтобы захватить часть Империи на востоке. В качестве доказательства собственной правоты ганноверский дипломат ссылается на русскую политику «поглощения Польши», которая пала

жертвой лицемерия Екатерины II, а также «внутренних беспорядков» и раскола среди собственных элит. Теперь, когда Польша утратила свою независимость и «больше не является шлагбаумом между нами и Россией», именно Германия должна стать следующей жертвой: «Разве мы не должны опасаться, – риторически вопрошает Вакерхаген, – что солнце, которое так страшно поднимается ввысь на Востоке, уничтожит нашу свободу на Западе?» [27, S. VIII]. Автор эссе 1794 г., как и его далекий последователь из эпохи Реставрации, приходит к выводу, что если имперские князья, а также Австрия и Пруссия не престанут враждовать между собой, их постигнет та же участь, что и Польшу, превратившуюся в «одну из русских провинций».

Как и анонимный автор памфлета о «политических Завещаниях» 1824 г., Вакерхаген проблему угрозы внешней экспансии сводит к решению внутривнутриполитических проблем. В переходную эпоху 1789–1814 гг. самой большой проблемой германских земель была внутренняя раздробленность и отсутствие политического единства. Поэтому главной альтернативой «французской угрозе» с запада и «русской угрозе» с востока, по мысли Вакерхагена, является «подлинный немецкий патриотизм», возрождение «корпоративного духа» и единство: «С помощью своевременных контрмер и совместных согласованных действий мы сможем остановить любое стремление к расширению границ, поставить предел для любой чужой экспансии и ограничить непомерные амбиции державы, которая одержима химерой всевластия» [27, S. X]. Интересно, что аргументы, которые приводит Вакерхаген, говоря о необходимости перемен внутри архаичной раздробленной Священной Римской империи в 1794 г., спустя ровно тридцать лет почти созвучны рассуждениям о либеральных реформах в Германии анонимного автора памфлета о «политических Завещаниях» Наполеона и Петра Великого 1824 г.

Итак, перед нами довольно интересный пример использования старых пропагандистских мифов для обоснования актуальных политических целей. По сути, автор в условиях политического обскурантизма периода Реставрации использует идею гипотетической французской и русской «угрозы» не для эскалации ответных мер со стороны Германии, а для аргументации в пользу проведения либеральных реформ и законодательного закрепления основных положений Священного союза, хотя делает это по цензурным соображениям в весьма туманных выражениях, не давая никаких конкретных рекомендаций.

Русская угроза Европе в рамках дихотомии «цивилизация – варварство». Миф о «русской-английской диктатуре»

В немецком внешнеполитическом дискурсе 20-х гг. XIX в. «русская угроза» не носила локального характера. По мнению большинства публицистов она нависала не только над Германией, но и над всей «старой Европой» как колыбелью цивилизации человечества. Еще одним сочинением, основанным на старых мифологемах временного коридора между Французской революцией и окончанием наполеоновских войн, является изданное в том же 1824 г. анонимное эссе под названием «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России» [14]. В его основе лежит старый тезис об «англо-русской диктатуре» над Европой, получивший наибольшее распространение во французской прессе во время военной компании 1798 года. Тогда продвижение войск второй антинаполеоновской коалиции описывалось пропагандистами как повторение древних варварских нашествий на Европу. Франция же представлялась как «лидер цивилизованной Европы», противостоящий «варварским империям» – Австрии, Британии и России. Впоследствии после ряда поражений, Австрия была убрана из этого списка, зато миф о «диктатуре» двух окраинных империй, не принадлежащих Европе – морской и континентальной – получил новое развитие и надолго закрепился в профранцузской европейской публицистике. Суть его была озвучена еще в начале 1795 г. депутатом Антуаном Франсуа Буасси д'Англа на заседании конвента 21 января и сводилась к формуле: «Россия стремится к владычеству на суше, тогда как надменный Альбион – к владычеству на море» [19, S. 106].

Впоследствии наиболее полное развитие пропагандистская тема о русско-английской угрозе получила в публицистике молодого немецкого якобинца Йозефа Герреса, в частности, в серии его аналитических статей 1798 г. «Исторический обзор новейших политических событий», открывавших шестую часть первого тома журнала «Красный листок», где он пишет об угрожающей всей Европе «всемирной диктатуре английской торговли и русской военной политики» [18, S. 175–205].

Последовавшие победы Франции в Европе и новые войны на время сделали этот сюжет неактуальным. Затем после недолгого затишья тема «англо-русской диктатуры» оживилась снова. Так, в 1823 г. вышло программное сочинение блестящего французского публициста аббата Дюфура де Прадта «Сопоставление английского и русского могущества относительно Европы» [26], в котором он доказывал, что угроза Европе

с моря в лице Англии и с суши – со стороны России продолжает сохраняться и в современных условиях. Она требует от европейских держав сплотиться и приложить все усилия для восстановления сильной Франции, которая одна может возглавить общее сопротивление грозящему всем народам «двойному игу».

Экономическое превосходство Англии и засилье английских товаров, как и военное превосходство России и политическое давление с ее стороны, в равной степени вызывали раздражение в германских землях. Поэтому реанимированная Прадтом тема «англо-русской диктатуры» оказалась близка и немецким интеллектуалам, но они интерпретировали ее по-своему. Автор брошюры «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России», вышедшей через год после книги Прадта, говорит о существовании двух полюсов, между которыми находится Европа – Англии и России. Но он призывает европейцев не бороться с ними, а примкнуть к одному из них, так как существование двух сверхдержав, которые, пусть разными способами, но продолжают распространять свое влияние, рано или поздно должно привести к конкуренции и противостоянию между ними. И когда мир расколется пополам, «вы не сможете уклониться от влияния одной или другой державы. Вся ваша свобода будет ограничена только этим выбором» [14, S.111], – обращается он к своим читателям. При этом автор продолжает придерживаться старого тезиса о периферийности, а, следовательно, слабой включенности этих двух империй в Европу, в чем видит главную опасность сложившейся ситуации: «Протекторат над обществами, близкими друг другу в своем нравственном и гражданском развитии оказался в руках двух держав, которые по своей прихоти вынесли принятие судьбоносных для европейских народов решений за рамки их территорий, их жизни и деятельности. Отныне право определять судьбу Европы принадлежит двум окраинным империям, образованным из элементов, почти полностью противоречащих друг другу, и на очень различных основах» [14, S.2]. Далее автор пытается показать противоположность этих основ, помогая читателю сделать правильный выбор той или иной стороны. При этом он претендует на полную объективность и беспристрастность суждений, подчеркивая, что не является сторонником ни английской, ни русской партий в Европе.

В брошюре действительно дается системный геополитический анализ состояния России с точки зрения размеров ее территории, рельефа и климата, состава населения, развития цивилизации, конкурентоспособности ее армий, системы государственного

управления и принципов внешней политики. Нынешнее политическое устройство России, по мнению автора, в целом можно охарактеризовать как «деспотизм» и «варварство». Ее государственные и общественные принципы пока еще полностью противоречат ценностям «цивилизованного европейца», под которыми, следуя из контекста, нужно понимать именно либеральные ценности: «В России не существует никакого общественного мнения, никакого законодательно обязательного оповещения, никаких протестов и возражений, никакого признанного народом права. Идеи восточного деспотизма живут и претворяются в жизнь со всей строгостью: солдаты, рабские машины, так сильно подавляют свободу жителей, как будто речь идет о насаждении политики иностранных поработителей» [14, S. 108].

Затем, продолжая нагнетать читательское напряжение и страхи, автор анализирует основные цели и механизмы современной внешней политики России. Для рассмотрения он берет одну из главных составляющих комплекса «русской угрозы», а именно растущую мощь российской армии, которая в случае войны представляет собой большую опасность для Европы. «При этом, – уточняет он, – самим европейским армиям не удастся напасть на Россию так, чтобы причинить ей ощутимый ущерб. Она не имеет ни морской торговли, ни колоний, ни какого-либо другого уязвимого места» [14, S. 103–104]. Подобная неуязвимость дает России возможность вести успешную экспансию на Западе и Востоке, при этом постоянно вмешиваясь в дела европейских государств, будучи лишь периферийной империей. «С 1799 года, – констатирует автор, – Россия пять раз вмешивалась со своими армиями в дела центральной Европы. С тех пор она стоит во главе континентальной политики. – После Венского конгресса Европа должна была сплотиться и снова закрыться перед Россией, чтобы единодушно препятствовать любому участию в своих делах державе, которая не имеет здесь никакого непосредственного интереса, но может нарушить равновесие европейских государств в свою пользу» [14, S. 100].

Далее, развивая тему русско-английской диктатуры и проводя сравнительный анализ политики двух империй, автор постепенно выводит из этой схемы английскую составляющую, заменяя всю с таким трудом созданную политическую конструкцию старой мифологемой «русской угрозы», помещенной внутрь экзистенционального противостояния европейской «цивилизации» и русского «варварства». Общий ход его рассуждений таков: если Англия несет по всему миру

цивилизацию и культуру, а в случае войны может лишь лишить своих врагов части их богатств, то Россия со своей огромной армией может не только прекратить само их существование, но и уничтожить всю Европу. Образ «меркантильной», но «цивилизованной» Англии был им использован только для того, чтобы на контрасте доказать, что «от варварской России не следует ожидать ничего, что касается развития общественной свободы в Европе. Наоборот – главный принцип ее правительства противоречит любой форме свободного развития» [14, S.108]. То есть речь опять идет о необходимости либеральных преобразований, но уже в масштабах всей Европы. По мнению автора, их необходимо проводить, несмотря на реальное или мифическое давление России, которую было проще и удобнее всего обвинить во всех собственных неудачах. Таким образом, из изобретенного французами пропагандистского тезиса о «русско-английской диктатуре» немецкими либеральными интеллектуалами был полностью выхолощен заложенный в него первоначальный смысл. И мы еще раз смогли наблюдать, как в условиях жесткой цензурной политики, запрещавшей любые формы либерального дискурса, старые инструменты и клише французской политической риторики спустя тридцать лет вновь используются немецкими публицистами для создания собственных новых идеологических конструкций.

Россия – европейский форпост в Азии или азиатская угроза в Европе

Наряду с негативным образом России в немецком внешнеполитическом дискурсе существовало также и ее позитивное восприятие. Если

негативный тренд был связан со страхом перед русской экспансией в Европу, то положительный взгляд на Россию часто базировался на теме ее продвижения на Восток, но уже как носителя ценностей европейской цивилизации в Азии. Подобный ракурс давал повод немецким интеллектуалам рассматривать Российскую империю, с одной стороны, как форпост, защитный вал от турецкой агрессии, с другой стороны, – с точки зрения ее культуртрегерской миссии, – как европейскую колонию в Азии, «несущую блага цивилизации диким племенам на Востоке». Эти позиции – позитивную и негативную – объединяло одно: в обоих случаях речь шла о территориальной экспансии России, менялись только ее направления. То есть в основе позитивного и негативного восприятия лежала все та же «русская угроза» в открытом или завуалированном виде.

Наивная вера в бескорыстие русских императоров времен Венского конгресса в 20-е гг. окончательно рассеялась после присоединения Финляндии, Бессарабии и большей части Польши. Возникшая в связи с этим политическая фрустрация потребовала от немцев поиска объяснений, которые были найдены в сочинениях просветителей XVIII в. Жажда к «расширению», которую признавали за Россией все немецкие интеллектуалы, проистекала, по их мнению, из того, она была «молодой» империей, которая совсем недавно вступила в «семью цивилизованных европейских народов». Это оправдание внешнеполитической активности «северного соседа» имело свою оборотную сторону – напоминание о том, что Россия возникла как цивилизация азиатская. Следовательно, опять, как и в конце XVIII в., вставал вопрос о ее включенности в Европу. Если сравнение России с Британской империей определяло ей место европейской окраины, то включение в один ряд с Турцией выводило ее за пределы Европы, превращая в чужеродный и враждебный всему цивилизованному миру элемент Азии.

Между Российской и Османской империями часто проводились политические и культурные параллели. Кроме того, в европейской политике существовало вековое противопоставление Турции и России, как чужаков для европейской цивилизации, которых периодически можно было использовать друг против друга, объявляя союзниками и включая в коалиции. В XVIII в. произошла замена антитезы «христианство – ислам» на противопоставление «цивилизации» и «варварства». Представления о культурном и цивилизационном единстве, определяемые такими критериями, как «гуманность», «право», «общественные нравы», вытеснили христианскую общность в качестве главного признака, по которому Европа отличала себя от неевропейских обществ. В результате Россия и Турция периодически оказывались в одном лагере, как варварские и деспотические государства. Кроме того, постепенное распространение принципов «Realpolitik» для сохранения баланса сил в Европе давало повод для того, чтобы менять их местами, поддерживая Турцию против России и наоборот. Однако если восприятие России европейцами предполагало некую амбивалентность, то в отношении Османской империи ее не было, и действовал только голый расчет «реальной политики».

Соперничество России и Турции со времен «Греческого проекта» Екатерины II также сохранило первостепенное значение для европейских правительств с точки зрения сохранения баланса сил. Франция и Англия, а также Швеция периодически поддерживали Турцию в русско-

турецких конфликтах. Так, накануне очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. британское правительство приняло решение: если Россия попытается захватить Константинополь, то этому необходимо воспрепятствовать, применив военную силу на стороне Турции [17, р. 96].

Насколько эта тема была актуальна для Европы можно судить по большому количеству сочинений, появившихся в 1828 г. накануне русско-турецкой войны. Одним из них был трактат известного немецкого экономиста, профессора философского факультета университета Эрлангена Михаэля Александра Липса «Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы» [24]. С помощью этого сочинения, написанного с прорусских позиций, немецкий профессор пытался донести до широкой публики свои соображения о необходимости вытеснения турок с европейского континента и предложения о том, как сохранить политическое равновесие и «вечный мир» в Европе, удовлетворив территориальные претензии русских монархов. По сути, это был, наверное, один из первых европейских планов «умиротворения» России, который можно было рассматривать как завуалированный ответ на «русскую угрозу». И хотя немецкого «кабинетного профессора» из провинциального Эрлангена не смогли заподозрить в ангажированности даже оппоненты, многократно критиковавшие его за прорусскую позицию, занятую им при написании другого знаменитого памфлета о Венском конгрессе [23], изложение его взглядов на «восточный вопрос», судя по всему, во многом совпадало с мнением русского правительства.

В центре исследования Липса находится рассмотрение тактики европейских государств в отношении Турции и России с точки зрения потребностей цивилизации и политической целесообразности. По мнению автора, со всех точек зрения Россия является частью Европы и важнейшим игроком на политической арене. Что же касается Османской империи, то она ради спасения цивилизации и в интересах реальной политики должна быть вытеснена из Европы, «которая не может больше существовать рядом с варварством и деспотизмом» [24, S. 31]. Далее Липс совершает своего рода интеллектуальную подмену понятий и образов. Он изымает Россию из того круга политического отчуждения, куда ее периодически ставили французские и немецкие публицисты, и помещает на ее место Турцию, обратив на нее всю ту риторику, что использовалась против России. Он призывает всех правителей Европы, куда, по его убеждению, входит и Россия, объединиться и свергнуть «деспотизм Азии», так как «такое правление,

как турецкое, ни в коем случае не подходит Европе, а возможно только в Азии, на родине деспотизма и униженного человечества» [24, S.33]. В том же ключе он говорит о «турецкой угрозе», несмотря на то, что сам многократно подчеркивал слабость и военную деградацию Османской империи: «Европейская политика должна была обратить внимание на опасность, которая возникнет, если она позволит существовать рядом с собой этому вооруженному на европейский манер народу, воодушевленному фанатизмом и верой в слепую судьбу. С учетом ее физических возможностей, религиозных принципов и национальной ненависти Порту следует бояться гораздо больше, чем Россию» [24, S.59].

Признавая факт постоянного роста военного и политического могущества России, Липс готов согласиться, что страх перед «русской угрозой» возник не на пустом месте: Россия действительно систематически вторгалась в Европу и, расчленив Польшу, продвинулась до границ Германии. Поэтому он предлагает европейцам поддержать войну России с Турцией, дав ей захватить все, что она хочет, перенаправив, таким образом, «ее продвижение с запада Европы на Юг и Восток, переместив с границ Польши в направлении Турции» [24, S.60].

Обосновывая справедливость своего плана «умиротворения» России, Липс утверждал, что «она будет следовать в этом направлении до тех пор, пока не удовлетворит свои потребности захватчика. Продвижение на юг является естественной потребностью этой империи. Она инстинктивно следует за этим импульсом, и ни гуманная, ни жестокая политика соседних государств не может противостоять ей в этом, а потому не стоит вставать на ее пути» [24, S.63]. Более того, продвигаясь на Юг, Россия сможет выполнить свою историческую миссию – освободить христианское население турецких провинций от «бескрайних страданий». И даже в захвате Россией Константинополя, чему противились, пожалуй, все европейские правительства, кроме Австрии, Липс видел много позитивного для Европы, та как «получив возможность полностью посвятить себя Константинополю, она благодаря древней культуре этой земли сможет стать более просвещенной, гуманной и отказаться от всех дальнейших захватов. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то нужно просто не препятствовать тому, чтобы самая большая часть европейской Турции перешла к России, чтобы здесь ее интересы нашли свое умиротворение» [24. S.70].

Компенсацией за возможность завладеть Константинополем, по мнению Липса, должно было стать удаление России из западной части Европы. Как он считал, Россию следует «принудить добровольно возвратить» Польшу, так как она «слишком далеко, подобно клину проникла в Европу между Австрией и Пруссией, возбуждая тревогу соседей» и направить свою экспансию на Юг, «в безопасную для Европы сторону» [24, S.76]. Кроме того, Россия должна будет содействовать «оформлению правильного устройства Германии», настояв на выведении из состава Германского союза Пруссии и Австрии, что сделает его «более сплоченным и однородным». В результате после фактического «удаления» из Европы не только Турции, но и России, наступит новая эпоха «христианского правления», о которой так мечтал император Александр I. «Правители будут руководствоваться в своей деятельности идеей всеобщего блага для человечества, чтобы победить и уничтожить империю произвола, деспотизма и варварства всюду, где она правит» [24, S.49] – такова довольно двусмысленная картина будущей утопии «вечного мира», которую видел пред собой Липс накануне русско-турецкой войны 1828 г. сквозь призму «русской угрозы».

Анализ лишь небольшой части сочинений немецких публицистов 20-х гг. XIX в. со всей очевидностью показал, что Россия являлась для европейцев не просто одной из ведущих стран мирового сообщества, но и неким идейным символом, который активно использовался в общественных дискуссиях при формировании приоритетов внешней и внутренней политики. В качестве инструмента для пропагандистских выпадов и политических рефлексий образ России чаще всего выступал как предостережение или негативный пример в ходе критики собственных проблем. Одним из проявлений такого подхода можно считать комплекс «русской угрозы», который во многом способствовал национальной, политической и партийной идентификации в Германии. Идеологические штампы о «деспотизме», «рабстве» и «азиатском варварстве» должны были укрепить немцев в их приверженности собственным либеральным ценностям, социальным институтам и идеям Просвещения, а также еще раз подтвердить правильность и универсальность европейской модели общественного развития.

Библиографический список

1. Заиченко О.В. Август фон Коцебу. История политического убийства. //Новая и новейшая история. №2, 2013. С.177–191.
2. Заиченко О.В. Александр I как спаситель Европы. Консервативный манифест Георга Фридриха Паррота (1812–1814) // Россия XXI. №4, 2019. С.60–85.
3. Заиченко О.В. Россия в политических дискуссиях в Германии во время Эльзасского кризиса 1790–1793 гг. // Новая и новейшая история. №1, 2019. С.101–112.
4. Заиченко О.В. «Русский вопрос» в контексте европейского внешнеполитического дискурса. Трансформация образа России в немецкой публицистике 1789–1812 гг. // Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции / Отв. ред. Заиченко О.В., М., 2019. С.7–85.
5. Заиченко О.В. «Русский миф» как элемент консервативного стиля в Германии во второй четверти 19 в. // Россия XXI. №5, 2018. С.100–123.
6. Заиченко О.В. Формирование комплекса «русской угрозы» как реакция на кризис европейского самосознания в первое десятилетие после Французской революции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. №64, 2018. С.131–148.
7. Лихоткин Г.А. Сильвен Марешаль и «Завещание Екатерины II. (К истории одной литературной мистификации.) Л., 1974.
8. Сироткин В.Г. Наполеоновская война перьев против России // Новая и новейшая история. №1. 1981. С.137–152.
9. [Anon.] Des Kaisers Napoleon politisches Testament. Nebst einem Verzeichnisse der Vermächtnisse, welche er hinterlassen hat. Zweite vermehrte Auflage. Mit dem politischen Testament Peters des Großen, Kaisers von Russland. Leipzig, 1824.
10. [Anon.] Des Kaisers Napoleons politisches Testament im Vergleich mit dem politischen Testament Peters des Großen, Kaisers von Russland. Leipzig, 1824.
11. [Anon.] Ist Katharina von Russland Garant des Westfälischen Friedens? Frankfurt und Leipzig, im Dezember 1791.
12. [Anon.] Unparteiische Gedanken über die vom Kurtrierischen Hofe geschehene Anrufung der Kaiserin von Russland um Unterstützung gegen die Eingriffe Frankreich. Frankfurt, Leipzig, 1793.
13. [Anon.] Unparteiische Prüfung der Frage: Ob die Kaiserin von Russland durch die Teschener Frieden die Garantie des Westphälischen Friedens übertragen erhalten habe, und in der Eigenschaft als Garantinn desselben nun gegen Frankreich auftreten könne. Frankfurt, Leipzig, 1791.
14. [Anon.] Zur Frage über das Protektorat von Europa zwischen England und Russland. Schmalkolden, 1824.
15. Becke FR. A. v. Auch eine Beantwortung der Frage: Ist die Kaiserinn von Rußland Garant der Westphälischen Friedensschlüsse? Heilbronn am Neckar, 1793.

16. Byern W.F. v. Was kann man von Russland in den jetzigen kritischen Zeitemständen zum Wohl der Menschheit hoffen? Frankfurt und Leipzig, 1794.
17. Gleason J. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion (1815–1841). Cambridge, 1950.
18. Görres J. v. Historische Übersicht der neuesten politischen Ereignisse // Das rothe Blatt: eine Dekadenschrift. Bd. I, Heft VI. Koblenz, 1798/99. S. 175–205.
19. Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961.
20. Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. [Maréchal P.S.], Londres, 1802.
21. Las Cases E. Mémorial de Sainte Hélène. Journal of the private life and conversations of the Emperor Napoleon at Saint Helena. Vol.4. London, 1823.
22. Lesur CH. L. Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812.
23. Lips A. Der Wiener Kongress oder was muss geschehen um Deutschland vor seinem Untergang zu retten. Erlangen, 1814; Nürnberg, 1825; Gissen, 1833.
24. Lips A. Der Krieg im Osten, aus dem Gesichtspunkt der Zivilisation, der Politik und allgemeinen Interessen von Europa. Nürnberg, Erlangen, 1828.
25. Oberländer E. "Ist die Kaiserin von Rußland Garant des Westphälischen Friedens?" Der Kurfürst von Trier, die Französische Revolution und Katharina II. 1789–1792 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 35. H. 2. 1987. Stuttgart, S.218–231.
26. Pradt D. Parallèle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe, suivi d'un aperçu sur la Grèce. Paris, 1823.
27. Wackerhagen J.K. CHR. Versuch eines Beweises dass die Kaiserin von Russland den Westphälischen Frieden weder garantieren könne, noch dürfe: Nebst einigen Bemerkungen über die neuesten Weltbegebenheiten. Frankfurt, 1794.
28. Wilson W. Sketch on the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. London, 1817.

Чтобы быть на шаг впереди
других, нужно видеть больше,
чем они.

Хосе Марти

Награда за доброе дело –
в самом его свершении.

Ральд Уолдо Эмерсон

Валерий Журавлев, Анатолий Мякшев,
Антон Учаев, Виталий Захаров, Анна Иванова,
Надежда Шалаева, Вадим Ефременко,
Любовь Лазарева, Елена Беспятова

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ,
ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ
(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

93/94

В условиях геополитических вызовов последних лет и Специальной военной операции в российском обществе усилилось патриотическое движение, что заставило политическое руководство Российской Федерации обратить внимание на вопросы патриотической работы и воспитания, особенно в молодежной среде. В последнее время вышел ряд монографий, статей (указаны в списке к публикации Учаева А.Е. – 2 и Шалаевой Н.В. – 2, Лазаревой Л.Н. – 4; 5), в которых поднимались проблемы патриотизма и его роли в современном обществе. Международная научно-практическая конференция «Теория и практика патриотического воспитания: содержание, принципы, технологии» состоялась 9 апреля 2025 г. на базе ФГБОУ ВО Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова. Идея заключалась в том, что авторы представленной статьи анализируют проблемы патриотизма как политическую проблему, так и конкретно-исторический феномен, обращаясь к советскому опыту.

In the context of the geopolitical challenges of recent years and the Special Military Operation, the patriotic movement has intensified in Russian society, which has forced the political leadership of the Russian Federation to pay attention to issues of patriotic work and education, especially among young people. Recently, a number of monographs and articles have been published (listed as Uchaeva A.E. – 2 and Shalaeva N.V. – 2, Lazareva L.N. – 4, 5), which raised the problems of patriotism and its role in modern society. The International scientific and Practical conference «Theory and Practice of Patriotic Education: content, Principles, Technologies» was held on April 9, 2025 at the Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov. The idea was that the authors of the presented article analyze the problems of patriotism as a political problem and a specific historical phenomenon, referring to the Soviet experience.

Ключевые слова: патриотизм; историческая память; воспитание; советский опыт.

Key words: patriotism; historical memory; upbringing; soviet experience.

E-mail: laz_dom@mail.ru, nadejda-hist@yandex.ru

Анатолий Мякшев

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

В год 80-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. состоялось большое количество научных конференций, в подавляющем большинстве названий которых отсутствовало упоминание о советском народе как главном авторе Победы. Это свидетельствует о несформированности историософии Великой Отечественной войны. Из научно-исторического пространства исключена сама возможность обсуждения вопросов, важных для понимания природы войны 1941–1945 гг. и характера современного межкультурного противостояния: С кем воевали? За какие ценности воевали? Какие факторы, в том числе системные, позволили одержать Победу? Сохранены ли результаты и ценности Победы? Отсутствие акцента на принадлежности Великой Победы советскому народу подтверждает некое «сомнение» (возможно, наоборот, уверенность в обратном) в реальности существования уникальной новой исторической общности.

Без указаний настоящего победителя в войне с нацизмом, теряют всякий смысл наши рассуждения о системе патриотического воспитания сегодняшней молодежи, искажаются те ценности, за которые воевал народ-освободитель-победитель. Стесняясь назвать вещи своими именами, мы тем самым декларируем, что такого народа-освободителя-победителя не было в истории, что в непрерывной истории государства-цивилизации России зияет брешь величиной в век. Не признавая реальности существования уникальной новой исторической общности, возникшей в СССР, мы отвергаем главный источник Великой Победы – единство наций и этносов, входящих в понятие советский народ. Отказ считать себя прямыми наследниками советского народа это утрата национальной идентичности, национальных культурных кодов. Собственно, на эти угрозы и риски указывает Президент РФ В.В.Путин, связавший «попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространение ложных представлений о России» не только с ростом международной напряженности, но и с «кризисом национальной идентичности» [1].

Сомнения Президента в том, что мы можем себя в полной мере и адекватно идентифицировать, разделяются не всеми. Так академик В. А. Тишков в 2023 г. заявил, что «сто миллионов сограждан», как и он сам, уверенно считают себя «одновременно и русским, и россиянином», и что за тридцать лет «в стране произошел поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию» [2, с. 6].

С мюнхенской речи В. В. Путина начался переход, который еще не завершен, от последовательного либерализма к концепту государственного патриотизма. Мы, увы, выбрали тупиковую ветвь эволюции патриотического мировоззрения, до сих пор пытаюсь создать патриотов правящих элит. Современные идеологи, как когда-то в 1917 г. большевики, считают, что история России началась в 1991 г. С этого момента Россия обрела свои подлинные исторические границы, вернув свой подлинный национальный флаг и дав гражданам чувство свободной и великой страны. Увы, это очередной наш мировоззренческий просчет, оправдывающий ошибочность общественного выбора в 1991 г. Поэтому призывы Президента к активизации патриотического воспитания продолжают блокироваться очевидным и слабо завуалированным антисоветизмом как стержнем современной интерпретации русской истории и основой воспитательной модели.

Главной причиной нарастающего кризиса национальной идентичности является недальновидное решение правящих с 1991 г. элит о фактическом запрете исторической науке выполнять ее системообразующие функции. Познавательная функция истории была ограничена субъективным, случайно фрагментарным отбором исторических фактов, отражающих исключительно трагические сюжеты советской эпохи. Воспитательная функция отторгала патриотизм и служение Отечеству во «благо толерантности и общечеловеческих ценностей». Социальная функция игнорировалась в повседневной политической практике, а управленческие решения принимались вопреки историческому опыту. Более всего «пострадала» мировоззренческая функция истории, забвение которой в угоду фактическому приоритету неопозитивистских принципов и критериев, привела к угрозе потери национальной идентичности. Именно поэтому Президент выбрал в качестве системообразующего фактора спасения мировоззрения – историческую память о Великой Победе советского народа, инициировав в 2019 г. проект «По праву памяти». Президент предлагает разработать старую и внедрить новую методологию исторического образования, пе-

переработать историко-культурный стандарт, создать отечественную систему мониторинга публикаций на историческую тему [1]. Фальсификация истории и русофобия признаны проявлениями экстремизма. Таким образом, главная задача в условиях СВО – вернуть исторической науке все ею утраченные функции, что значит научиться правильно расставлять приоритеты и генерировать новые смыслы. Для того, чтобы расширить свои исторические горизонты и приблизиться к исторической истине, следует осуществить «методологический переворот». Необходимо обратить внимание на предложение Президента считать Великую Победу советского народа мировой ценностью [3]. В исторической науке, как и в российском обществе, гигантский запрос на ценностный подход.

Создание и интеграция в учебный процесс новой концептуальной модели исторической «точки бифуркации» 1991 г. позволит начать формирование и новой системы патриотического воспитания, имеющей пять смысловых дихотомий. Во-первых, декларируемый тезис о «создании новой России» целесообразно заменить положением о непрерывности и взаимосвязанности истории российского государства-цивилизации, которую в 1991 г. постигла геополитическая и цивилизационная катастрофа. Во-вторых, приоритетное в учебной литературе положение об «отказе от политики конфронтации» следует заместить утверждением о «поражении в «холодной войне» и «утере способности к защите национального суверенитета». В-третьих, необходимо отказаться от декларации об «объективности распада СССР», а основным направлением исследования и главным фактором считать феномен «предательства советской и национальных элит». В-четвертых, исключить из исследовательского поля и учебной литературы «аксиомы» о «целесообразности либеральных реформ Ельцина–Гайдара», рассматривать эти реформы как «инструмент установления в стране внешнего управления». Актуализации подлежит и положение о «этнополитической катастрофе русского этноса», утратившего свои «естественные географические и этнографические границы (по В. О. Ключевскому – границы начала XIX в.)», расколотого и разьединенного на постсоветском пространстве.

Такие меры позволят «переформулировать» и «перестроить» концептуальные основы системы патриотического воспитания, фундаментальным фактором которой должно стать понятие «историческая ответственность». Переросшая в практическую плоскость угроза неонацизма и неокOLONиализма – прямое следствие отказа от исторической ответственности, что привело к историческим фальсификациям и переходу исторической памяти из научной категории в политическую

конструкцию [4]. Исторические факты должны быть увязаны в единую, логичную, связную концепцию, что создаст условия для устранения манипуляций и искажения исторической памяти.

Отказываясь от исторической ответственности, внедряя манипуляционные модели, политехнологи нарушают процесс исторической преемственности. Для молодых людей, воспитанных в рамках Болонской системы, отвергающей цивилизационную и национальную специфику, это имеет пагубное воздействие. Единый, взаимосвязанный и взаимопроницающий исторический процесс фрагментируется и распадается на «периоды трагедии» и «эпохи триумфа». А молодежь утрачивает способность понимать причинно-следственные связи и легко подвергается различного рода манипуляциям, что приводит к исторической амнезии.

Таким образом, в центр патриотического воспитания современной российской молодежи необходимо поместить современную, радикально отличную от «времен Василия Якименко», политику сохранения исторической памяти. При этом последовательно и всесторонне следует отстаивать научный подход, превратив историю в «науку наук», вернув истории статус самой емкой и интегративной из гуманитарных наук. История России – это единый циклический процесс, позволяющий рассматривать сегодняшний переломный этап русской истории как ключевой в процессе восстановления статуса и роли великой державы, государства-цивилизации. Одновременно это заставит рассмотреть и увидеть в сегодняшней западной интерпретации истории, не только «геополитизацию исторической памяти», но и угрозу нового раскола человечества на «сверхсообщество» и «унтерменшей».

Библиографический список

1. Указ Президента В.В.Путина №314 от 8 мая 2024 г. «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 21.05.2025).
2. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.
3. Выступление В.В.Путина на неформальной встрече руководителей государств-участников СНГ 25 декабря 2024 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75942> (дата обращения: 21.05.2025).
4. Багдасарян В.Э. Фашизм и нацизм: вторая попытка. М.: Изд-во «Тион». 2025. 672 с.

Антон Учаев, Виталий Захаров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Для современных российского государства и общества проблемы патриотического воспитания и формирования исторической памяти являются чрезвычайно актуальными и взаимосвязанными. Наиболее распространенной является схема восприятия исторической памяти, как инструмента патриотического воспитания и одной из ключевых целей этого воспитания.

Значимость проблемы подтверждается списком нормативных актов и документов, через которые государство стремится регулировать процесс патриотического воспитания. Это Конституция, ФЗ «О молодежной политике», «Об образовании», указы Президента РФ и распоряжения Правительства РФ, а нормативные акты субъектов федерации.

В Федеральном законе «О молодежной политике» от 30.12.2020 в статье «Патриотическое воспитание молодежи» находим определение понятия «патриотизм»: «патриотическое воспитание молодежи – систематическая и целенаправленная деятельность... по формированию у молодых граждан любви и уважения к Отечеству, ..., а также по защите... и сохранению исторической памяти, ..., уважения к отечественной истории и гордости за достижения Отечества..., развитию общественно значимой созидательной активности молодежи». В дальнейшем мы будем опираться на эту трактовку [1]. Исходя из этого одним из ключевых параметров патриотизма является историческая память и ее сохранение в процессе воспитания молодежи.

Российское общество испытывает целый ряд проблем при формировании патриотического мировосприятия посредством сохранения исторической памяти. Одной из главных проблем при воспитании патриотизма в России является господство ценностей общества потребления, которые культивировались в обществе со времен позднего СССР и дали сегодня пышные всходы и пустили мощные корни.

Классическая модель патриотизма связана с идеей жертвенности, готовности отказаться от привычного образа жизни, комфорта, своей жизни ради других людей и Родины, что наблюдалось в годы Великой Отечественной войны. Сегодня в условиях рынка и общества потребления для части россиян, особенно для золотой молодежи быть патриотом – значит быть неудачником, человеком, который не смог добиться

высокого статуса и материального положения, которому необходима коллективная поддержка для оправдания собственной никчемности.

Еще одной проблемой в воспитании патриотизма является высокая степень атомизации и индивидуализации современного общества. «Человек имеет техническую возможность... прожить одному, не испытывая проблем с материальной составляющей... Классическая формулировка, которая... используется «индивидуалистами» – «я никому ничем не обязан» [2].

Другой проблемный вектор – падение интереса к истории в обществе и в молодежной среде. Негативным показателем низкого интереса к истории, а в перспективе сложном процессе реализации патриотического воспитания и сохранения исторической памяти является низкая популярность истории в социальных сетях. В Топ-50 сообществ в ВКонтакте нет исторических. В Топ-100 этой же социальной сети входит один «исторический» паблик: «История человечества». В Топ-100 Телеграма нет ни одного канала, полностью посвященного истории. В ТикТок та же картина. Эти три социальные сети занимают первые места по популярности у подростков и молодежи [3]. Данные цифры говорят о том, что общество потребления наглядно демонстрирует свое влияние – интерес вызывает то, что развлекает и приносит практическую пользу. История в данном контексте не входит ни в одну из таких категорий.

Существует и проблема каналов продвижения информации. Государство предпочитает «классику» – телерадиовещание. Телепередачи можно учесть (сколько человек охвачено, сколько денег выделено/потрачено, кто отвечает за реализацию/проведение/эффективность/провал). Тогда как молодежь как главный объект воздействия давно находится в «цифре». Традиционные каналы становятся малоэффективны и не могут противостоять «цифровым каналам» по скорости/масштабам распространения информации. Нельзя забывать и факт неприятия молодежи всего «старинного», в том числе и классическое телерадиовещание.

Промежуточный вывод, к которому мы можем прийти: для патриотического воспитания необходимо создание своих «цифровых» каналов. Каким образом это можно реализовать? Очевидно, что необходимы «инфлюэнсеры» в рамках этой темы. Теоретически, можно использовать уже имеющихся (заказ, т. н. «джинса»), но, во-первых, их целевая аудитория не факт, что будет интересоваться историей (скорее нет, чем да...), во-вторых, «нанятый» «инфлюэнсер» может впоследствии дискредитировать своими поступками и/или высказываниями те ценности, которые он должен был продвигать «на заказ».

Вторым вариантом создания каналов формирования исторической памяти является «продвижение» различных специалистов по истории. Теоретически этот метод может дать больший эффект, но не стоит на него возлагать огромных надежд. Ключевая проблема будет в распространении и укреплении в современном российском обществе уже упоминавшихся ценностей потребительства. В рамках этой системы ценностей история располагается далеко не на первом и даже не на втором местах. Исходя из этого, можно предполагать, что раскрутка «специалистов» не даст того «максимального покрытия», на которое рассчитывает государство. Возможно, более эффективной в перспективе будет стратегия, ориентированная на повышение авторитета школьных учителей и вузовских преподавателей в сочетании с их «хождением в сеть» к молодежи.

На что здесь можно обратить внимание? Во-первых, на повышение авторитета учителей и преподавателей. Стратегия действий банальна – снизить нагрузку и поднять зарплату (не до уровня топ-менеджеров госкорпораций, но хотя бы до уровня средних айтишников. Люди, формирующие систему ценностей у детей и молодежи, вполне этого заслуживают). В отрасли появится конкуренция, что приведет к реальной положительной селекции. Появится молодежь, о чем так пекутся в последние годы. Опять-таки, в рамках общества потребления такое действие лишним не будет. Очевидно, что ученики/студенты потребительского общества не будут слушать «неудачника» и не станут придавать внимания его словам, концепциям и ценностям. Дополнительным «бонусом» станет повышение интереса к образованию как к ценности, изрядно девальвировавшейся за последние годы. Естественно, необходимо будет продумать «защитную систему» от тех, кто просто погонится за «длинным рублем».

Второй положительный момент снижения нагрузки и положительной селекции – станет возможна реальная «оцифровка» (подразумевается создание в сети каналов и аккаунтов с уникальным контентом) учителей и преподавателей. Если не создать этих условий, а начать тотальную принудительную «отправку» преподавательского корпуса в сеть, то мы получим заполненные «для галочки» аккаунты в социальных сетях и не более того. В то же время, «правильная оцифровка» позволит выделить реальных «инфлюенсеров» среди учителей (и поддерживать их за счет созданной системы грантов, о чем будет сказано ниже), поскольку ими будет создаваться качественный, действительно интересный молодежи контент.

«Войны памяти» можно эффективно осуществлять при помощи негосударственных фондов для проведения исследований, их публикаций и продвижения как ценностей «мягкой силы», выводя таким образом государство и его институты «из-под удара» критики «международного сообщества». Никто не мешает нам создать фонды Миллера, Сечина, Ротенберга, Галицкого и т.п. Это будет прекрасная реализация концепции «социально ответственного бизнеса», а также даст несомненную пользу в распространении нужных ценностей.

Резюмируя, мы можем говорить, что, по сути, глобально, нужно вести переформатирование российского общества в ценностном плане – необходимо движение от дикокапиталистического потребительства к чему-то другому, более метафизическому. Уровень патриотизма российского общества, несомненно, повысился с началом СВО, но нужно понимать, что рыночные отношения внедрялись в наш социум, по сути, с середины 1980-х гг. прошлого века и за несколько лет произойти коренной трансформации не может. Естественно, все это касается и молодежи. Говоря образно, если мы хотим увидеть Павку Корчагина, а не Даню Милохина, то необходимо, в первую очередь, снижать влияние рыночных ценностей и потребительской психологии на общество.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения 01.06.2025)
2. Гришин С.Е., Ефимова Е.А., Учасев А.Н., Шалаева Н.В. Отражение темы патриотизма в СМИ // Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования). Алексейчева Е.Ю., Ананишев В.М. и др. М. Московский городской педагогический университет, 2024. С.179–203.
3. Лысова А. Аудитория девяти крупнейших социальных сетей в России в 2025 году: исследования и цифры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/> (дата обращения 21.05.2025)

**Надежда Шалаева,
Вадим Ефременко,
Анна Иванова**

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО 1920–1930-х гг. КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Современные политические вызовы, трансформация социокультурных практик и кризис национальной идентификации на личностном и социальном уровне обозначили проблему патриотизма как экзистенциальную. Либерализм и политика мультикультурализма несет в себе угрозы межэтнических отношений и социальных конфликтов. Сегодня для политиков и ученых насущной задачей является поиск механизмов влияния и формирование новой модели патриотизма. В связи с этим необходимо изучение прошлого опыта советского общества, в котором уровень патриотизма и идентичности был достаточно высок.

Феномен патриотизма в социокультурном измерении требует определения четкой методологической базы. Понятие «патриотизм» возникает как историческое понятие, но широко используется в во всех направлениях гуманитарного знания. Методологией исследования феномена советского патриотизма выступает социокультурный анализ, позволяющий рассмотреть социальные практики 1920–1930-х гг., направленные на его формирование.

Генезис и эволюция российского государства, начиная со становления единого централизованного в XV–XVI вв. и образования Российской империи в XVIII в., сформировали проблему патриотизма «как культурное ядро» национальной идентичности, связанный сильным государством и геополитическим влиянием («Москва – третий Рим»), что привело к активному обращению в культуре к теме военных побед, силы и величия русского оружия, героизма людей в истории Руси–России [2].

В советский период смысловое понимание патриотизма меняется. В теории марксизма и большевизма первоначально патриотизм отрицался как социокультурное и политическое явление и рассматривался как анахронизм буржуазного общества. Идея мировой революции отрицает территориальные границы между странами, а, следовательно, и патриотизм как феномен национального государства. В.И. Ленин до 1917 г. в работе «Положение и задачи социалистического интернационала» связывал социалистическое движение с интернационализмом, разрушением «национальных перегородок», отсутствием чувства национального как основы патриотизма [1]. Интернационализм стал краеугольным камнем

марксистской идеологии, человек рассматривался с позиции его вклада в дело мировой революции. Патриотизм был принесен в жертву интернационализму. После октября 1917 г. патриотизм рассматривался уже в контексте защиты социалистической России исключительно как колыбели или флагамена мировой революции.

Но реальность оказалась иной. К 1924 г. надежды на мировую революцию в связи с поражением Гамбургского восстания в Германии окончательно рухнули. Реализовывать социалистический проект СССР пришлось в окружении сильных и враждебно настроенных стран. Отсюда возникает осознание актуальности задачи формирования советских патриотов, способных отстоять новую социалистическую реальность в условиях внешних угроз и вызовов.

На VIII Всероссийском съезде Советов в 1920 г. В.И. Ленин впервые рассуждал о патриотизме, без которого государство не выстояло бы в Гражданской войне. Патриотическое воспитание в послеоктябрьскую эпоху формировалось на основе классовости и интернационализма одновременно. Принцип классовости способствовал выделению патриотизма буржуазного и революционного (пролетарского).

Одним из механизмов формирования советского патриотизма стало искусство. Особенно его роль заметна в первые десятилетия существования советской власти. В условиях высокой неграмотности среди рабочих и крестьянства заставило власть обратиться к визуальным средствам воздействия. Печатное слово (газеты и литература), в связи с этим, многим было недоступно. Газеты, брошюры зачастую поступали в деревни поздно и часто лежали в избах-читальнях не распакованными и не востребованными [3]. Теоретик Пролеткульта В. Полонский считал, что искусство должно быть доступно для простого человека. Книжки, музейные картины недоступны для неграмотного человека, поэтому не имеют необходимой силы воздействия, тогда как плакат, который легко размещается на улице, в витринах магазинов, доступен и прост в восприятии, приближен к народу. «Плакат не есть длинное чтение, / Отнесись к зрителю бережно, учтиво... / Взглянул зритель и мыслью объят, / Вот это и есть плакат» [4, с.37].

Обращение к искусству было вызвано его способностью эмоционально и наглядно воздействовать на сознание граждан. Яркость, образность, чувственность – те качества искусства, способствующие внушению зрителю идей власти, формирующие его активным участником строительства нового общества и идентифицирующего себя с ним. Не случайно

в искусстве лейтмотивом звучала идея коллективного, а не индивидуального начала в понимании сути патриотизма.

Несмотря на то, что в 1920-е гг. в искусстве присутствовало экспериментаторство, вызванное идеями Революционного Октября В.Э.Мейерхольда и Пролеткульта, именно ему принадлежит первенство в вопросах формирования советского патриотизма. Реализация этих идей принадлежала Окнам РОСТА, художникам, поэтам активно с ним сотрудничавшим – В.Дени, Д.Моор, М.Черемных, В.Маяковский, Л.Лисицкий.

Патриотический дискурс в 1920-е гг. развивался на классовой основе, выраженный в противопоставлении советского и империалистического. Перед искусством стояла задача сформировать у населения идею властизащитника персонифицированного в образе солдата красноармейца или рабочего, кующего основы новой жизни. Плакаты-картины размещались на улицах городов и любой прохожий становился активным зрителем, что заставляло художников уделять особое внимание композиции и цвету. Главные герои всегда помещались в центре композиции, их фигуры были выше или крупнее, объемнее, чем все остальные предметы и детали. В цветовой символике ярко выделялось противопоставление двух цветов – красного как символа борьбы и черного – символа поражения.

После смерти В.И.Ленина и в 1930-е гг. менялся подход к патриотизму, понимание его сути, который связывался уже с любовью и привязанностью к родным местам. Из этого вырастает генетическая связь с Отечеством, национальная идентичность. Задачи индустриализации повлекли за собой и изменение патриотических сюжетов в искусстве.

К теме военного патриотизма добавился гражданский патриотизм, представленный в работах А.Дейнека, Д.Налбандяна, А.Лактионова, Т.Яблонской, А.Герасимова и др. и представленный методом соцреализма. Патриотизм в работах этих художников – не только борьба, но тема нового человека – сильного, красивого, бескорыстного («Футболист», А.Дейнека, «Девушка в футболке». А.Самохвалов, «Новая Москва», Ю.Пименов), генетически связанного со строительством общества будущего для своих потомков. Эти идеи нашли отражение в сюжетах, посвященных стройкам первых пятилеток, достижениям советской власти («Метро», А.Лабас; «Сельмашстрой», Е.Зернова, «Даешь тяжелую индустрию», Ю.Пименов и др.). Художники, как правило, использовали жанр коллективного портрета, чтобы подчеркнуть идею единого действия («Советская физкультура» А.Самохвалова, «Эстафета» А.Дейнека).

Меняется и тема интернационализма, который рассматривается как основа многонационального единства, что нашло яркое воплощение в скульптурной группе фонтане «Дружба народов» на ВДНХ. В живописи и плакатном искусстве тема интернационализма также представлена в групповых сюжетах, посвященных демонстрациям 1 мая («Да здравствует братский союз и великая дружба народов!») или тематическим событиям («Крепите дружбу народов СССР социалистическим трудом!»), проводились фестивали национального искусства, что давало основу формирования национальной самоидентификации [5]. В работах художников в 1930-е гг. появляется новая тема, которую можно выразить посредством стихов А.Пришеля «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...». Пейзажи А.Герасимова – тема любви к малой Родине, тема патриотизма, связанного с самоидентификацией с конкретным местом.

Подводя итог нашему исследованию необходимо сказать, что советский патриотизм, представленный в живописи 1920–1930-х гг., сочетал в себе любовь к Родине с идеями борьбы и социалистического строительства, справедливого мира и гражданственности, интернационализма. Метод социалистического реализма стал важным элементом в формировании патриотизма через взаимодействие «художник – зритель – общество». В советском искусстве были созданы произведения, которые, воспевая социалистическое строительство, воспитывали чувство патриотизма и национальной идентичности у зрителей. Искусство отличалось высокой силой патетики великих строек, и было направлено на формирование таких ценностей как ответственность, долг, честь, справедливость, трудолюбие.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Положение и задачи социалистического интернационала // Полн. Собр. Соч. В 55 т. Т.26. М.: Политическая литература, 1969. С.36–42.
2. Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР. Марченя П.П., Маслов Д.В., Романченко В.Я., Анфертьев И.А. и др. Саратов: ООО «ЦеСАин», 2023. 292 с.
3. Шалаева Н.В. Социокультурные задачи советской власти и политический плакат периода Гражданской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №5–1 (19). С.209–214.
4. Дени В.Н. Мои мыслишки из записной книжки. М.: Искусство, 1969. 190 с.
5. Kaplan Isabelle R. Comrades in arts: the Soviet decade of national art and the Friendship of Peoples // Вестник РУДН. История России. 2020. №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/comrades-in-arts-the-soviet-dekada-of-national-art-and-the-friendship-of-peoples> (дата обращения: 21.05.2025).

**Валерий Журавлев,
Любовь Лазарева,
Елена Беспятова**

**«КТО ЖИВЕТ БЕЗ ПЕЧАЛИ И ГНЕВА,
ТОТ НЕ ЛЮБИТ ОТЧИЗНЫ СВОЕЙ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ В 1940-е гг.**

Вызовы современности актуализировали проблему патриотического воспитания, возвращая ее в число приоритетов образовательного процесса. При разработке новой стратегии патриотического воспитания авторам необходимо четко представлять «подводные» камни: неразрывную связь «чувства Родины» с идеями национализма, а также проблемы неадекватности восприятия теоретических моделей массовым сознанием [4, с. 782].

Исследуя генезис и эволюцию идей русского национализма и патриотизма с конца XVIII в. до 1991 г. д.и.н., проф. В.В.Журавлев пишет о необходимости «не скрывая... ничего сложного и драматического, не обходя острые углы, но не забывая и о позитивном, воззвать к жизни и усвоить именно великие уроки прошлого. Уроки... сплачивают общество, "работают" на его консолидацию... В этом, быть может, и заключается истинное призвание патриотизма» [4, с. 782]. Основанный на принципах научной объективности и историзма подход поможет преодолеть исторический травматизм, давая понимание не только трагедий, но и высоты побед, вызывающих чувство гордости и национального единства. В «сталинский» период развития страны был создан «скелет» советского патриотического воспитания, выявивший всю сложность поиска его концепции.

Сгущающиеся тучи военной угрозы мотивировали лидеров ВКП(б) на трансформацию концепции патриотического воспитания общества: установка на верность международному пролетариату уступила место тезису о том, что измена Родине, причинение вреда ее интересам – тяжчайшее преступление, требующее сурового наказания [4, с. 476]. Историк А. Ю. Кожевников отмечает трансформацию самого понятия «родина» из отчества мирового пролетариата в связанное с национальными корнями, духовными ценностями и историей народа символ нации [4, с. 476].

К концу 1930-х гг. в патриотическом воспитании актуализировалось обращение к примерам самоотверженности и самопожертвования предшествующих поколений. Вместе с тем, идеократический характер государства накладывал отпечаток и на патриотическое воспитание – речь шла о любви именно к социалистической родине. Руководители ВКП(б), не могли и не хотели отказываться ни от классового подхода, ни от принципа интернационализма. Поиск симбиоза «пролетарских» и «национальных» ценностей таил в себе потенциальную угрозу потерять «равновесие» и «свалится» в ту или иную крайность.

Контроль за качеством трансляции в массы патриотических установок осуществлялся даже секретарями ЦК и лично И. В. Сталиным – это подтверждается доступными исследователям документальными свидетельствами. Например, руководитель страны в записке от 9 июня 1940 г., адресованной председателю комитета по делам Кинематографии при СНК СССР И. Большакову, раскритиковал сценарий кинофильма «Суворов» за то, что образ прославленного полководца дан поверхностно, а особенности его военной политики и тактики – не раскрыты [3, с. 445]. Даже в 1943 г. Комитет по делам Кинематографии при СНК СССР не мог отбирать сценарии для производства фильмов самостоятельно – чиновники направляли их в отдел кино Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). После устранения авторами недостатков, выявленных на данном этапе, сценарии читали секретари ЦК А. А. Жданов, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков. Поэтому процесс растягивался на 2–3 месяца [1, д. 213, л. 66].

Балансировать «революционную» и «национальную» составляющие патриотического воспитания пришлось еще в ходе Великой Отечественной войны. Например, в 1943–1944 гг. Управление пропаганды и агитации вынуждено было устроить показательную «порку» знаменитому кинорежиссеру и сценаристу А. П. Довженко. Его рефлексия причин трагедии отступления конфликтовала с официальными установками. В киноповести «Украина в огне» его герой заявлял: «...Плохие мы были историки. Прощать не умели друг другу. Национальная гордость не блистала в наших книгах классовой борьбы...» [1, д. 293, л. 14].

Для того «научить» творческую элиту правильно проводить в жизнь установки ЦК ВКП(б) в феврале 1944 г. был созван IX пленум правления союза советских писателей СССР. Тем не менее его делегаты (116 человек) – пережившие блокаду в Ленинграде, вызванные в Москву из редакций фронтовых газет, выдержавшие трудности эвакуации, нередко

собственным примером вдохновляя читателей на трудовые подвиги – не были настроены соглашаться со спускаемыми сверху установками. Мнения разделились.

Большая часть солидаризировалась с патриотической концепцией ЦК ВКП(б): «...Очень хорошее слово "русский народ", "русская армия", но по одному слову ничего не узнаешь. Нужно добавить сюда еще один эпитет – советский солдат, советский матрос, советский рабочий. В этом слове 26 лет существования нашей страны, в этом слове партия, в этом слове Ленин и Сталин...» [1, д.283, л.103]. Но было и другое мнение. С.П.Бородин – автор романа «Дмитрий Донской» – отстаивал важность обращения к национальным корням славянских народов, писатели из республик сетовали на недостаток внимания к их творчеству [1, д.283, л.86].

Реакцией ЦК ВКП(б) стала попытка создать четкую систему координат, обозначив «красные линии», переступать которые не допустимо. Весной – летом 1944 г. Управление пропаганды и агитации санкционировало обсуждение животрепещущих проблем на совещании историков. Призывы к переоценке вклада в развитие государства крупных исторических фигур, принадлежавших к эксплуататорским классам, не получили поддержку [1, д.223. л.66–80]. Но были одернуты и те, кто трактовал антирусские национальные движения как освободительные, настаивая на том, что царизм выступал в роли жандарма Европы. Формационный подход, марксистско-ленинская парадигма, как основа исследования исторического процесса были утверждены в качестве базовых аксиом, не подлежащих пересмотру. Тем не менее, было запрещено и «очернение прошлого страны» – державно-патриотические позиции, зародившиеся в 1930-х гг. и усилившиеся в период военных испытаний, получили официальную «прописку» в советской историографии [2, д.33. л.1–29].

В июле 1947 г. И.В.Сталин получил четыре проекта новой программы партии. В трех вариантах «дорожной карты» строительства коммунистического общества патриотическому воспитанию отводилось важное место. Проект О.В.Куусинена и Л.А.Леонтьева был «заточен» на международный аспект.

Авторский коллектив под руководством Управления пропаганды и агитации во главе с Г.Ф.Александровым, видным большевиком и экономистом К.В.Островитяновым и главным редактором журнала «Большевик», П.Н.Федосеевым определил понятие «советский патриотизм» как «гордость за Родину, где победил социализм и строится комму-

низм» [5, с. 50]. Философы М.Б.Митин и П.Ф.Юдин понятие «советский патриотизм» сформулировали ближе к «державному» подходу: «сочетание национальных традиций народов СССР с общими интересами трудящихся масс» [5, с. 61], выделяя выдающуюся роль русского народа, первым поднявшим знамя социалистической революции и сплывающим на протяжении всего периода строительства социализма народы СССР...» [5, с. 61].

Наиболее развернутый и детально разработанный проект программы партии был создан главным редактором газеты «Правда» П.Н.Поспеловым, секретарем по пропаганде ЦК КП Белоруссии М.Т.Иовчуком и редактор отдела пропаганды «Правды» Д.Т.Шепиловым. Понятие «советский патриотизм» трактовалось как «беззаветная преданность народа советскому общественному и государственно-му строю» [5, с. 86]. В предложенной стратегии строительства нового общества патриотическому воспитанию уделялось огромное значение – именно оно должно обеспечить готовность граждан «...любой ценой защищать интересы и честь советского государства» [5, с. 86]. Наиболее действенный механизм воспитания как патриотизма, так и преданности интересам государства виделся авторам в советской культуре [5, с. 98].

На основании проведенного анализа можно резюмировать – потребность мобилизовать социум в преддверии военных испытаний создала запрос на поиск «полезного прошлого», объединяющего общество. Результатом стало включение в пантеон героев ряда представителей «до советского» периода. Вместе с тем усилившийся в годы Великой Отечественной войны рост национальной составляющей концепта «патриотизм», мотивировал руководителей страны на формирование официальной версии, базирующейся на парадигме укрепления дружбы и братства народов СССР, верности и преданности социалистической Родине.

Библиографический список

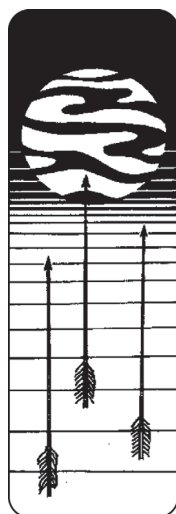
1. Российский архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.125.
2. РГАСПИ. Ф.77. Оп.4.
3. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.; МФД. 1999. 872 с.
4. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
5. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В.В.Журавлев, Л.Н.Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

Смысл философии в том,
чтобы начать с самого
очевидного, а закончить
самым парадоксальным.

Бертран Рассел

Бояться смерти – все равно
что бояться того, что мы
ограничены в пространстве.

Жан Кокто

Татьяна Филиппова

ГДЕ У КАРТОГРАФОВ ВОСТОК?

ОБРАЗНЫЙ ЯЗЫК СИМВОЛИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНВЕКТИВ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК

94

«Восток» как символический образ, историко-культурная метафора и носитель определённых духовных традиций играл особую роль в работах картографов разных эпох. Особенно, если речь идёт о так называемых символических картах мира, призванных со времён раннего Средневековья служить ориентиром для путешествий не в географическом пространстве, а в метафизическом, связанном с религиозными, ценностными и оценочными категориями. В XIX – начале XX века своеобразным продолжением этой традиции стали сатирические карты мира, авторы которых перекодировали содержательный потенциал символических карт, сделав свои работы эффективным пропагандистским инструментом, а «Восток» – объектом политических и культурных инвектив.

The "East" as a symbolic image, historical and cultural metaphor and bearer of certain spiritual traditions played a special role in the works of cartographers of different epochs. Especially if we are talking about the so-called symbolic maps of the world, designed since the early Middle Ages to serve as a guide for traveling not in geographical space, but in a metaphysical one, connected with religious, value and evaluative categories. In the 19th and in the beginning of the 20th century a kind of continuation of this tradition of figurative mapping became the satirical maps of the world, the authors of which recoded the content potential of symbolic maps, making their works an effective propaganda tool, and the "East" as an object of political and cultural invective.

Ключевые слова: «Восток» как символ; образное картографирование; символическое картографирование; сатирические карты мира; визуальная интерпретация историко-культурных реалий; перекодировка риторик образа «Востока».

Key words: «East» as a symbol; figurative mapping; symbolic cartography; satirical maps of the world; visual interpretation of historical and cultural realities; recoding of the rhetorics of the image of the «East».

E-mail: filipova2006@yandex.ru

Может ли Восток перемещаться по карте мира – в зависимости от времени и места создания этой карты? Могут ли те или иные географические пространства быть носителями Добра и Зла, добродетели и греха? Способны ли материки и континенты обрести гендерные и возрастные характеристики? Положительные ответы на эти, казалось бы, парадоксальные вопросы дают работы картографов, создателей так называемых символических карт мира.

**Риторика «верха» и «низа»:
мифодизайн образных карт**

Визуальный источник – это всегда подарок для искусствоведов и антропологов, историков, этнографов и культурологов. Дешифровка его,

как правило, требует целого комплекса профессиональных усилий и познаний. В полной мере это касается самой загадочной и захватывающей части колоссального компендиума исторических карт, той, что относится к разделу образного, символического картографирования. Уходя корнями в Античность, эта традиция особо ярко проявила себя в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Отойдя от «плоскостного», географического «измерения» в изображении частей света и всего мироздания, эта традиция предложила человеку иную – духовную, идейную, культурную, мифологическую, а со временем – и политико-пропагандистскую трактовку пространства, мест обитаемых и необитаемых, как непознанных, так и осваиваемых человеческой цивилизацией.

Проследить яркую нить этой длящейся традиции истории помогает инструментарий культурной антропологии, выявляющий природу картографирования как характерного человеческого занятия, стремящегося дать образам вселенной, частей света, а затем государств и народов разнообразные оценочные и моральные интерпретации.

Даже самый общий взгляд на историю европейской картографии заставляет предположить, что в «генах» создателей этих уникальных источников оказалась прочно «запрограммированной» традиция аксиологической трактовки пространства обитания человека – в окружении земного и небесного, знакомого и непознанного, божественного и греховного. Ни ренессансный порыв к рациональному познанию мира, ни претензии Века Просвещения на всеобщую победу Разума («Библия в море не поможет!») не уничтожили традицию мифологизированной интерпретации мироздания. Мифодизайн как инструмент образного картографирования сохранился, но в определенной степени изменил риторики, стратегии и метафорику семантизации пространства. Визуализация ми-

ра, разделенного государственными границами на территории «своего» и «чужого», «соседа» и «врага», субъекта и жертвы агрессии, приобрела куда менее духовные обоснования, но усилила идеологическую направленность и актуальное политическое наполнение.

Сохранился и морализаторский тон в изображении на плоскости карты «чужого», «иного», «враждебного». В полной мере он проявился в сатирических картах мира – комплексе карикатурных рисунков различных европейских школ, емко и образно отразивших геополитические реалии XIX – начала XX века [7, с. 78–87].

Постараемся лишь пунктирно проследить одну из примечательных линий семантизации пространства на образных картах мира – символические изображения «Востока» как носителя различных (менявшихся в трактовках картографов) свойств и качеств.

Исток богословской и историко-культурной традиций изображения «Востока» можно увидеть на так называемых “*mappe mundi*” – ранне-средневековых христианских «вселенских картах»; именно они взяли на себя роль воспроизведения и толкования библейской картины мироздания, создав ее наглядный метаобраз и смысловой мифодизайн [13; 14; 6, с. 40–57].

Изображение на географической плоскости многомерного видения исторических судеб человечества, движущегося от Сотворения мира до Апокалипсиса, составляло суть и стратегию работ ряда средневековых европейских картографов, продвигавших христианский образ присутствия человека в пространстве и времени метаистории. На подобных картах мы не найдем ни точных абрисов континентов, ни тем более стран; эти карты не помогут мореходам в плавании, а путешественникам – в открытии и освоении новых земель. Смысл своей миссии создатели таких карт видели гораздо шире. Их произведения – образные, яркие, наглядные – обеспечивали современников духовной лоцией для ориентации в мире, полном угроз и искусов, давали им перспективу иной жизни за гранью земного существования [16, с. 50]. Так на «вселенских картах» прочитывался «вертикальный» вектор напряженного устремления к небесам, продиктованного религиозными ценностными ориентирами эпохи [5] и столь созвучного готическим архитектурным акцентам.

Близкими к упомянутому виду карт и их целевой направленности выступали так называемые Т-О карты (“*Orbis Terrarum*” – «Круг Земли»), имевшими по традиции, также унаследованной от Античности, несколько пластов символизации пространств мира. Три известных человечеству части тверди окружены на них буквой «О» (океанскими

водами) и разделены буквой «Т» – священными внутренними водами – Средиземным морем между Европой и Африкой, рекою Танаис (Дон) между Азией и Европой, и рекою Нил, отделяющей Африку от Азии [6, с. 32–33]. Подобное тройственное деления мира, принимавшее в разные эпохи разные смысловые трактовки, иллюстрировало библейское разделение мира между сыновьями Ноя и, что характерно, помещало Восток неизменно вверху карты. [16, с. 48–60; 18, 9–14]. Так картографы (в средневековую эпоху – по большей части монахи) подчеркивали его духовную значимость как источника Божественного света, места ожидания Второго Пришествия. Талантливые картографы Средневековья, создатели этих «наглядных пособий» по священной истории и географии, подчеркивали не только значимость «Востока» как духовного «верха», но и придавали иным пространствам (как антиподу, духовному «низу»), атрибуты «зла» и «угрозы».

Подобная интерпретация антитезы «духовному Востоку» подпитывалась страхами перед непознанным («иным», «чужим») как воплощением враждебного, часто – сатанинского, начала. Так на пространстве карт поселились обитатели «иных», пугающих пространств – люди-«антиподы» на одной ноге, без головы и с лицом на груди, фантастические хищные твари, а в зарамочном оформлении или в самом низу – на «Западе» – драконы как воплощение Змея-искусителя, вселенского Зла... Подобная «оптика» взгляда на мир как пространство борьбы «добра» и «зла» с веками не постарела и была взята на вооружение в другие эпохи, став одной из стратегий «языка вражды» в пропаганде, сопутствующей будущим политические катаклизмы.

Обратимся к наиболее показательным для своего времени примерам картографических трактовок мира, заложивших традицию образного видения «Востока» и его пугающих антиподов.

С Востока – свет или угроза?

Так называемая Херефордская карта мира конца XIII века, созданная группой монахов и хранящаяся в Херефордском соборе в Англии,

стала священной реликвией уже при жизни ее создателей – столь ярко и убедительно для современников она воплотила христианскую картину обитаемой вселенной [17]. Предложив зрителям целую энциклопедию мироздания с центром в Иерусалиме, авторы смело совместили в ней историческую, культурную и географическую информацию, изобразив священные города, фантастических животных, реальные и мифологи-

ческие достопримечательности и легендарные события «божьего мира» [6, с. 50–52]. По сложившейся традиции, Восток (Азия) изображен на этой карте вверху рисунка, символизируя не только область восхода Солнца, но главным образом источник излияния высшего Блага, райского света. Фигура Спасителя помещена на именно там, в самом верху карты, освещая метаисторическую перспективу истории человечества¹. Исходя из этого, соответствующим образом ориентированы на карте и три известные тогда части света – Азия, Европа и Африка. Призывая жить в земной жизни по духовной «вертикали», эта и подобные ей карты закладывали базовые идейные представления нескольких поколений паломников и местных жителей, посещавших собор, наглядно импринтируя в умы современников ценностную картину мира, где спасение души и воссоединение с Создателем напрямую связывались с духовным «Востоком».

Херефордская карта /
Hereford Mappa Mundi, ок. 1300 г.¹

Духовная метафорика в изображении частей света присутствовала как на позднесредневековых, так и на некоторых нововременных картах, приобретших в XVI–XVII столетиях популярность, если судить по многочисленным копиям их базовых сюжетов. Постепенно обновляя образный язык, приближавший их к потребностям и интересам современников, подобные карты продолжали оставаться «наглядными пособиями» по религиозной, духовной, оценочной интерпретации географических пространств и ориентиров.

¹ Отметим: на этой карте, как, впрочем, на ряде других средневековых символических карт, одновременно изображены античные и библейские особенности описания строения мироздания, визуализируя таким образом «наглядную» сверхъестественность мира и преемственность духовных традиций, метафор и символов, формирующих его обций мифодизайн.

Mappa Mundi Hereford Cathedral. URL: <https://www.themappamundi.co.uk/>; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hereford-Karte.jpg#/media/File:Hereford_Mappa_Mundi.jpg (дата обращения: 21.02.2025)

Обратимся к новаторским для своего времени работам протестантского теолога Гейнриха Бантинга (1545–1606), а конкретно – к трем его (изначально книжным) картам. Часто копируясь и дополняясь последователями, они получили широкое хождение в Европе².

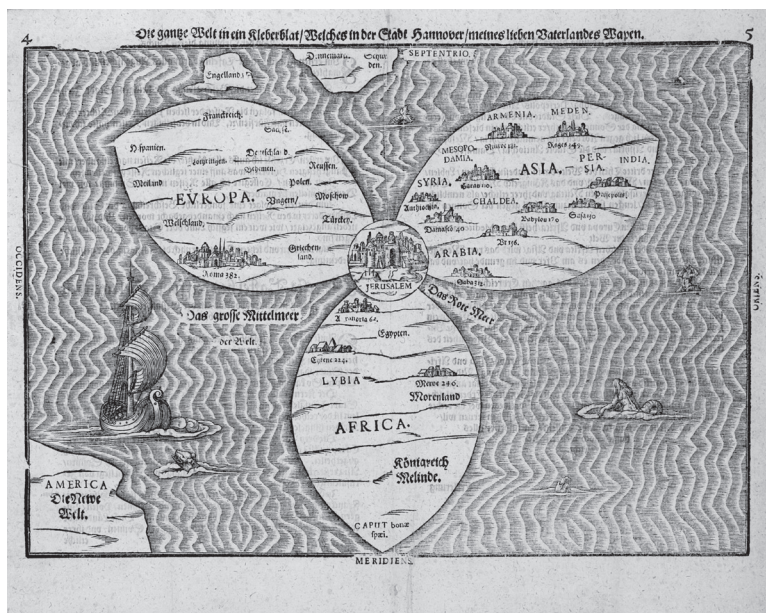
Наиболее традиционной в богословском смысле выглядит среди этих изображений карта «Мир в виде трилистника»: она подчеркивает присутствие в устройстве мира божественной Троицы как его духовной основы и при этом дает пространственные координаты мира уже в более привычном для нас положении. Напоминая трехлепестковый цветок клевера, рисунок показывает три части мира – Азию, Европу, Африку³ [6, с. 59].

Довольно остроумно – и, как кажется, не без с легкой иронии – выполнена Бантингом образная карта Азии. Талантливый художник мастерски вписал силуэт античного Пегаса в весьма условные абрисы континента; в своем движении с востока на запад мифологический зверь упирается головой в устье Проливов. Культурно-антропологическая «оптика» выявляет любопытную закономерность: географически более близкие, а потому и более изведенные европейцами части Азии (Передняя Азия, Ближний Восток) изображены крупнее, чем отдаленные от европейского наблюдателя и менее известные ему пространства Индии, Китая, Дальнего Востока и пр. Полулегендарные «Тартария» и «Скифия» «прячут» на крыльях Пегаса где-то на северо-востоке...

Однако особо популярным у нескольких поколений художников-последователей стало изображение Бантингом «Девы» (в трактовке других источников – «Королевы», «католической Церкви», символизирующей Европу, синонимичную в этом контексте «Западу»). Широко и вольготно, но при этом элегантно, в парадном одеянии, она расположилась на пространстве континента. Ее ноги попирают символический «низ», иные, «неизведенные» пространства «Востока»: вместо видимой части территорий Российской и Османской держав (о которых уже хорошо бы-

²Впервые эти карты были опубликованы в книге *"Itinerarium Sacrae Scripturae"* (Magdeburg, 1589) – путеводителе по Святой Земле. К тому времени современники автора уже хорошо знали, что реальный мир выглядит на картах по-другому, тем примечательней представляется популярность и востребованность подобного образного отражения мира. Перечисленные карты, а также множество других образцов символической картографии разных эпох сохранились в базе данных богатейшей коллекции исторических карт, собранной исследователем и коллекционером Дэвидом Рамзи. Подробнее см.: URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY> (дата обращения: 21.08.2025).

³В подписи к карте автор подчёркивает ещё один смысл такого изображения мира – посвящение его родному городу: «Целый мир в трилистнике, который является гербом Ганновера, моей дорогой Отчизны».

«Карта мира в виде Трилистника». Гейнрих Бантинг.
Книжная карта в: "Itinerarium Sacrae Scripturae". Magdeburg, 1589^{*}

ло известно в Европе) автор по давней традиции обозначил полумифические и тем самым угрожающие пространства – все те же «Скифию», «Сарматию» и «Тартарию» (с ее темными, «инфернальными» коннотациями).

Здесь образ «Востока», сошедшего на карте с позиции духовного «верха», теряет свою прежнюю метафорическую значимость, становясь пространством неизведанности (а потому и угрозы) для «своей», цивилизованной «Европы», носительницы просвещенности и христианской культуры, противостоящей на «Западе» темному хаосу «диких» пространств «Востока» [13, с. 448].

Метафорика картографических приемов со временем развивалась, следуя за переменами в смысловых трактовках «Востока», но сохраняя

^{*}David Rumsey Map Collection. URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY-8-1-347172-90114643:-Clover-Leaf-World-Map-Die-ganze-Welt-sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Pegasus;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY-8-1&mi=2&trs=80 (дата обращения: 21.08.2025)

«Азия в виде Пегаса». Гейнрих Бантинг.

при этом стратегию семантизации мировоззренческой картины мира как объекта ценностного восприятия. Ни эпоха великих географических открытий и освоения новых земель, ни разделение мира на «Старый» и «Новый Свет» не преодолели существовавшую параллельно европейскую традицию образной, оценочной визуализации пространств. Непрерывно расширяющийся мир, конечно же, оказался «приземленной» прежнего метапространства «божественной гармонии» и библейской предопределенности. Но при этом он все отчетливей проявлял себя в новых конфликтах метрополий и колоний, империй и их национальных окраин, христианских и мусульманских цивилизационных пространств...

Еще в XVI веке известный голландский картограф назвал географию «глазами истории»⁴. И в самом деле, на плоскости карт все более зримо

⁴Цит. по: [1, с. 283].

*David Rumsey Map Collection. URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~347175~90114642:Asia-Secunda-Pars-Terrae-in-Forma-P?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Pegasus;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=5&trs=80 (дата обращения: 21.08.2025)

«Европа в виде Королевы (Девы)». Гейнрих Бантинг.
Книжная карта в: "Itinerarium Sacrae Scripturae". Magdeburg, 1589^{*}

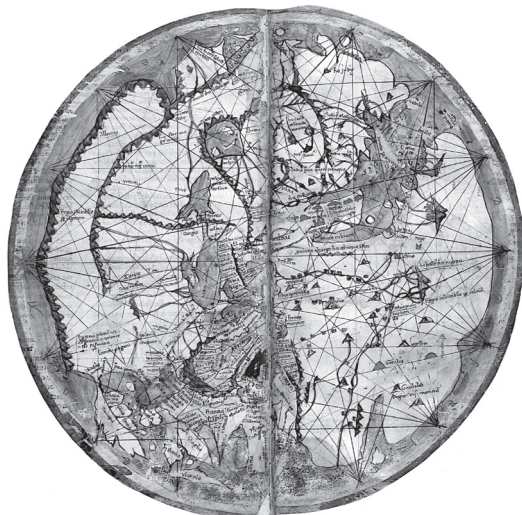
отражались глобальные исторические сдвиги в истории цивилизации. Имперские амбиции и экономические эгоизмы меняли контуры политической географии мира, но старая – если не сказать древняя – традиция символического картографирования во многих своих элементах выжила, образно манифестируя геополитические амбиции и практические интересы политиков и предпринимателей. По мнению исследователя, «культурно-историческая информация сопутствовала и далее европейским картам», неизменно сопровождая все более точные силуэты открываемого мира «изображениями королей, флагов, государственных символов, знаков владения и мощи» [6, с. 19]. При этом рациональные, отнюдь не духовные, обоснования деления мира на территории «своего» и «чужого», «соседа» и «врага», объекта агрессии и жертвы колониальной эксплуатации проявлялись в символически значимых деталях. Среди них исследователи называют даже такие детали, как толщина нанесения линий государственных границ (реальных и желае-

^{*} David Rumsey Map Collection URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY-8~1-347174~90114651:Europe-in-the-Shape-of-a-Queen-Eur?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Europe%20Virgin;sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY-8~1&mi=4&trs=21 (дата обращения: 21.08.2025)

мых), зарамочная образная информация, условные изображения обитателей и правителей тех или территорий, оттенки цветовой гаммы, геральдические атрибуты власти, иногда – с упоминанием все тех же драконов⁵.

Все упомянутые процессы не могли не сказаться на трактовке образов «Востока», который оказался – по мере его освоения Западом – более разнообразным с цивилизационной точки зрения, но воспринимался равно «опасным» и «чуждым», хотя зачастую и привлекательным в своей ориенталистской экзотике...

Новый облик «Востока» как актуального «пространства вражды» во многом подпитывался фактором исламской угрозы. Одним из ответов на эту угрозу стало создание европейскими картографами XIV–XVI веков изображений геополитического доминирования христианского Запада. Так, венецианский купец и хронист Марино Санудо, обеспокоенный мусульманской угрозой христианскому миру, в своей книге с картами, выполненными генуэзским картографом Пьетро Весконтe, создал остро политизированный (желаемый!) мифодизайн картины мира – «Завоевание на карте» [19]. По сути, на ней представлен христианский идеал, ха-

«Завоевание на карте». Марино Санудо, Пьетро Весконтe (около 1320 г.)

⁵ Показательный факт: в оформлении карт мира образы «злых диких» (то есть неевропейцев) будут присутствовать даже в эпохи Просвещения и Романтизма, встречаясь вплоть до конца XIX в.! [6, с. 37]

⁶ My Old Maps. URL: <https://www.myoldmaps.com/late-medieval-maps-1300/228-marino-sanudo-and-pietr/228-vesconte2.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).

ракторный и для Средневековья, и для Нового времени – географическая «реальность» победы Мира Христианства над Миром Ислама – с изображением отвоеванных у мусульман земель. Созданная в начале XIV в., карта оставалась известной и популярной и в дальнейшем.

Политический посыл – часто в религиозной риторике – лишь нарастал в замыслах подобных карт, способствуя тому, что по мере приближения к девятнадцатому столетию «карты вообще и карты мира в особенности начинают представлять собой часть глобальных политических игр европейских правителей» [Нурминен, 2017, 246]. При этом образы «Востока» и синонимичной ему «Азии» (чаще всего – мусульманского мира) все более утрачивали свою субъектность. Поступь западной цивилизации, расширяющейся в пространстве, времени и культурном доминировании, все очевидней предполагала отношение к «Востоку» как к объекту – пространству прагматического освоения. Отсюда – лишь пара шагов до возрождения «образных карт» на новом витке семантизации пространств – «своих», «чужих», «враждебных».

Обострение геополитических противостояний в XIX столетии призывало к оружию новые поколения картографов. Эту роль взяли на себя художники-сатирики. На новом этапе культурной истории человечества традиция образного картографирования мира продолжила миссию критической семантизации географических объектов в жанре острой политической сатиры [20, с.436–439; 15, с.89–95].

Так появились сатирические карты мира, в которых прежняя архаика средневековых карт, с их разделением мира на обители Света и Тьмы, божественного и демонического начал, была идеологически перекодирована в новых визуальных формах. На подобных картах, разных по исполнителю дарованию и жесткости сатирических риторик, уже не мифологические или легендарные пространства, а вполне конкретные государства и народы изображались носителями положительных или отрицательных, антропоморфных или звериных начал, демонических или героических свойств. Став популярным инструментом пропаганды в политических спорах XIX в., сатирические карты мира отложились в ряде упомянутых коллекций⁶.

⁶Подчас привлекая внимание историков, они, на наш взгляд, ещё нуждаются в углублённом историко-культурном анализе. О выявлении некоторых научных, богословских, художественных, идеологических традиций и тенденций в истории мировой картографии см. в монографических исследованиях и статьях: [6; 21; 18; 14; 7; 12 и пр.] Пережив свой расцвет в XIX – начала XX столетия, сатирические карты постепенно уходят за задний план политической сатиры, уступая место менее затратной по исполнению и более лаконичной, оперативной и действенной карикатуре – плакатной, журнальной, газетной.

Образы «Востока» на подобных картах оказались вновь востребованными, на этот раз – как объекты острых сатирических инвектив. Что само по себе глубоко закономерно, как и отмеченная социальными антропологами закономерность поисков самоидентификации по принципу: от «иного», «чужого». По наблюдению исследователя, «исторические карты, открывая окно во времени, позволяют заглянуть в историю формирования европейской идентичности, этот многоэтапный процесс, в котором географические и идеологические границы как в Европе, так и во всем известном мире неоднократно перекраивались» [Нурминен, 2017, 11].

Вступление мира в эпоху «больших» идеологий, рост имперских амбиций среди основных «игроков» на геополитической арене, обострение борьбы за передел мира не могли не ожесточить критические риторики этого типа визуальной сатиры. Едкий сарказм и шаржированность изображений, характерные для работ европейских художников, отвечали настроениям опасений или неприязни к «восточным» / «азиатским» политическим оппонентам и отвечали духу времени. Кого бы ни подразумевали создатели карт под конкретными объектами подобной «востокофобии», трактовки образов «Востока» питались устоявшимися настроениями европоцентризма, «миссии западной цивилизации», представлениями о роли «Востока» как объекта освоения и доминирования.

При этом, по мнению исследователя, «имагинативная география в стиле дихотомии «наша земля – земля варваров» не обязательно предполагает, что варвары тоже признают это различие. Достаточно и того, что эту границу провели в своем сознании «мы», а «они» становятся «ими», потому что и их территории, и их ментальность маркируется как отличная от «наших»» [8, с. 86]. Развитие сатирического картографирования образов «Востока» и «Азии» на протяжении XIX – начала XX столетия, в пору расцвета этого жанра пропагандистского рисунка, происходило в рамках именно такой пропагандистской стратегии, расширяя и наглядно иллюстрируя дискурс «ориентализма»⁷.

Как представляется, самому процессу глобализации конфликтов в ту эпоху весьма соответствовал именно «картографический» формат сатирического рисунка, придававший зримый масштаб тем или иным миро-

⁷ Имена художников-авторов сатирических карт не всегда можно точно восстановить, чаще упоминались фамилии издателей; при этом ряд сатирических рисунков делались целыми коллективами художников; имели место и откровенные копирования удачных сюжетов карт, с небольшими поправками и дополнениями на «злобу дня». В целом же пропагандистская востребованность сатирических изображений по мере приближения к XX в. только возрастала, увеличивая тиражность и популярность подобных карт.

вым событиям. При этом глобальность прежней, «вселенской» борьбы Добра и Зла в рисунках средневековых картографов трансформировалась в соперничество куда более приземленных, но весьма амбициозных имперских эгоизмов. Как справедливо отмечает исследователь, «от пропагандистского плаката подобные карты отличала бóльшая насыщенность в сюжетах и оценках политической злобы дня, поэтому карта может стать самостоятельным объектом расследования политической коллизии в «концерте» великих держав» [7, с. 83]. Добавим, что от газетных и журнальных карикатур сатирические карты отличала панорамная широта, разнообразие «репертуара» политических коллизий, многоадресность критического посыла, совмещение сразу нескольких стратегий изображения и осмеяния противника [12].

**Медведи, цари, султаны,
одалиски...**

В самом начале XIX столетия эпоха Наполеоновских войн дала новый импульс сатирической пропаганде своего времени. На английской са-

тирической карте 1806 года «Восток» предстает пустынным (по сравнению с Европой) пространством, по которому разве что бегают полудикий охотник с луком и стрелами, да видны стойбища кочевников. Безусловно, этот противоречило реальным научным знаниям западного мира о географии, этнографии и культуре азиатских народов и государств. Тем явственнее проявляется политическая заданность репрезентации «Востока» как объекта, а не действующего лица истории. Так, видимые на карте части Российской и Османской империи – пространства очень условно изображенного «Востока» – никак нельзя назвать лишь объектами мировых событий. В рамках тогдашних международных отношений Британии, России и Турции выступали в статусе великих держав эпохи.

Вопреки этому государства Османов и Романовых показаны «безлико» довлеющими с северо- и юго-востока над миром «Европы», создавая ощущение неопределенной тревоги. Помещенные на «задворках» цивилизованного мира, две крупнейшие евроазиатские империи самой своей инерционной мощью призваны были – в трактовке художника – вызывать у зрителя опасения и страхи. По мере усугубления мировых коллизий на протяжении столетия этот базовый образ будет конкретизоваться и наполняться изобразительными деталями (зачастую – вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры момента), не теряя главного – европоцентристской ориентации замысла картографов-сатириков.

«Причудливый эскиз Европы». 1806. Англия^{*}

Особую энергию риторикам вражды европейских художников придавали периодические обострения Восточного вопроса – фактора особой конфликтогенности в XIX веке. За сатирической трактовкой противоречий в «концерте» великих держав на Балканах, в Причерноморье, на Кавказе, Ближнем Востоке и в Центральной Азии явственно проступали военно-стратегические смыслы.

Яркий пример – годы Крымской (Восточной) войны: новая нюансировка визуальных приемов эффективно подкрепляла идеологические инвективы европейских пропагандистов. «Восток» все более виделся и интерпретироваться внутренне неоднородным: черты «азиатскости» присутствовали у картографов-сатириков в изображении как Российской империи, так и ее южных и восточных соседей, но оценивались по-разному. Рознь между ними (этими разными «востоками») использовалась в политических целях.

Выбор стороны в конфликте России и Турции в 1853–1856 годах был для многих западных политиков предопределен чисто прагматически, но транслирован в «упаковке» цивилизационной риторики. Так, фран-

^{*}The British Museum Collection. URL: <https://www.britishmuseum.org/collection> (дата обращения: 21.08.2025)

кузский политик О.Барро называл Восточный кризис середины века не конфликтом между западной и восточной цивилизацией, но борьбой между «цивилизацией западной и цивилизацией русской». «Именно для того, чтобы последняя не проглотила первую, – уверял он, – мы должны любой ценой не допустить поглощения Россией Османской империи и оккупации ею Константинополя»⁸.

И в то время, и позднее традиционные российские идеологиемы – «греза об Индии», «мечта о Царьграде», освоение Манчжурии под рукою «Белого царя» и пр. – как правило, изымались из философско-культурного контекста и переводились западными наблюдателями в область пугающих геостратегий. (Собственные имперские амбиции сатириков, как правило, не пугали.) Это не только давало поводы для отнесения России к условной «Азии», историческому символу агрессии, но и продуцировало пугающие образы хаотичного «восточного» пространства, конфликтного внутри себя и грозящего выплескиванием этой конфликтности в «цивилизованный» мир Европы.

В любом случае, «восточность», «азиатскость» все более закреплялась в интерпретациях картографов-сатириков как эмблемы, синонимичные «злу», «агрессии», «архаике», «репрессиям». Из того же источника, как представляется, брались атрибуты «азиатскости» в создании визуальных образов России Турции как наиболее типичных воплощений «Востока» в тогдашних европейских интерпретациях. С одной стороны – бородастые мужики, свирепые казаки, дикие калмыки, медведи с нагайками, цари с плетками; с другой – грозные янычары, жестокие султаны, хитрые одалиски, лукавые евнухи и... неперменные «индюшки», обреченные на заклание в мировых конфликтах (каламбур от английского turkey – индюшка и Turkey – Турция).

Анахроничные или откровенно мифологизированные, эти атрибуты создавали эффектный образный ряд для шаржирования этнокультурной специфики «Востока» (и российского, и турецкого) в духе дискурса ориентализма [8, 293–297]. Подобные образные инвективы самим фактом своего повторения импринтировались в сознание зрителей и читателей, добавляя накала хроническому перегреву и в «пороховом погребе» Балкан, и в «Восточном вопросе» в целом. Сравнение двух сатирических карт – 1854 и 1870 годов – дают представление о направленности развития подобных критических риторик⁹.

⁸ Цит. по: [9, с. 141].

⁹ Критические приёмы и визуальные идеи этих двух карт будут охотно перениматься другими европейскими авторами, а сами изображения породят череду подражаний –

ликом довлеет и над участниками «концерта» западных держав, и над восточным соседом-Турцией. Держава Османов изображена (в духе «гендерного» ориентализма¹⁰) разделенной Проливами на азиатскую-женскую-страдательную ипостась (одалиска) и ипостась европейскую-мужскую-агрессивную (янычар). Такая двойственность в изображении дряхлеющей империи должна была подчеркнуть ее историко-культурную «неевропейскость» и обреченность на окончательный упадок без европейской помощи и европейской (антироссийской) ориентации.

NOUVELLE CARTE D'EUROPE DRESSÉE POUR 1870

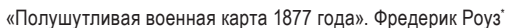
«Сатирическая карта новой Европы 1870 года». Поль Гадоль. Франция

Балканский кризис середины 1870-х гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. способствовали бурному развитию технологий политической пропаганды [4, с. 151–220]. В напряженной атмосфере «журнальных

¹⁰ См. подробнее: анализ «женских» и «мужских» риторик интерпретации образов Турции в сатирическом рисунке [11, с. 63–96].

¹¹ Yale University Collection. URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/15258886> (дата обращения: 21.08.2025)

Наиболее разработанная в Европе традиция политической карикатуры – английская – дает яркие примеры сатирического картографирования очередного обострения «Восточного вопроса». Среди из них – «Полушутливая военная карта 1877 года». На ней появляется жутковатое изображение огромного осьминога, долженствующего символизиро-

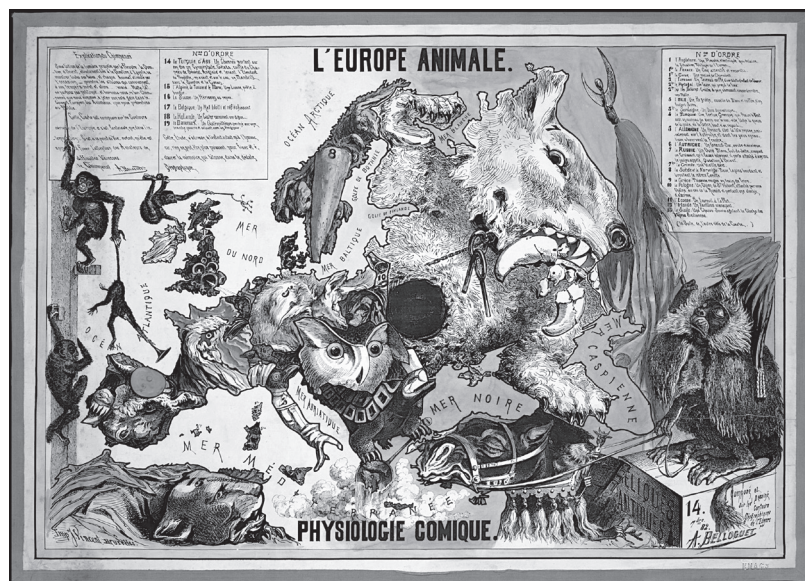
-69-

вать грандиозность и захватнические амбиции России. Подмяв под себя бескрайние евроазиатские пространства, гигантское чудовище призвано было воплотить угрозу, надвигающуюся и на Запад, и на пространства «другого» Востока. Россия, добившаяся успехов в защите славянских интересов, укрепившая свое положение на Кавказе и продвинувшаяся в Средней Азии, беспокоила западных наблюдателей гораздо больше, чем Османская империя, олицетворение «ветхого», слабеющего «Востока». Все сопутствующие образы – «разорванная» щупальцами российского осьминога Турция, полупридушенная им Персия, подмятые под себя Северный Кавказ и Закавказье, охваченные щупальцами закаспийские и среднеазиатские земли – все эти визуальные символы были понятны европейцам, демонстрируя новые реалии Восточного вопроса.

Еще более язвительным стал язык сатирического картографирования под влиянием очередного витка «большой игры» между Великобританией и Россией в Центральной Азии в начале 1880-х годов¹¹. На бельгийской карте «Европейский зверинец. Комическая физиология» восточное пространство предстает сколь выразительно, столь и трагикомично. Часть «Востока» в образе старой надменной мартишки со знаменем Османов и сонного верблюда в парадном облачении застыли в оцепенении своего ветшавшего величия. А тем временем набравший силу русский медведь (наиболее агрессивный «игрок» «Востока» по версии европейских сатириков) легко, словно круассан, разгрызает символ ислама – полумесяц. Этот выразительный образ опасно доминирует – по замыслу художника – над всей картиной европейских и евроазиатских раздоров как их главный выгодополучатель.

Ближе к концу века британская карта с примечательным названием «Рыбалка в беспокойных водах» подведет своего рода итог развитию сатирической картографии девятнадцатого столетия – эпохи ожесточенного противостояния мировых держав, чреватого новыми войнами. Перенос европейской конфликтности на другие регионы мира, глобализацию военно-политического и геоэкономического соперничества художник изобретательно отразит в ярком рисунке, вписав «портреты» действующих лиц в абрисы их государственных владений.

¹¹ Заметим, что союзнические отношения между Россией и теми или иными державами Запада (равно как и её противостояние с ними) не всегда напрямую сказывались на показе России как части «Востока». Одни и те же визуальные приёмы использовались создателями сатирических карт из самых разных стран и политических лагерей Европы. Это особенно отчётливо станет заметно в годы Первой мировой войны, напоминая об устойчивости сформировавшихся способов карикатуризации в этой системе образов.

«Европейский зверинец. Комическая физиология». 1882. Андре Белож^{*}

В руках «рыбаков» – участников геополитических игр – удочки; лески он них тянутся к вожаемым заморским территориям. Экономические интересы европейских держав побуждают их правителей искать «улова» в южном и восточном направлениях. Францию – удержат на крючке африканскую Фашоду; Турцию – из последних сил сохранять за собой Крит (в результате Ближневосточного кризиса 1894–1898 годов встал вопрос об отделении острова от Османской империи); Англию – покрепче ухватить «крокодила» – символ Египта (на его территорию в конце XIX века британцы вторглись «исключительно» для оказания помощи режиму хедива). Россия – в изображении сатирика – ведет себя экстравагантнее и «масштабнее» других: русский император, коронованный «рыбак», пляшет вприсядку, топча земли соседей – как с Запада, так и с Востока. При этом больше всего от подобного «танца» достается упавшей навзничь державе Османов, воплощению «ветхого» «Востока», растерявшего в войнах бывшее величие [12, с. 71].

^{*}National Palace Museum. Taipei. URL: <https://theme.npm.edu.tw/exh108/Animal/common/images/selection/2-0/img4.jpg> (дата обращения: 25.08.2025).

Однако главная цель российского «рыбака» расположена гораздо дальше на Востоке¹²: маленький, шустрый дракончик с правой стороны карты обозначает Японию, прозрачно намекая на мечты Николая II о доминировании России на Дальнем Востоке. Именно на «страну восходящего солнца» направлен главный интерес российского императора.

«Рыбалка в беспокойных водах». Серио-комическая карта Европы. 1899. Фредерик Роуз¹³

За изображением такой «рыбалки» проглядывает не только схема европейских геостратегий (гонка морских вооружений, торговая конкуренция, задачи умножения заморских владений и завоевания новых рынков), но более всего – боязнь активизации России в дальневосточном регионе, где были сосредоточены интересы Англии, Германии и США [10, с.41–43]. На этот раз изображение России в лице ее императора занимает собой почти всю видимую территорию «Востока», подчеркивая трактовку государства Романовых как воплощения агрессивной «азиатскости».

¹² Рисунок поневоле изменяет реальные размеры и пропорции географических пространств, что в принципе характерно для традиций образного, условного картографирования.

¹³ National Library of Sweden. URL: <https://data.kb.se/dark-17661577> (дата обращения: 24.08.2025).

По мере приближения 1914 года закономерно нарастала жесткость визуального языка картографов-сатириков; наглядней и саркастичней становились изобразительные средства карикатуры [2, с. 24–29]. Фобийный настрой авторов отражал растущий накал конфликтности в мире и ожесточение общественных настроений. Можно утверждать, что не только армии враждующих империй, но и художники-сатирики встретили 1914 год во всеоружии. Мировая война – катализатор развития любых технологий в XX веке – поспособствовала развитию и сатирических карт как особо популярного жанра пропагандистской карикатуры того времени. [7, с. 80–81].

«Восток» – ритуальная жертва на периферии истории?

С началом глобального столкновения устоявшийся набор сатирических метафор и инвектив в изображении главных участников мировой войны [3, с. 152–228] подвергся ряду трансформаций, коснувшихся и образов «Востока».

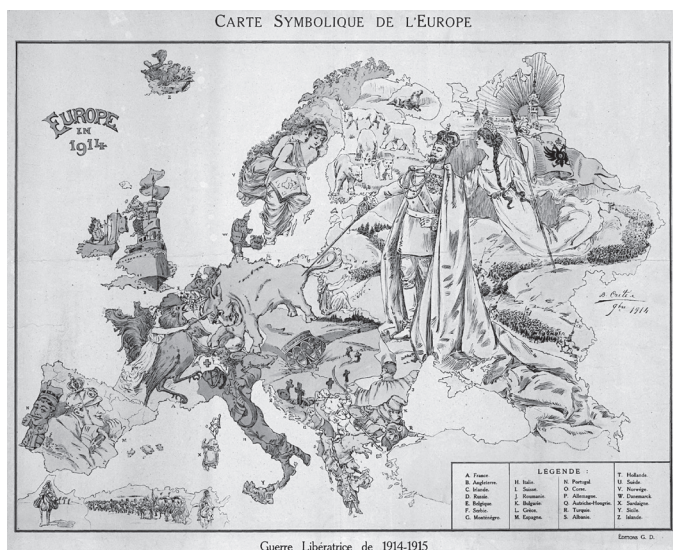
Отметим, что образу и роли Османской империи в общеевропейском концерте великих держав художники уделяли гораздо меньше места (а, следовательно, и значения), чем другим участникам глобального конфликта. Следуя европоцентристскому видению мира, сатирики, особенно – из лагеря союзников по Антанте, помещают «турка» – «маленького» и «жалкого» в своей политической роли, в правом нижнем углу карты, изображая только европейскую и кусочек азиатской части османских владений. Очевидно, реальное значение империи Османов, пусть ветшающей, но все еще внушительной по своей территории и степени влияния в мире ислама, явно недооценивалось или сознательно игнорировалось западными пропагандистами. Меж тем, новый же виток обострения хронически воспаленного «Восточного вопроса» вписался уже в реальность глобального конфликта, в котором после некоторых колебаний османские власти избрали сторону Центральных держав. При чем и армия, и флот когда-то грозной Блистательной Порты оказались к тому времени фактически под германским командованием¹³.

¹³ При этом если для Центральных держав значение Турции как союзника девальвировалось невозможностью с ней прямого сообщения – Средиземное море контролировалось Антантой, а связи между Османской и Габсбургской империями по суше препятствовали ещё не захваченная Сербия и ещё нейтральная Румыния, то для России обретение в лице Турции военного противника было существенным ударом – с её вступлением в войну Россия лишалась наиболее удобного пути сообщения с союзниками – через Чёрное море и Проливы.

Одним из последствий такой ситуации, с которой европейские художники-сатирики (особенно из государств Антанты) не могли не считаться, становилась необходимость дифференцировать стратегии изображения «Востока», разделившегося на союзническую Россию и враждебную Турцию.

Линию показа Османской империи как воплощения «Востока», теряющего остатки своих владений на Западе, находим на французской «Символической карте Европы в 1914 году». «Турок» представлен только головой, упрямо занимающей пространство Балкан, но... отсеченной от собственного туловища, «растворившегося» в пространстве Малой Азии. Этот прием портретирования «расчлененной» Турции развивал уже сложившуюся в карикатуре традицию показа ее «ущербности» и «травмированности» как противника, еще в предвоенные годы растерявшего части своих европейских владений¹⁴.

Союзническая Россия на этой карте представлена величественной фигурой Николая II, под сенью богини Победы укрощающего (на пару с Францией) бешеного германского быка. С восточных просторов, обозначенных

«Символическая карта Европы в 1914 году». 1914'

¹⁴ Имеются в виду аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году, результаты Итало-Турецкой войны 1911–1912 годов, Первой Балканской войны 1912–1913 годов и Второй Балканской войны 1913 года. Подробнее см.: [11, с. 210–242].

¹⁵ La BnF Médiathèque <https://www.bnf.fr/fr/mediatheque/carte-symbolique-de-leurope-leurope-en-1914-1914> (дата обращения: 21.08.2025)

атрибутами имперской власти, по мановению царской руки движутся на запад полчища русских воинов (на этот раз – желанных для европейских союзников), готовых к сражениям с «германцем», «австрийцем» и «турком».

Интересно отметить, как на британской карте «Европейское ревю. Убейте этого орла!» изданной в самом начале мирового конфликта, художник изобразил Россию, «союзника с Востока». Здесь также присутствуют и традиционный «русский медведь», и неперенные казаки, но на этот раз – в положительной роли. Они энергично расправляются с грозным германским «орлом» и с жалким австрийским «клоуном»; тогда как испуганный «турок» из всех сил пытается избежать вовлечения в войну, к которой его упорно подталкивает германский «патрон».

С объявлением Россией войны Турции Кавказский фронт стал важным фактором мировой военно-политической ситуации. Однако все эти «восточные» коллизии до поры оказывались немного не в «фокусе» восприятия европейских сатириков, по-прежнему принижавших как роль Турции в геополитическом раскладе, так и значение успехов русских войск в сражениях на Кавказе¹⁵. Заметим при этом: тяжелые бои на Кавказском фронте, где русская армия в 1914–1916 годах одерживала в боях с турками трудные, но яркие победы (Сарыкамышская, Алашкертская, Хамаданская, Эрзерумская операции), в прямом и переносном смысле находятся за рамками большинства европейских сатирических карт. Хотя, казалось бы, «восточное измерение» войны – события на театре военных действий, растянувшимся от Черного моря до озера Урмия полосой протяженностью 720 километров, давали им для этого обильный материал.

На картах же германского происхождения дружественная Османская империя уже не выглядела азиатским анахронизмом, тогда как именно Россия в образе диковатого «мужика» служила воплощением восточной «дикости». Германская сатирическая карта 1915 года полна сарказма по поводу своих противников. На ней изображены сразу две неудачи союзников по Антанте в том году – отступление российской армии на Германском фронте и катастрофическое поражение англо-французской эскадры при Дарданеллах. Упирающегося из последних сил испуганного «русского мужичка» «германец» и «австриец» объединенными усилиями отпихивают назад, на восток. А довольный «осман», восседая «по-турецки», вылавливает из вод Проливов и разделявает кинжалом

¹⁵ Отметим, что для русских сатириков Мировая война в целом не была по преимуществу «германской» или «европейской». Роль Кавказского фронта, представление о значимости азиатских театров боевых действий отчётливо звучали в сатирических изданиях, создавая «восточное измерение» Великой войны [2, с. 101–163].

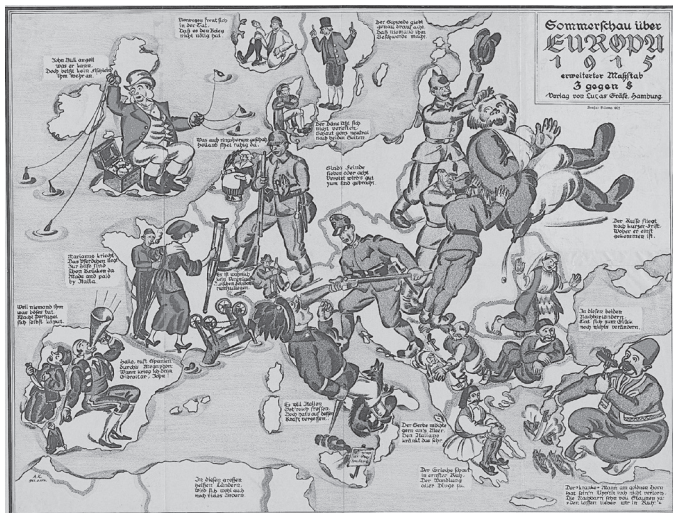

«Европейское ревью. Убейте этого орла!» 1914. Джон Амшевиц*

корабли Антанты, с аппетитом их поедая. Растерянным союзникам остается лишь с огорчением наблюдать за этим событиями на восточных театрах боевых действий...

В разгар Первой мировой войны старая тема «Востока» как средоточия жестокости и агрессии получила новый импульс в связи с трагедией, вызвавшей возмущение мировой общественности – геноцидом армянского населения в 1915 году. Неудачи турецкой армии на Кавказском фронте в 1914–1915 годах и атаки франко-британскими силами Проливов в марте 1915 года усилили антиармянские настроения младотурецких властей, побудив их искать причину своих поражений в пророссийской позиции христианского населения Закавказья и Анатолии как «пятой колонны». Аресты, реквизиции имущества, депортации, пытки, массовая резня армян стали одной из самых трагических страниц в истории Первой мировой войны, да и человечества в целом. Соответствуя настроениям момента, образ трагедии армянского народа художники-сатирики сумели воплотить в духе возвышенных визуальных риторик, поднявшись над спецификой жанра карикатуры [11, с. 252–255].

*David Rumsey Map Collection URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY-8~1~268586~90042817:European-Revue-Kill-That-Eagle> (дата обращения: 21.08.2025)

«Краткий обзор Европы весной 1915 года» 1915. А.К.*

Характерный пример: на французской «Карте европейской войны» изображены лица союзников – «турка» и «австрийца», они алчно взирают на балканские «объекты» своих вожделений, тогда как изображенные близ Южного Кавказа лица молящейся христианской женщины и ребенка устремлены взглядом к России-заступнице. Николай II, император-воин, готовится нанести противникам удар кинжалом возмездия...

Показывая Россию как защитницу угнетенных и страдающих, европейские художники из лагеря союзников как бы «приближают» ее к «цивилизованному Западу», тогда как главным носителем «восточных жестокостей» и «азиатских зверств» теперь выступает Турция.

Возвращение дракона

На завершающей стадии глобального конфликта появляется российская «Карта, поучительная для граждан российских. 1917», широко распространенная как пропагандистский плакат. Она показательна и примечательна тем, что по замыслу автора именно Германия предстает в образе «древнего зла», когда-то населявшего средневековые карты – как актуальная угроза и Западу, и Востоку, и, разумеется, самой России. Об-

На завершающей стадии глобального конфликта появляется российская «Карта, поучительная для граждан российских. 1917», широко распро-

*The Allard Pierson's image bank <https://uvaerfgoed.nl//beeldbank/en/xview/?identifier=hdl:11245/3.3338> (дата обращения: 21.08.2025)

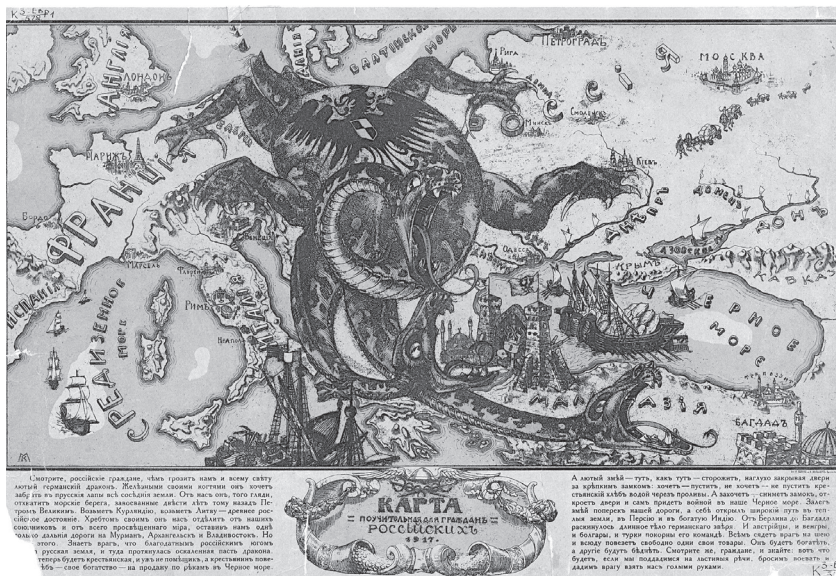

«Театр европейских военных действий. 1914–1915». 1915. Андре Югенен*

ращение в данной работе к сатирической карте отечественного происхождения представляется нам обоснованным и интересным тем, что в ней представлен характерный набор европейских изобразительных приемов и критических инвектив, воплотивший в себе всю глубину традиции образного картографирования, со свойственным ей морализаторским настроением в показе географических территорий.

Так, Восток на карте (глазами дракона) выглядит не более, чем неопределенным пространством, объектом хищных устремлений западного «дракона». Рисунок отражает ситуацию лета 1917 года. Созданный в риторике постфевральского «революционного патриотизма», он стал квинтэссенцией сатирического символизма военного времени. Все три оскаленные головы «лютого змея» обращены на Юго-Восток (к Турции, Ирану, Ираку), а лапы хищно нависли над Францией и Бельгией на Западе и над Россией на Востоке. Особенно примечательна одна из трех глав: своей длинной шеей «змей» простерся по территории Малой Азии и Ближнего Востока. Карту в зарамочном оформлении сопровождает пояснительный рассказ, настраивающий зрителя-читателя на «волну» гео-

* IWM Collection <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/13927> (дата обращения: 21.08.2025)

«Карта, поучительная для граждан российских». Петроград, 1917

политической актуальности: «Залег змей поперек нашей дороги, а себе открыл широкий путь в теплые земли, в Персию и в богатую Индию. От Берлина до Багдада раскинулось длинное тело германского зверя. И австрийцы, и венгры, и турки покорны его команде. Всем сядет враг на шею и всюду повезет свои одни товары. Он будет богаче, а другие будут беднее...»¹⁶.

Интересна переключка критических инвектив: для европейских картографов война разделила на врага и друга «Восток», а для российских художников-сатириков — «Запад». И в том, и в другом случае семантизация пространства на сатирических картах Первой мировой войны продолжила многовековую традицию символического картографирования — вплоть до конкретных визуальных образов.

Знаменательно, что под конец войны «турок» как олицетворение «враждебного Востока» окончательно теряет у художников-сатириков свою субъектность как участника мирового конфликта¹⁷, на периферию вос-

¹⁶ См. замечательное оформление к карте: https://museum-online.moscow/entity/OBJECT/iss3_migm_199339. Дата обращения: 14.08.2025

¹⁷ Подробнее подобной описание эволюции образа «турка» у русских журнальных и газетных сатириков см.: [11, с. 230–264].

приятия уйдет фобийная составляющая образа державы Османов, разделившей в итоге судьбу своего противника, империи Романовых. А «враг с Востока» трансформируется в образ ритуальной жертвы западной цивилизации, жертвы, принесенной на алтарь внешнеполитических амбиций «кровожадных драконов» современности – великих держав Запада. Вспомним, что именно там, на когда-то неведомых оконечностях Запада, по традиции образной картографии изображались когда-то обиталища этих мифологических существ...

Так что же позволяет объединить в сопоставимый источниковый ряд представленные читателю символические карты, столь различные по времени создания, формам исполнения и идейным замыслам? Возможно то, что создателей этих карт объединяло стремление семантизировать пространство, придать значимый – здесь и сейчас – смысл географическому положению той или иной части света, тому или иному континенту или цивилизационному пространству в мировом «концерте» стран, народов, государств и культур. Дать им оценку как «друзьям» и «врагам», объектам и субъектам чей-то «высшей воли» или чьих-то политических устремлений. И при этом обосновать свою оценку меняющимися суждениями – религиозными, идейными, нравственными, политическими.

Потеряв свое духовное «измерение», перестав быть, как когда-то, источником «эдемского света», «Восток» под пером картографов-сатириков со времен превратился для многих европейских политиков, наблюдателей, художников-сатириков в пространство мировой нестабильности. Это тревожило, но и предоставляло шансы прагматически использовать турбулентность геополитических процессов в отношениях европейских, азиатских и евроазиатских держав. Сатирические карты мира как наследницы символических карт прошлых эпох отражали представления и культурные знания о мире в форме метафор и ценностных ориентиров, мутировавших в критические риторики политических, идеологических, пропагандистских инвектив. При этом сатирические художники-картографы XIX столетия часто «изобретали» свой собственный «Восток», а иногда – и очень разные «Востоки». Становясь политико-культурными метафорами, эти условные пространства выступали в образах тех иных носителей «восточности», в роли жертв или агрессоров, субъектов собственной политики (чаще всего – Россия) или объектов политики чужой (Турция, Иран, Закавказье, Средняя Азия, Япония).

Меру проработанности этих образов, степень фобийности их критического потенциала определяли (в меняющемся соотношении), как мини-

мум два фактора – присутствие представлений о «Востоке» в депо исторической памяти тех или иных народов Европы и актуальные конфликты в системе межгосударственных отношений. В результате изображение того или иного пространства все более центрировалось задачей придания его образам пропагандистски выгодных свойств. Поэтому, в частности, «Россия» – даже на европейской части своей территории – чаще всего выступала воплощением «азиатского» персонажа, символом «восточной» отсталости, жестокости, агрессивности.

Можно утверждать, что образ некоего коллективного «Востока», равно как и образы разных «востоков», воплощенные в тех или иных странах, эффективно служили целям политического доминирования и манипулирования. Примечательнее всего то, сколь «полезной» и востребованной оказалась эта традиция на новом витке культурной истории, когда визуальные приемы средневековой критики, апологетики, религиозного морализаторства в изображении мира и его частей оказались восприняты с совсем иными целями и для решения иных задач.

Приключения же «Востока», волею картографов веками «путешествовавшего» по пространству образных карт, лишь на время исчезли из поля зрения наблюдателей, чтобы в эпоху Интербеллума, между Первой и Второй мировой войнами, возродиться в дискурсе «пробуждающейся Азии».

Библиографический список

1. Аверьянов К.А. Историческая картография России XIX – начала XXI в. (опыт создания исторических атласов). // Труды Института российской истории. 2017. N. 14. С.283–295.
2. Баратов П.Н., Филиппова Т.А. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 272 с.
3. Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М.: Институт российской истории РАН, 2010. 328 с.
4. Кочукова О.В., Кочуков С.А. Смех как оружие. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в российской и европейской сатирической печати. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 231 с.
5. Лиманская Л.Ю. *Mappe mundi* как модель *peregrinatio vitae*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mappe-mundi-kak-model-peregrinatio-vitae> (дата обращения: 21.08.2025).
6. Нурминен М. Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры. М.: Паулсен, 2017. 350.
7. Опалин П.Н. Медведь, осьминог и злые мужики. Россия глазами соседей по сатирической карте // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2022, №2. С.78–87.
8. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: «Русский Миръ», 2006. 637 с.
9. Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с.
10. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.
11. Филиппова Т.А. «Больной человек» в эпоху войн и революций. Образ Турции в русской журнальной сатире. 1908–1918. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. 304 с.
12. Филиппова Т.А. На периферии истории и географии: образ Турции на сатирических картах мира эпохи Первой мировой войны // Вестник Института востоковедения РАН. 2023, №3 (25). С. 58–70.
13. Barron R. Bringing the map to life: European satirical maps 1845–1945 // *Belgeo*. 2008. №3–4. P.445–464.
14. Brodersen K. *Cartography. Geography in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 141 p.
15. Coupe W.A. Observations on a Theory of Political Caricature. *Comparative Studies in Society and History*. 1969. Vol. 11. N. 1. P.79–95.

16. Harley J., Woodward D. The History of cartography. Vol.I. Chicago: Chicago Press, 1987. 599 p.
17. Harvey P. The Hereford World Map. Medieval World Maps and their Context. London: Hereford Cathedral, 2006. 392 p.
18. Nordenskiöld A.E. Facsimile-atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. New York: Dover Publications, 1975.
19. Sanudo M. the Elder. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross. Translated by Peter Lock. Surrey: Ashgate Publishing, 2011. 475 p.
20. Streicher L.H. On a Theory of Political Caricature. Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol.9. P.427–445.
21. Woodward D. Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps Author(s). Annals of the Association of American Geographers. 1985. Vol. 75. No. 4. P.510–521.

Если вы не способны
на великие дела, помните,
что вы можете отлично
проявить себя в мелочах.

Наполеон Хилл

Цитата – неверное повторение
чужих слов.

Амброз Гвиннет Бирс

Действие и слово едины,
как говорят мудрецы.

И. А. Ефремов

Афоризмы – основные идеи
ненаписанных произведений.

Генрих Лаубе

Алексей Россинский

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАКЦИОННОЙ РАБОТЫ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1907–1912)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94

В центре внимания автора статьи – механизмы и модели самоорганизации депутатского корпуса III Государственной думы Российской империи. Рассматривается процесс формирования думских фракций, их лидерский состав. Специальное внимание уделено изучению организационных структур, которые использовались депутатами для координации работы и консолидации фракций в принципиально новых условиях парламентской деятельности. Проводится анализ каждой из 14-ти фракций, существовавших в разные периоды работы Думы третьего созыва. Выделяются три модели депутатской организации, подчеркиваются их особенности. Ни одна из моделей не показала решительного превосходства как с точки зрения дисциплинаризации, так и в вопросе эффективности достижения долгосрочных политических целей. Тем не менее этот опыт сыграл позитивную роль в работе фракций.

The main topic of the article is the mechanisms and models of self-organization of the deputies of the Third State Duma of the Russian Empire. We examine how Duma factions were founded, who were their leaders, and what organizational structures were used by deputies to coordinate their work and consolidate factions in fundamentally new conditions of parliamentary activity. The author analyzes each of the 14 factions that existed during different periods of the third convocation. Three models of deputy organization are identified and their characteristics are analysed. None of the models showed a decisive superiority in terms of discipline or in the effectiveness of achieving long-term political goals. Nevertheless, the models themselves allowed the factions to organize their work in the way that was most preferable to them.

Ключевые слова: Государственная дума; думская фракция; Союз 17 октября; Трудовая группа; Прогрессисты; Конституционно-демократическая партия; модели самоорганизации.

Key words: State Duma; Duma faction; Union of 17 October; Labour group; Progressists; Constitutional Democratic Party; models of self-organisation.

E-mail: alexrossynsky@gmail.com

Государственная дума Российской империи за короткий срок своего существования сумела стать полноценным политическим субъектом в рамках системы, сложившейся после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. Немаловажное значение в укреплении роли и развитии парламентских органов сыграли думские фракции, получившие окончательное правовое, институциональное и практическое оформление во время работы Думы третьего созыва (1907–1912).

Подробное освещение в исторической литературе получили вопросы формирования думских политических практик, взаимодействия III Думы и других институтов власти, истории взаимоотношений первого российского парламента и правительства [21,27,39,41,49,50]. Существует ряд работ, в которых рассматривается история создания и развития политических организаций, в частности, октябристов [40,48], кадетов [40,52], правых [26,29,35,37].

Несмотря на обилие исследований, посвященных различным сторонам работы конкретных фракций и общей фракционной конфигурации в III Думе, долгое время оставалась в тени проблема комплексного осмысления вопроса о путях самоорганизации депутатов и характерных особенностях внутренней институционализации парламентских объединений. А между тем соответствующие организационные модели оказывали существенное влияние на тактику фракций, эффективность их деятельности и характер взаимодействия с другими политическими акторами. Таким образом, очевидно, что без изучения упомянутой проблемы невозможно воссоздать достоверный и полномасштабный портрет Государственной думы как политического института.

Самоорганизация депутатов: о рамках формальных и неформальных

Вопрос определения внешнего правового статуса фракций является крайне неоднозначным, несмотря на свою важность для понимания

того, в каких условиях депутаты начинали свою работу. Текст «Учреждения Государственной думы» не содержал никаких указаний о возможности образования депутатских объединений. Об этом ничего не было сказано и в думских Наказах. Единственным официальным упоминанием о наличии неких объединений внутри Думы можно считать § 189 Наказа 1909 г., но и там говорилось лишь о возможности выступать от лица «целых групп» депутатов [30, с.30]. Фракции могли бы быть упомянуты в Наказе в контексте описания выборов в комиссии нижней палаты, но такая формулировка не была утверждена Думой [18, стб.173].

Тем не менее, все это вовсе не означает, что фракции были формально выключены из официальной думской политики. Наоборот, их наличие в Думе воспринималось как данность. При этом депутаты нередко ориентировались на традиции европейских парламентов, прежде всего Рейхстага, где субъектность фракций также не была формально закреплена в официальных документах [27, с. 104].

Фракции были глубоко интегрированы в думские политические процессы и регулярно участвовали в ряде важных электоральных и организационных процедур. Хорошим примером являются выборы в комиссии и президиум, а также работа Совета старейшин. Выборы в комиссии проходили почти исключительно по принципу пропорционального представительства. Принцип фракционной репрезентации, подчеркивающий важность института фракции в рамках Думы, существовал также и при выборах президиума (председателя, секретаря и их товарищей). На переговорах октябристов и правых перед созывом Думы стоял вопрос о распределении должностей именно по фракционному признаку [2, л. 43; 36, с. 31]. Аналогично, когда речь на одном из первых заседаний шла о выборах товарищей секретаря, дискуссия строилась вокруг того, каким образом распределить места между фракциями и какое число товарищей потребуется, чтобы представить в президиуме все разнообразие депутатского корпуса [18, стб. 21–39]. Помимо сложившейся традиции репрезентации в официальных думских органах (комиссиях и президиуме), фракции были также представлены своими делегатами (по одному от каждой фракции) и в сеньорен-конвенте, который играл роль своеобразного координационного центра Думы [28, с. 191; 31, с. 75–76; 51, р. 179].

Помимо внешних рамок, для работы фракций существовали и внутренние институциональные рамки. Их наличие было вызвано, с одной стороны, необходимостью установления дисциплины и порядка для более эффективной работы, а, с другой – отсутствием единого организационного механизма, закрепленного законодательно сверху. Чаше всего фракции становились инструментами курирования депутатской деятельности со стороны активного меньшинства, тогда как большинство членов фракции вело себя пассивно и было индифферентно к судьбе Думы [41, с. 43]. Такая ситуация приводила к тому, что внутреннее фракционное устройство обретало иерархичность и структурно усложнялось. Во всех фракциях существовали посты председателя, его товарищей, секретаря, казначея [38, с. 60–61], почти во всех – действовало бюро (или его аналог), которое часто выполняло роль генерального органа депутатской группы, занимающегося общей организационной работой. Некоторые

фракции имели собственный устав («конституцию»). Важно отметить, что из-за отсутствия четко очерченных рамок думской работы каждая фракция имела особенности формальных и неформальных механизмов своей внутренней организации.

**Фракция октябристов:
А.И.Гучков и «партийная
олигархия»**

Несмотря на то, что фракция «Союза 17 октября» играла ключевую роль в III Думе, ее члены отличались крайней разобщенностью и дезорганизованностью на фоне других думских сил [41, с.348; 22, с.57; 39, с.375–377]. В случае голосования было сложно предугадать результат, так как большинство депутатов-октябристов постоянно меняло свои предпочтения в зависимости от обстоятельств [16, с.8]. Во многом это объясняется особенностями раннего этапа формирования фракции, когда руководство стремилось привлечь в ее ряды как можно больше депутатов, не особенно заботясь о приверженности потенциальных соратников октябристским принципам. Это же привело и к внутреннему расколу на так называемых «правых» и «левых» октябристов, хотя оба крыла не имели четкой программы, не были идеологически цельными и во многом объединяли депутатов по принципу личных связей. Помимо упомянутых выше групп также присутствовало и «среднее», нейтральное течение, представители которого старались сосредоточиться на думской работе, проводя политику компромиссов и устранившись от противостояния с сотоварищами, когда это было возможно. Октябристская фракция представляла из себя, таким образом, крайне шаткое объединение, которое сохранялось в качестве единого субъекта исключительно благодаря усилиям лидера фракции А.И.Гучкова и его помощников.

Гучков был долгое время безусловным лидером и вождем думских октябристов [48, р.32; 36, с.79; 49, р.79–80]. Во многом именно за счет его авторитета и организаторских способностей фракция могла функционировать как политический механизм, а позднее сохранять внешнее единство [41, с.71]. Он часто использовал депутатов-однопартийцев для реализации собственных политических планов [46, с.203–204], не терпел конкуренции или активной оппозиции и, в целом, вел крайне энергичную, но не всегда последовательную политику. Вместе с тем Гучков наладил личные контакты с большинством министров и особенно с П.А.Столыпиным, что поддерживало особое положение октябристов в Думе [48, р.40; 36, с.74; 40, с.433]. Впрочем, со временем их вождь все

А.И.Гучков, председатель фракции «Союза 17 октября»

больше конфликтовал с правительством, рассорился с существенной частью депутатов и в конце концов потерял былой контроль над фракцией.

Переходя к особенностям внутренней организации фракции октябристов, надо, в первую очередь, отметить, что эта думская группа, в отличие от многих других, в очень малой степени зависела от Центрального комитета собственной партии. Руководство фракцией формально осуществляли председатель и два его товарища [2, л.90]. Наиболее значимые решения должны были приниматься на общих собраниях, однако это было серьезно затруднено из-за крайне плохой посещаемости этих собраний. При том, что во фракции формально никогда не было менее 121 человека, на регулярных совещаниях редко присутствовало более 50-ти (в лучшем случае, 40 % от общего состава) [41, с.70]. Бывали даже случаи, когда в заседании участвовало менее 20 депутатов [2, л.176, 281]. При этом в короткие периоды активной работы, кризисов и внутренних выборов посещаемость могла возрастать до 80–100 депутатов [2, л.125,164,229,214,217]. Многие октябристы возмущались безответственностью коллег и требовали принять меры, предлагая в том числе ввести общеобязательные правила [41, с.70; 3, л.18], однако проблема так и не была решена.

Учитывая малое участие большинства депутатов в жизни фракции, бюро, состоявшее всего из 17 человек [5, л. 19], приобретало исключительную роль. Будучи изначально органом исполнительным [5, л. 15], де-факто оно стало руководящим центром. Общий вектор его работы определяли практически исключительно представители левого октябристского крыла. Именно они получали на фракционных выборах подавляющее большинство мест в бюро по одной простой причине – из-за низкой посещаемости заседаний большинством правых октябристов. Примечательно, что именно в бюро была разработана «конституция» фракции, определявшая, в частности, в интересах левого меньшинства порядок голосований внутри фракции и на думских заседаниях [5, л. 31].

Бюро вело от имени фракции переговоры с другими думскими силами [3, л. 18; 6, л. 14; 7, л. 57–60], определяло думскую повестку [3, л. 38], обсуждало организацию работы в комиссиях Думы и формирование фракционных комиссий [3, л. 32] и т. д. Кроме того, члены думского октябристского «ядра» старались воздействовать на председателя Думы, отправляя ему письма с просьбой рассматривать конкретные законы, поддерживать предложенную фракцией повестку, планировали возможности продвижения своих предложений в сенаторен-конвенте [4, л. 2, 4, 9, 24]. Постепенно бюро, по выражению Н. В. Савича, превратилось в «партийную олигархию», которая заставляла считаться с собой самого лидера фракции – Гучкова [36, в. 82], а позднее даже перехватило на себя общее руководство.

Думские кадеты: «комитет» и коллектив фракции

Если октябристы были большую часть времени главной «проправительственной» фракцией, то их антиподом выступала парламентская

группа Конституционно-демократической партии – главной оппозиционной силы в Думе. Кадеты к тому же были единственной относительно крупной фракцией, которая считалась дисциплинированной, а по своему интеллектуальному и рабочему потенциалу они могли уступать только октябристам [41, с. 80; 15, с. 369]. Несмотря на деловую репутацию и внешнее единство, думские кадеты, тем не менее, представляли собой интересный феномен опытной, но нестабильной политической организации.

Организационно фракция кадетов отличалась от остальных наличием так называемого «комитета» в составе 15 человек, который фактически выполнял функции бюро (хотя бюро во фракции формально сохранялось) [11, л. 9, 101 об.]. Полномочия комитета де-юре не были чет-

ко регламентированы. В нем велись все предварительные обсуждения по тактическим вопросам, распределению тех или иных ролей, сотрудничеству с правительством и другими думскими силами. Надо заметить, что привилегированное положение комитета вызывало обеспокоенность внутри фракции и приводило к серьезным спорам [9, л. 5,7]. Тем не менее, кажется некорректным уравнивать положение кадетского комитета с положением октябристского бюро, как это делают некоторые исследователи [38, с. 74–75]. Комитет не узурпировал руководящую роль, как это было в случае с октябристами, и не пытался действовать в обход остальной фракции. Все важнейшие вопросы фракция неизменно решала на общих заседаниях [12, л. 21 об., 86].

Как и в случае с октябристами, несмотря на важную роль общefракционных совещаний, значительная часть кадетов их не посещала. Это же касалось и комитета. Так, в период с октября по декабрь заседания комитета в среднем посещали 9 депутатов (то есть 60 %) [12, л. 1–78], а на заседаниях фракции присутствовало около 30 депутатов (то есть примерно 57 %) [11, л. 82–144]. В сравнении с октябристами эта статистика выглядит позитивной, но она показывает, что проблема политического абсентизма была не чужда и кадетам.

Значительную роль во фракции играли члены партии, не являющиеся депутатами. Официально их положение было закреплено только в октябре 1909 г. решением о кооптации членов ЦК партии во фракцию, но фактически ЦК участвовал в деятельности фракции с момента начала работы Думы [11, л. 5,9 об., 82, 108]. Кроме того, кадетская фракция активно взаимодействовала со своими региональными отделениями. Хотя совещания с их представителями проводились не так часто, они были важным фактором в определении и корректировке тактики фракции (нередко в более радикальную сторону). На одном из совещаний даже было открыто сказано, что партия разделена на два сильно отличающихся по целям лагеря – фракцию и региональные отделения [13, л. 40 об.].

Кадетское парламентское объединение отличалось коллективным стилем руководства и отсутствием бесспорного лидера (каковым, к примеру, Гучков был для октябристов). Бессменный председатель фракции П. Н. Милоков никогда не имел безусловного авторитета среди сотоварищей [52, р. 179], и, хотя депутаты, в основном, поддерживали его публично, на фракционных заседаниях и заседаниях комитета Милоков нередко оказывался в меньшинстве [12, л. 15–18 об.]. К примеру, в ноябре 1910 г. большинством в один голос комитет принял решение рекомендовать фракции голосовать против октябристов, вопреки советам

Милюкова сохранять нейтралитет и начать кулуарные переговоры [12, л. 81 об. – 86 об.]. Весной 1909 г. А. И. Шингарев говорил Е. Я. Кизеветтер, что Милюков имеет полный контроль над фракцией только когда «наша деятельность ограничивается критическими речами, когда нет практической деятельности» [цит. по: 41, с. 80].

Несмотря на то, что в думской кадетской группе традиционно выделяют «правое» и «левое» течения, она не имела тех глубоких идеологических противоречий, которые были одной из самых характерных черт октябристов. В III Думе кадеты действовали, за редким исключением, как цельная группа в тех случаях, когда речь шла о работе в публичном поле или взаимодействии с другими политическими силами. В отличие от ситуации с конфликтами в среде октябристов, противоречия внутри кадетской фракции крайне редко обретали значительную остроту. Одним из исключений можно считать случай с выборами в ЦК партии на ноябрьском заседании 1910 г., когда правые кадеты были по инициативе Милюкова не переизбраны из-за своей позиции по национальному вопросу и под угрозой своего выхода из фракции заставили оппонентов пойти на уступки: переизбрать ЦК еще раз с включением туда «правых» – В. А. Маклакова и М. В. Челнокова [1, л. 40–41].

Правые фракции: раскол и проблема лидерства

Несмотря на первоначальное стремление право-монархических сил к консолидации, практически сразу в начале работы III Думы в их среде

произошел раскол. Впоследствии на правом думском фланге существовали в разное время пять фракций – Правых (далее они будут именоваться просто «правыми», как это принято в историографии), Умеренно-правых, Национальная группа, Русская национальная фракция и Фракция независимых националистов. Несмотря на некоторые общие организационные черты, между ними были определенные различия.

Главной проблемой для правых был вопрос о лидерстве во фракции. Это случилось, в первую очередь, из-за того, что во фракцию входили одновременно оба предводителя крупнейших правомонархических организаций – Н. Е. Марков («Союз русского народа») и В. М. Пуришкевич («Русский народный союз имени Михаила Архангела»). Несмотря на схожесть взглядов, оба политика конкурировали за влияние во фракции и представляли собой самостоятельные политические единицы [26, с. 104].

Н.Е.Марков и В.М.Пуришкевич

В силу того, что Пуришкевич и Марков выступали параллельными вождями фракции и конкурировали друг с другом именно как политические лидеры, ни один из них не мог бы стать председателем думской группы без открытого конфликта с другим [26, с. 104; 35, с. 155]. Таким образом, фракция Правых была единственной, где председатель не был одновременно еще и общепризнанным лидером (пост председателя занимал сначала безразличный к делам Думы В.Ф.Доррер, а позднее компромиссный и более умеренный А.С.Вязигин, который также не имел существенного влияния на деятельность одnogруппников). Де-факто у Правых в Думе отсутствовало единое руководство, а их лидеры мало считались друг с другом [34, с. 200–201]. При этом вся власть над фракцией находилась в руках Пуришкевича и Маркова, которые готовы были считаться друг с другом, но не терпели сторонней конкуренции. Подавляющее большинство правых депутатов шло за своими лидерами и поддерживало их общую линию, не пытаясь оспаривать авторитет своих «вождей», что сильно отличало их от коллег из других крупных фракций.

Иная ситуация сложилась среди националистов и умеренно-правых. После отказа входить в единую фракцию с правыми они разделились на две фракции: Умеренно-правых и Национальную группу [31, с. 9]. Никакой существенной разницы, с точки зрения оценки думской работы и политической ориентации, между двумя фракциями не было. Скорее, они отличались группировкой вокруг конкретных руководителей – А.П. Урусова (в случае националистов) и П.Н. Балашова (в случае умеренно-правых) [37, с. 52]. Личное соперничество Урусова и Балашова препятствовало объединению фракций еще на первых этапах их формирования. Это затянуло процесс консолидации умеренных сил правого крыла Думы [29, с. 31]. Фракции сближались и фактически работали вместе, пока, наконец, осенью 1909 г. не объединились в Думе в единую Русскую национальную фракцию [29, с. 132; 47, р. 33].

Дезорганизованность была характерной чертой не только правых и октябристов, но и националистов [41, с. 66]. У националистов так и не появилось ярких лидеров, способных сплотить фракцию в нужный момент, подобно Пуришкевичу и Маркову. Председателем фракции был Балашов, победивший Урусова в борьбе за лидерство, но не сумевший стать (подобно Гучкову) безусловным предводителем фракции в силу своих личных качеств [26, с. 113]. В то же время В.В. Шульгин отмечал, что «невидимый для посторонних, он был одним из устоев Государственной думы» [45, с. 175]. На самом же деле руководство фракцией осуществлял небольшой круг наиболее активных депутатов, среди которых самыми авторитетными были В.А. Бобринский, епископ холмский Евлогий, П.Н. Крупенский и упомянутый выше Шульгин. Апатичность, безынициативность и малая компетентность депутатов-националистов привела к отсутствию функциональной внутренней организационной структуры, а также консолидации власти в руках узкой группы лидеров, которые и направляли фракцию в соответствии со своими личными интересами. Позднее на фоне конфликта среди фракционной элиты Крупенский вышел из фракции и создал собственную Фракцию независимых националистов, став ее неоспоримым предводителем (в остальных аспектах новая фракция от Национальной почти не отличалась) [37, с. 69; 50, р. 121–122].

Парадокс прогрессистов

Кроме упомянутых выше крупных фракций в Думе также присутствовали шесть менее значимых политически, но не менее интересных для исследователя фракций. Они относились к оппозиционному «блоку»,

однако значительно отличались друг от друга деловым стилем, а также подходом к выстраиванию собственных организационных структур.

Начать следует с Фракции прогрессистов, которая, в отличие от парламентских объединений октябристов, кадетов и правых, формировалась непосредственно в ходе работы III Думы. Ее основателями стали члены Партии мирного обновления. В нижнюю палату было избрано всего восемь мирообновленцев (из которых один сразу вошел в октябристскую фракцию) и потому было принято решение привлечь во фракцию беспартийных депутатов конституционалистских убеждений и, таким образом, создать «надпартийную» группу, представляющую наиболее умеренные либеральные силы [44, с. 311; 25, с. 260]. В результате энергичной деятельности И.Н.Ефремова, лидера и самого активного члена фракции, к концу первой сессии группа увеличила свой состав почти вчетверо [31, с. 9]. Она приняла название «Фракция Партии мирного обновления и беспартийных прогрессивных членов», хотя большее распространение получило другое наименование – «Прогрессивная группа». Руководство прогрессистов открыто заявляло о полной свободе членов фракции во всех вопросах голосования и участия в работе Думы

И.Н.Ефремов, председатель фракции «Прогрессистов» и П.Н.Милюков, председатель фракции «Конституционно-демократической партии»

и не стремилось к ужесточению дисциплины, оставляя единственным необходимым условием пребывания во фракции «прогрессивные» взгляды [33, с. 194–195; 44, с. 312]. Такой подход можно назвать уникальным среди всех депутатских групп. В том числе благодаря ему прогрессисты были наиболее динамично растущей фракцией на протяжении созыва. Во второй сессии к ним примкнули восемь депутатов, в третьей – три, в четвертой состав остался неизменен, а в пятой из фракции вышло два депутата [31, с. 98–99]. Еще пять-семь депутатов формально числились в других фракциях, но де-факто блокировались с прогрессистами [23, с. 5; 33, с. 219]. С первой по пятую сессии фракция выросла более чем на четверть, тогда как численность почти всех остальных думских групп за этот срок сократилась. Не в последнюю очередь такие успехи прогрессистов были связаны с организационным кризисом в других фракциях. Так, А.П. Толстой и А.М. Масленников ушли от кадетов, не желая следовать их «деспотичной» дисциплине и поддерживать левый уклон, А.А. Уваров покинул фракцию «Союза 17 октября» из-за острого личного конфликта с Гучковым, а некоторые левые октябристы примкнули к прогрессистам из-за того, что «не вынесли доктринерства» [23, с. 8; 36, с. 88; 44, с. 314]. Очевидно также, что притягательность прогрессистской фракции объяснялась в немалой степени институтированным «плюрализмом» лидеров фракции.

Сверхзадачей тактики думских соратников И.Н. Ефремова и их усилий по организационному «выстраиванию» собственного парламентского объединения было обеспечение незыблемости центристских позиций фракции и сохранение ее привлекательности для умеренных представителей думского центра. Прогрессистская группа не имела детально разработанной программы и прочной внутренней структуры. Тем не менее, во фракции действовало выборное бюро, создавались собственные внутренние комиссии. Думские прогрессисты сотрудничали с не состоявшими в Думе мирнообновленцами, а также беспартийными деятелями близких взглядов [44, с. 228, 239, 320]. Лидерами фракции являлись мирнообновленцы – Ефремов и Н.Н. Львов. Они формировали состав бюро фракции, регулярно посещали собрания других парламентских объединений и совещания сеньорен-конвента [33, с. 202; 44, с. 321–324]. Им удалось добиться достаточно слаженного голосования собственной фракции и, в целом, с точки зрения формальной дисциплины, члены возглавляемой ими думской группы действовали сообща. Таким образом, прогрессисты представляли собой парадокс. Сознательно отказавшись от жесткой регламентации работы,

они смогли обеспечивать единство соратников в Думе лучше, чем это удавалось многим другим фракциям, пытавшимся дисциплинировать своих членов.

**Трудовики:
дисциплина и креатив**

Социалистические силы были представлены в Думе Трудовой группой и фракцией Российской социал-демократической рабочей партии

(РСДРП). Оба объединения были крайне малочисленными и превосходили по количеству членов только Мусульманскую группу. У трудовиков при этом был свой Устав, который регулировал основные вопросы организационного характера. Так, согласно этому документу, все вопросы должны были решаться на общем собрании, которое считалось состоявшимся если на нем присутствовало две трети фракции (позднее пропорция была снижена до трети) [10, л.29; 17, с.53–54]. Исполнительные функции были возложены на Совет группы (бюро), который избирался раз в три месяца и состоял из председателя фракции и двух товарищей. В начале каждой сессии данная группа должна была принимать тактические резолюции, определяющие направление ее деятельности. Трудовики отличались очень хорошей статистикой посещаемости заседаний. Так, за период с октября 1909 по май 1910 гг. в среднем на заседании было 10 человек (порядка 70%), а на одном заседании присутствовала вся фракция, что можно считать почти уникальным случаем для Думы [9, л.2–55]. Так же, как и другие оппозиционные фракции, трудовики опирались на информационную и финансовую поддержку своих партийных организаций и широко пользовались помощью приглашенных экспертов, среди которых, помимо близких к трудовикам деятелей, были также социал-демократы и народные социалисты [17, с.55]. Кроме того, группа предпринимала попытки «замеров» общественного мнения. В связи с этим отметим уникальную практику думских трудовиков – составление опросных анкет для избирателей с целью выяснения отношения населения к фракции и ее конкретным решениям [8, л.2–8].

**Малые фракции: лидеры
формальные и неформальные**

Фракция РСДРП была наименее организованной и работоспособной из числа оппозиционных и, в целом, была маргинализирована [24,

с.737; 42, с.5]. Члены группы достаточно четко делились на большевиков и меньшевиков (последних было вдвое больше) [20, с.135–

141]. Формальными лидерами социал-демократов были меньшевики Н.С. Чхеидзе, Е.П. Гегечкори и И.П. Покровский [15, с. 371]. Но Чхеидзе и Гегечкори в силу их темперамента плохо справлялись со своей ролью, что не способствовало должной организации работы фракции [20, с. 146]. Покровский же законодательной и организационной работой занимался мало. Более трети депутатов при этом вообще не участвовало в работе фракции и Думы, молча сидя на всех заседаниях и лишь голосуя по указанию товарищей [20, с. 147]. Все вопросы социал-демократы решали коллективно на общих заседаниях [42, с. 157]. Фракция в своей работе, как и трудовики, опиралась на помощь партийных консультантов из среды сочувствующих социалистов и общественных деятелей [42, с. 143].

Также в Думе было три фракции, сформированных не по партийному, а по этноконфессиональному принципу. Это – Польское коло, Мусульманская группа и Польско-литовско-белорусская группа. Польское коло выступало, по мнению некоторых современников, как одна из наиболее организованных и дисциплинированных фракций [15, с. 421]. При этом польско-литовско-белорусская группа действовала под руководством Коло и своего лица не имела, так что эти две фракции вполне можно рассматривать как единый блок. Безусловным лидером Коло был Р.Дмовский, который руководил фракцией практически единолично и достаточно авторитарно [32, с. 111].

Определяющим тактическим документом фракции можно считать Меморандум В.Ф. Грабского, составленный в 1908 г. и поддержанный Дмовским [32, с. 113–115]. Тем не менее, противоречия между депутатами по мере разочарования в тактике дружественного отношения к правительству нарастали, и в 1909 г. Дмовский, под давлением общественной критики на родине и в своей партии, покинул Думу, хоть и сохранил большое влияние на фракцию [32, с. 149–150]. Руководство фракцией перешло к ближайшим соратникам Дмовского и стало, скорее, коллективным. Тем не менее, Коло не сумело реорганизоваться и действовало достаточно бессистемно вплоть до конца работы III Думы, хотя и сохраняло внешнее единство.

Мусульманская фракция была наименее заметной среди всех. Решения принимались на общем собраниях, которые достаточно хорошо посещались [43, с. 207]. Формально фракцию возглавлял К. – М.Б. Тевкелев, однако основную роль играли А. – О.Ш. Сыртланов и С.Н. Максудов, которые определяли тактику фракции и осуществляли функции ее руководителей [43, с. 201–203].

Р.Дмовский, председатель фракции «Польского Коло»

**Оптимизация фракционной
работы: три модели**

Очевидно, что организационные особенности думских фракций серьезно влияли на их способность выступать в качестве политических акторов. В деятельности рассмотренных парламентских объединений просматриваются схожие проблемы, типичные для думской фракции как института. Во-первых, во всех группах в той или иной мере наблюдался депутатский абсентеизм, не позволявший демократизировать процесс принятия решений. Во-вторых, ядром каждой фракции являлся небольшой по численности актив, который представлял ее лицо в Думе и за стенами Таврического дворца, брал на себя основную работу в комиссиях, занимался мобилизацией депутатов для голосований или решения ситуативных проблем (впрочем, степень влияния этого актива на работу фракции оставалась разной). В-третьих, во всех фракциях было предусмотрено наличие бюро (или его аналога) для осуществления исполнительных функций и планирования, а также признавалась

необходимость общего собрания депутатов, на котором должны были решаться вопросы первостепенного значения.

В то же время фракции по-разному (часто противоположными способами) пытались выстроить собственные организационные структуры, позволявшие им выглядеть как внешне единый политический механизм. Всего можно выделить три модели самоорганизации депутатов в зависимости от того, каким образом осуществлялось руководство фракцией и какую роль в управлении фракцией играли ее лидеры.

Первую модель можно условно назвать «коллегиальной». Она характеризовалась вовлеченностью в деятельность фракции широкого круга парламентариев, укреплением роли общего собрания депутатов. По этому образцу были организованы думские группы социал-демократов, трудовиков, мусульман, прогрессистов и кадетов.

Вторая модель («олигархическая») целиком строилась на руководящей роли крайне небольшой, но чрезвычайно активной группы депутатов, решавшей все вопросы, связанные с работой фракции. Эта «олигархия» стремилась отодвинуть основную часть депутатов от управления и узурпировать контроль над фракцией. Подобный тип организации был характерен для Русской национальной фракции (а также фракций националистов и умеренно-правых – до их слияния) и парламентской группы октябристов после ослабления влияния Гучкова (то есть ближе к концу работы III Думы).

Наконец, третья модель («персоналистская») подразумевала наличие одно-двух лидеров, руководящих фракцией авторитарно и имеющих безусловный авторитет, позволяющий игнорировать формальный механизм принятия решений в пользу единоличного управления. К этой группе, на наш взгляд, следует отнести октябристов (до избрания А.И.Гучкова председателем Думы), правых, Польское коло (до ухода Дмовского) и Фракцию независимых националистов.

Уроки III Думы: как «сорганизоваться» депутатам?

Примечательно, что выбор модели мало зависел от формальных признаков – декларируемой идеологической платформы и численности

фракции. Например, персоналистская модель была реализована и многочисленной проправительственной фракцией октябристов, и малочисленным оппозиционным Польским колом. Также невозможно однозначно оценить сравнительную эффективность той или иной модели. Безусловно, наиболее удачливыми с формальной точки зрения оказались прогрес-

Межфракционное совещание депутатов III Государственной думы в Екатерининском зале Таврического дворца

систы, организовавшие свою фракцию в наиболее «демократическом» ключе. Но при этом политически успешными все же следует признать, прежде всего, совершенно дезорганизованных октябристов. Консолидированный круг их лидеров, пользуясь своими связями, опытом и формальной численностью фракции, эффективно использовал различные методы давления на правительство для достижения своих целей.

Парламентские фракции III Государственной думы находились в постоянном поиске оптимальной модели собственной организационной структуры, действуя методом проб и ошибок. Зачастую смена модели была вынужденной и могла идти даже во вред фракции. Именно это случилось с Польским колом и отчасти с октябристами: обе думские группы просто не могли продолжать оставаться «персоналистскими» после потери своих руководителей. Интересно отметить, что все фракции, кроме правых, пытались в тот или иной момент имплементировать коллегиальную модель. Удалось это только малым фракциям, где участие большинства депутатов в политической жизни собственной группы представлялось хотя бы теоретически возможным. В то же время олигархическая модель оказалась наиболее универсальной, хоть и не везде прижилась из-за негативного отношения к ней большинства депутатов.

Практически все фракции (октябристы, кадеты, националисты, правые) к концу работы III Думы оказались на грани распада, однако

было бы странным объяснять это неэффективностью выбранных ими организационных моделей. Напротив, октябристам, например, опора на «вождя» (а позднее – на фракционную элиту) позволила сохранить не только организационную цельность, но и доминирующее положение в комиссиях и, в целом, в думской политике, так как их модель позволяла оперативно реагировать на запросы текущего дня. В то же время во всех фракциях к 1912 г. созрело понимание того, что никакая организационная модель не сможет побороть неискоренимые личные и идейные противоречия внутри фракций. Этот урок был учтен, что привело к серьезным фракционным перестановкам после очередных думских выборов. Политическая конфигурация Думы третьего созыва была крайне пластичной и во многом отражала неопытность депутатского корпуса. В IV Думе ситуация значительно изменилась. При этом парламентские фракции продолжили работу над поиском оптимального способа самоорганизации.

Библиографический список

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.102. Оп.240. Д.27.
2. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.19.
3. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.20.
4. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.31.
5. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.34.
6. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.38.
7. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.40.
8. ГА РФ. Ф.522. Оп.1. Д.4.
9. ГА РФ. Ф.522. Оп.1. Д.12.
10. ГА РФ. Ф.522. Оп.1. Д.13.
11. ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.2.
12. ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.5.
13. ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.7.
14. Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М.: изд-во политич. литературы, 1991. 286 с.
15. Беннигсен Э.П. Записки. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2018. 816 с.
16. Вязигин А.С. Гололобовский инцидент. Харьков: тип. ж-ла «Мирный труд», 1909. 94 с.
17. Горбченко Т.Ю. Трудовики в III Государственной думе, 1907–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. 233 с.

18. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб.: Гос. типография, 1908. Ч.1. 1086 с.
19. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб.: Гос. типография, 1908. Ч.2. 1440 с.
20. Демин В.А. Социал-демократическая фракция 3-й Государственной думы глазами полиции: записка Петербургского охранного отделения 1910 г. // Исторический архив. 2003. №1. С.135–151.
21. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. 214 с.
22. Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы: воспоминания, 1905–1928. М.: «Кучково поле», 2016. 348 с.
23. Ефремов И.Н. Отчет избирателям И.Н.Ефремова о деятельности в качестве члена III Государственной думы.1907–1912 гг. Т.3. СПб.: Типография В.Ф.Киришбаума, 1912. 92 с.
24. Журавлев В.В. Политические партии России, конец XIX – начало XX в. В 3 т. Т.3: Социалистические партии. М.: РОССПЭН, 2022. 902 с.
25. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / Под ред. П.А.Пожигаило. М.: РОССПЭН, 2006. 768 с.
26. Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
27. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. 1906–1907. Пермь: изд-во Пермского гос. ун-та, 1996. 167 с.
28. Корф С.А. Русское государственное право. Ч.1. М.: Скоропечатня А.А.Левенсон, 1915. 315 с.
29. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
30. Наказ Государственной Думы. СПб., 1909. 81 с.
31. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть первая. Общие сведения. СПб.: Гос. типография, 1912. 209 с.
32. Павельева Т.Ю. Польское коло в I–IV Государственных думах: проблемы выработки и реализации парламентской тактики.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1999. 212 с.
33. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. / Отв. ред. В.В.Шелохаев. М.; РОССПЭН, 2002. 528 с.
34. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / сост. К.А.Соловьев. М.: РОССПЭН, 2014. 718 с.
35. Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе, 1907–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003. 543 с.

36. Савич Н.В. Воспоминания / Под ред. Н.Н.Рутыча. СПб.: изд-во “Logos”, 1993. 496 с.
37. Санькова С.М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Светлана Зенина, 2006. 369 с.
38. Сметанин А.В. Институт фракции в Государственной думе Российской империи: 1906–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2016. 268 с.
39. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
40. Соловьев К.А. Политические партии России, конец XIX – начало XX в. В 3 т. Т.2: Либеральные партии. М.: РОССПЭН, 2022. 566 с.
41. Соловьев К.А., Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М.: издание Государственной думы, 2013. 240 с.
42. Социал-демократическая фракция III Государственной думы: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1907–1912 гг. / сост. Р.М.Гайнуллина, П.Ю.Савельев. М.: РОССПЭН, 2023. 1127 с.
43. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917: дис. ... д-ра ист. наук. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 658 с.
44. Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 638 с.
45. Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 588 с.
46. Шидловский С.И. Воспоминания. Ч.2. Берлин: О.Кирхнер и Ко., 1923. 212 с.
47. Edelman R. The Russian Nationalist Party and the Political Crisis of 1909 // Russian Review. 1975. Vol.34. №1. P.22–54.
48. Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1983. 94 p.
49. Hosking G. The Russian Constitutional Experiment. Government And Duma, 1907–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 281 p.
50. Levin A. The Third Duma, Election and Profile. Hamden: Archon Books, 1973. 210 p.
51. Pares B. My Russian Memoirs. London: Jonathan Cape, 1931. 623 p.
52. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. London: Cornell University Press, 1996. 379 p.

Александр Хоботов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**РЕЦ. НА КН.:
ПОСТНИКОВ Н.Д.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ФИНЛЯНДСКОГО (60–70-е
ГОДЫ XIX ВЕКА — 1914 ГОД)**

УДК

94(480)+94(47).08

Монография Н.Д. Постникова посвящена партийной истории Великого княжества Финляндского второй половины XIX – начала XX вв. На значительном фактическом материале автор предпринял первую в отечественной историографии попытку представить комплексную картину зарождения, развития и деятельности многочисленных партий княжества. Повествование включает широкую панораму социальной-экономической и общественной жизни княжества в данный период. Особое внимание уделено проблемам взаимоотношений с имперским центром. Однако фактографическая насыщенность исследования контрастирует с отсутствием серьезной теоретической базы, когда устаревшая терминология не позволяет адекватно оценить сущность рассматриваемого явления.

N. D. Postnikov's monograph is dedicated to the party history of the Grand Duchy of Finland during the second half of the 19th and early 20th centuries. Based on significant factual material, the author has made the first attempt in Russian historiography to present a comprehensive picture of the origin, development and activities of the numerous parties of the Duchy. The narrative includes a wide panorama of the social, economic and public life of the principality during this period. Special attention is paid to the problems of relations with the imperial center. However, the factual richness of the study contrasts with the lack of a serious theoretical basis, when outdated terminology does not allow an adequate assessment of the essence of the phenomenon under consideration.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское; политические партии; сейм; старофинны; младофинны; шведоманы; социал-демократы.

Key words: Grand Duchy of Finland; political party; Sejm; Old Finns; Young Finns; Sveman; Social Democrats.

E-mail: alexander.khobotov2015@yandex.ru

Один из крупнейших финляндских историков, профессор О.Юссила, подводя итог своей фундаментальной работе, посвященной истории Великого княжества Финляндского, писал: «Среди многих территорий, входивших в состав России, Великое княжество Финляндское было одновременно и правилом, и исключением. Трудно сказать, который из этих двух аспектов преобладал. То, что было типичным, в значительной степени объяснялось структурными особенностями Российской империи, а также их эволюцией; в свою очередь, исключения были зачастую обусловлены случайными факторами» [7, с.771].

В этих словах ученому удалось уловить и передать удивительную парадоксальность финской истории имперского периода. Часть крупнейшей континентальной империи наделена такой степенью административно-правовой, политической и торгово-экономической автономии, что порой трудно избавиться от впечатления, будто бы речь идет об отдельном государственном образовании. Принимая во внимание весь объем суверенных прав, дарованных княжеству российскими монархами, начинают казаться совершенно естественными и непротиворечивыми правотворческие инициативы видных финляндских политиков и интеллектуалов, отстаивавших концепцию «несуверенного государства», фактический статус которого должна была зафиксировать уния с российским императором [6, с.22–25].

В историографической тени

На этом фоне еще более парадоксальной выглядит крайняя малочисленность авторитетных обобщающих работ по истории княжества, изданных на русском языке и доступных российскому читателю¹. Несмотря на появление за последние десятилетия большого числа книг и статей по истории русско-финляндских отношений второй половины XIX – начала XX вв.², изучение внутривнутриполитической истории княжества продолжает оставаться вне сферы профессиональных интересов российских историков. Этому можно найти множество объяснений, однако наиболее убедительными представляются два: «непреодолимый» языковой барьер и труднодоступность основной источниковой базы потенциального исследования.

¹ Наряду с монографией О.Юссила [7], также необходимо отметить фундаментальную диалогию М.Клингге [2,3].

² См. напр.: [1,4,5].

В связи с этим появление каждой новой работы, в которой исследуется внутренняя жизнь Суоми в период ее пребывания под российским императорским скипетром, является значительным событием для отечественной исторической науки.

Увидевшая свет в конце 2024 г. монография доцента кафедры истории России Государственного университета просвещения, кандидата исторических наук Н.Д.Постникова стала первым и наиболее полным в российской историографии исследованием по истории финляндских политических партий второй половины XIX – начала XX вв. Опираясь на обширный фактический материал, автор разрабатывает широкий круг вопросов, касающихся различных по своей структуре, численности, степени электоральной мобилизации и характеру программных положений партийных объединений.

Обложка монографии Н.Д.Постникова

В своей работе Н.Д. Постников затрагивает множество проблем, выходящих за рамки сугубо партийной истории княжества в рассматриваемый период и составляющих часть огромной картины, включающей принципиальные разногласия во взаимоотношениях автономной окраины с имперским Центром, противоречия внутреннего развития финляндского общества в условиях глубоких социально-экономических трансформаций и демографического перехода, вызовы, бросааемые старому порядку нарождающимся массовым обществом и поиски местным политическим и интеллектуальным классом оптимальных форм для выражения собственных требований в эпоху новой политической реальности. Специфика финляндской политической культуры, эволюция форм партийного строительства, многоуровневые комбинации социально-политических взаимоотношений на пересечении огромного числа проблемных полей – таков остов авторского повествования.

Работа состоит из введения, шести разделов, заключения и девятнадцати приложений. Наиболее объемный раздел книги посвящен «буржуазным» партиям Великого княжества Финляндского – Старофинской, Младофинской и Шведской (Шведской народной), а также избирательному объединению «Постепенное общественное развитие».

Представляется, что подробный пересказ деятельности каждой партийной организации Финляндии конца XIX – начала XX вв. был бы малопродуктивным. Поэтому остановимся на нескольких отраженных в книге наиболее существенных, на наш взгляд, моментах, которые дают представление о природе, ключевых этапах и структурных особенностях финляндского партогенеза.

Н.Д. Постников выделяет три ключевых периода в истории формирования финляндского партийного пространства и предлагает следующую схему его развития. Первый период – это время с 1860-х гг. до начала революции 1905–1907 гг., когда основной формой партийной организации являлись политические клубы, профсоюзные организации и другие разного рода горизонтальные объединения, не оформленные в полноценную партийную структуру, однако к 1890-м гг. сумевшие обзавестись рядом важных партийных атрибутов в виде программы, устава, избираемых руководящих органов.

Дальнейшее формирование финляндского партийного пространства связано с революцией 1905–1907 гг., принесшей главное нововведение, в корне изменившие всю политическую действительность княжества, а именно законодательный одноплатный и бессловесный Сейм, избираемый в ходе всеобщего и равного голосования. Это заставило руковод-

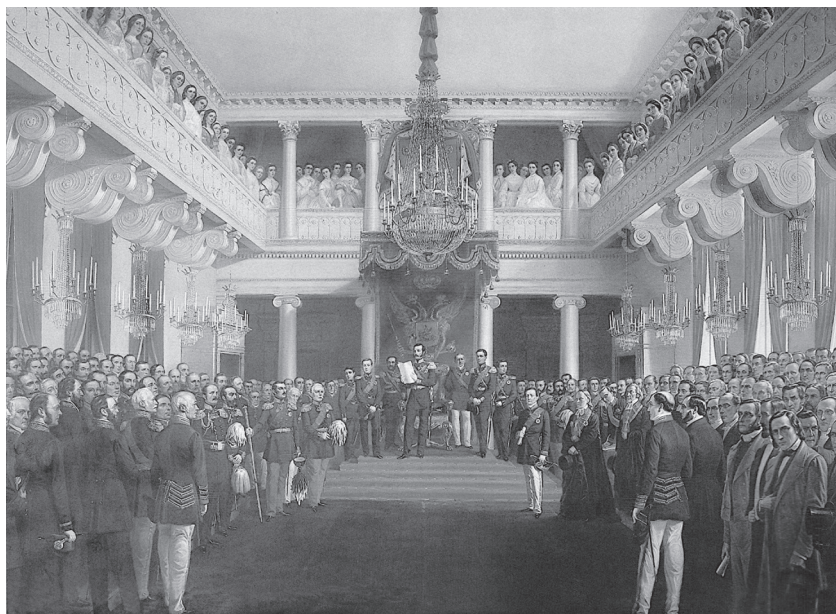
ство большинства партий перейти к полноценной институционализации: определить порядок членства, развернуть сеть местных партийных отделений, дублирующих избирательные округа. Возник ряд новых партийных организаций, включая аграрные и клерикальные.

Третий этап, наступивший с окончанием революции в 1907 г. и продолжившийся до начала Первой мировой войны летом 1914 г., характеризуется окончательным закреплением сложившегося партийного дизайна.

Зарождение и развитие партийной жизни

Партийное или, вернее, протопартийное строительство разворачивается в Великом княжестве Финляндском в середине XIX в. Важнейшей

вехой в истории Финляндии становится инициированный в 1863 г. императором Александром II созыв первого с 1809 г. Сейма, который являлся сословным и имел законосовещательные функции. При этом в рамках существовавшей в княжестве политической традиции он оказывался чрезвычайно важным органом, с трибуны и в кулуарах которого становилось возможным заявлять и отстаивать собственное видение

Роберт Вильгельм Экман. Император Александр II открывает сессию сейма 1863 года

дальнейших путей развития княжества. Именно в стенах Сейма начинают выкристаллизовываться первые финляндские партии – Финская и Шведская. Партии формировались по национально-языковому признаку и олицетворяли собой давнее, исторически обусловленное национальное соперничество между безраздельно господствующей во всех сферах жизни шведской элитой, сформировавшейся в результате многовекового шведского присутствия в финляндских землях, и пребывающим в стадии интеллектуальной мобилизации финским национальным движением, выступавшим от имени финского большинства, находившегося пока еще в роли немого статиста. Партии пребывали в состоянии непримиримого противостояния на всем протяжении имперского периода истории Финляндии. Первоначально наиболее животрепещущим оказался вопрос о языке, который уже к началу XX в. был решен в пользу финнов. Этому способствовали, в том числе, и объективные, неподвластные партийным функционерам, обстоятельства, как, например, рост влияния финского элемента в жизни княжества, который по мере становления массового общества все сложнее становилось игнорировать. Сыграли роль и миграции шведскоязычного населения. Все это поставило шведоманов в положение, когда успех собственной политической активности в значительной мере обуславливался готовностью к выстраиванию разного рода коалиционных объединений с участием финнов, что лишало какой-либо исторической перспективы шведоманов-викингов – расистски настроенных представителей Шведской партии, первоначально определявших идеологический климат в движении. К концу века в сословном Сейме Старофинская партия контролировала уже две палаты, избиравшиеся от крестьянства и духовенства, а также формировала Сенат [6, с. 50, 52].

Национальное противостояние побуждало стороны определиться со своей позицией в отношении Петербурга и его места во внутренних делах княжества. Не обладавшие сопоставимыми ресурсами в рамках сословного общества фенноманы³ сделали в своей политической борьбе ставку на имперский Центр как союзника в деле утверждения финской идентичности и проведения курса, выгодного финскому национальному движению. Подобного рода линия принесла свои плоды, однако стоила Финской партии единства, поскольку в силу глубоко укорененных среди большей части финских националистов представлений о Российской империи как прямой угрозе финляндской авто-

³ Представители финского национального движения, ставившие своей целью замену шведского языка финским в качестве основного в княжестве, развитие и продвижение финской культуры и, как результат, построение финского национального государства.

номии, рассматривавшейся всеми без исключения силами княжества в качестве абсолютной ценности, на первый план выходил вопрос о приоритетах партийной деятельности: идти курсом дальнейшего непримиримого противостояния со Шведской партией (с перспективой полного вытеснения шведов из публичной жизни княжества), при этом продолжая сближаться с империей, или же сказать решительное нет любым имперским интеграционным проектам, ставящим под угрозу автономию, и бросить все имеющиеся средства на противостояние Петербургу, вступив в союз со своими противниками. В 1894 г. эта дилемма разрешилась с возникновением Младофинской партии, построенной на идеологических принципах либерализма [6, с. 128]. На основе антироссийской общности шведоманами и младофинами в 1899 г. был сформирован Конституционный блок, ставший главным проводником политики пассивного сопротивления в княжестве, продолжавшейся до 1904 г. и увенчавшейся, в конечном счете, победой конституционалистов.

Впрочем, потенциал и перспективы такого взаимодействия оказывались крайне сомнительными, учитывая глубину лежавших в основе финско-шведских отношений противоречий. Как только отступила исходившая от империи угроза, а финляндская избирательная система претерпела беспрецедентную по мировым меркам либерализацию, кон-

Депутаты Сейма от Младофинской партии, 1907 год

ституционный блок развалился, и младофины повели решительную антишведскую кампанию. Правда, переоценив масштабы популярности либерализма среди широких слоев финляндского общества и не сумев выдвинуть оригинальную, затрагивающую коренные социальные интересы программу, а также потеряв важнейшего союзника, младофины разгромно проиграли выборы в Сейм, не сойдя, однако, с политической сцены княжества [6, с. 146–147].

В тоже время элитарные партийные группы, политическая борьба которых велась вокруг вопросов национальной самоидентификации, не могли в полной мере отвечать запросам широких слоев рабочего населения, будь то в городах и рабочих поселках или деревне. Как ответ на их чаяния в 1899 г. была образована Рабочая партия (с 1903 г. – Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ)). Во время революции 1905–1907 гг. социал-демократы стали ведущей политической силой княжества, особенно ярко продемонстрировав свое влияние в ходе Ноябрьской забастовки 1905 г. Быстро дистанцировавшись от радикальных форм и методов борьбы и сосредоточившись на парламентских выборах, социал-демократы обеспечили себе победу на всех сеймовых выборах в 1907–1916 гг., став самой массовой партией дореволюционной Финляндии [6, с. 399, 469, 487].

Партийный калейдоскоп

Собранный Н. Д. Постниковым фактический материал позволяет детализировать, а в чем-то и скорректировать, традиционное пред-

ставление о политической конкуренции и идеологическом позиционировании в начале XX в. При рассмотрении финляндских политических партий начала XX столетия бросается в глаза отсутствие единства в их рядах по программно-идеологическим вопросам. В случае с Финской партией наличие подобных центробежных тенденций привело к расколу и оформлению ее либерального крыла в отдельную Младофинскую партию. Младофины, в свою очередь, не смогли избежать внутрипартийных дразг и разделились на умеренных «воробьев» и радикальных «ласточек». Если первые тяготели к позиции бывших однопартийцев из Старофинской партии и старались занять более умеренную позицию в вопросах взаимоотношений с имперским правительством, отдавая предпочтение национально-языковой повестке, то «ласточки» оставались непримиримы и продолжали следовать в фарватере шведского курса [6, с. 161–172].

Не обошли стороной подобные тенденции и Шведскую народную партию, в которой существовало малочисленное, но при этом чрезвычайно

Финляндский парламент, 1907 год

заметное левое крыло, выступавшее за пересмотр основных положений партийной программы путем обращения к нуждам низов шведскоязычного населения, в первую очередь, рабочих, в борьбе за умы и сердца которых шведоманы безнадежно проигрывали социал-демократам [6, с. 262–263, 280–282, 320–321]. У последних же острота внутренних противоречий приобретала подчас драматический оборот и выливалась в несанкционированные вооруженные выступления наиболее радикальных членов партии [6, с. 439, 448]. В СДПФ также существовало заметное ревизионистское крыло, отстаивавшее принципы бернштейнианства, выступавшее за сотрудничество с «буржуазными» силами и участие в работе Сената, а также за проведение более умеренной политики, направленной на постепенное улучшение условий жизни и труда рабочего класса [6, с. 426, 487]. Сторонники ревизионизма были подвергнуты обструкции, а некоторые изгнаны из партийных рядов. Изгнанники попытались со-

здать собственную партию социалистических реформ, но эксперимент оказался неудачным [6, с. 428–429]. Социал-демократическая молодежь впала в другую крайность, ударившись в радикализм и подпольную работу. Важное внимание крайне левые уделяли взаимодействию с русскими революционерами, главным образом с большевиками [6, с. 424, 446]. Последний момент крайне важен, поскольку вопросы взаимоотношений с российскими оппозиционными силами и участие в работе Государственной думы вызывали у значительной части финляндского политического класса крайнее неприятие. И если деятели либерального лагеря отвергали данную идею, основываясь на представлении о Финляндии как «несуверенном государстве» (в связи с чем финляндским делегатам нет нужды участвовать в работе законодательных структур «иностранного» государства), то умеренные социал-демократы рассматривали русский пролетариат как опасный источник анархизма и носителя разрушительных настроений, а потому считали крайне опасным вовлекать финляндских рабочих в общероссийские революционные процессы [6, с. 429].

Это, в лучшем случае, половина от огромного числа внутренних споров и дискуссий, раздиравших политические партии княжества. Однако приведенные примеры, в свою очередь, служат наглядной демонстрацией того, насколько пестрым, разношерстным и разнонаправленным было финляндское политическое пространство в конце XIX – начале XX вв. Попытки использовать популярные идеологические учения, адаптировав их под финляндские реалии, вступали в противоречие с потенциальными возможностями и доступными ресурсами партий, а также с потребностью поддерживать внутрипартийную дисциплину, стройность партийных рядов и координировать работу на местах.

К вопросу о «буржуазности» партий

На этом фоне вызывает некоторое недоумение заявленная автором классификация партий и задействованный терминологический инструментарий, в частности, предложенная Н.Д. Постниковым типология партий по «классовому» признаку. Ученый делит политические партии княжества на буржуазные (Старофинская, Младофинская, Шведская народная), социалистические (Социал-демократическая и ее автономные организации), мелкобуржуазные, радикальные и клерикальные. Сама классификация носит выраженный эклектический характер. Наибольшие сомнения вызывает определение «старых» национальных партий как «буржуазных». Во введении автор в качестве

аргумента в пользу подобной атрибуции ссылается на заявления самих партийных функционеров о буржуазности их политических объединений [6, с. 39], хотя в главе, посвященной Старофинской партии, не приводится ни одного конкретного примера подобных высказываний. Представляется, что сам концепт «буржуазности» и его имплементация в рамках исследования противоречат содержанию монографии. Автор приводит множество выдержек из разных источников (программные документы, газетные публикации, выступления на партийных форумах), в которых отражались общенациональные, надклассовые интересы, а любые попытки подвести классовую доктрину под политическую борьбу (как у социал-демократов) воспринимались неприязненно и отвергались как раскалывающие общество и толкающие его на путь социальных конфликтов. Основной социальной опорой Старофинской партии являлись финские рабочие, крестьяне, мелкие и средние предприниматели, тогда как младофины опирались на студенчество, финскую интеллигенцию и низшее чиновничество. Партии выдвигали множество требований, перекликающихся с социал-демократическими, а именно прогрессивное налогообложение, сокращенный рабочий день, меры по социальной защите малоимущих слоев общества, активное государственное участие в экономической жизни. Также младофины пытались упрочить свое влияние в рабочей среде через действующие под эгидой партии общества трезвости, однако эти попытки не дали заметного результата [6, с. 131]. Неслучайно избирательное объединение «Постепенное общественное развитие», представлявшее интересы крупного предпринимательства в условиях революционной смуты и более других подпадающее под определение «буржуазной» партии, определяло младофинов как партию социалистическую, в то время как социал-демократов именovalo анархо-коммунистами [6, с. 363]. Определенные черты «буржуазной» партии можно было обнаружить у Шведской народной партии, в которой были представлены многие крупные шведские предприниматели и банкиры, а также землевладельцы, что затрудняло вовлечение в партийные ряды более широких слоев шведскоязычного общества. Однако в таком случае остается неясным, насколько деятельность партии можно рассматривать как буржуазную, учитывая ее выраженный аристократический характер, что вступает в определенное противоречие с образом «буржуазного» общественно-го идеала. Представляется, что в данном случае корректнее говорить о желании шведоманов сохранить свое господствующее положение в финляндском обществе, монополию на власть которых подрывала

чаемая большинством финского политического класса демократизация политической жизни. Не вполне ясно, можно ли в данном случае все сводить к «буржуазной» природе партии. Думается, такая редукция несколько искажает историческую реальность, затушевывая подлинное значение шведского политического элемента в жизни княжества.

В конце концов наиболее существенным аргументом против подобной классификации выступает сама история неоднократных попыток выстроить общую финско-шведскую политическую структуру, противостоящую имперским притязаниям на финляндскую автономию. В частности, наиболее последовательным сторонником подобного проекта являлся корифей финляндского правоведения и один из крупнейших государственных деятелей княжества Л. Мехелин [6, с. 252]. Однако все подобные союзы неизбежно оказывались тактическими и распадались при малейшем ослаблении давления со стороны Петербурга и его представителей, поскольку конъюнктурные соображения не устранили глубинных противоречий в отношениях двух национальных движений [6, с. 253].

Леопольд Мехелин

В данном случае четко прослеживается отсутствие серьезной теоретической базы исследования и, одновременно с этим, научная инертность, помешавшая автору выйти за рамки устойчивой и сохраняющей внешние признаки убедительности и фундированности марксистско-ленинской схемы истории, в рамках которой программные установки и характер политической борьбы детерминированы классовой природой партийной идеологии и ее носителей. А между тем представленный в монографии обширный фактический материал дает достаточные основания для смены данной парадигмы. Такая оптика необоснованно сужает видение общей картины финляндского партийного поля, развивавшегося на фоне глубочайшей трансформации социальной структуры не только княжества, но и империи, также переживавшей характерный кризис идентичности в условиях модернизационных вызовов.

Таким образом, можно констатировать, что монография Н.Д.Постникова содержит огромный фактографический материал, который является не только серьезным подспорьем для изучения политической истории Великого княжества Финляндского второй половины XIX – начала XX вв., но и открывает перспективу разработки широкого круга смежных тем. Однако для интерпретации источников автор использует устаревший политический язык. Это – не что иное, как проявление своеобразной «родовой травмы» российской исторической науки, а путь «исцеления» видится в критическом освоении исследователями комплекса всех ресурсов отечественной и зарубежной социогуманитарной сферы. В этой связи рассматриваемая монография чрезвычайно важна, поскольку дает толчок и серьезную фактуру для подобного движения.

Библиографический список

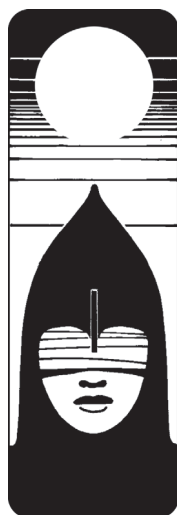
1. Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2024. 455 с.
2. Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. И.М.Соломещ и др. СПб.: Коло, 2005. 614 с.
3. Клинге М. На чужбине и дома / Пер. Л.В.Суни. СПб.: Коло., 2005. 302 с.
4. Мусаев В.И. Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. 546 с.
5. Мусаев В.И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 483 с.
6. Постников Н.Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века – 1914 год). М.: Научно-политическая книга, 2024. 719 с.
7. Юссила О. Великое княжество финляндское, 1809–1917 / Пер. В.М.Авцинов и др. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. 844 с.

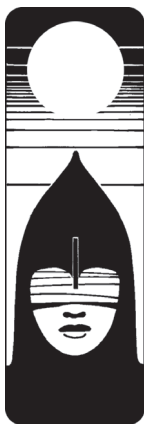
Быть в курсе дел не значит
принимать в них участие.

Марсель Пруст

От речей дело вперед
не двигается.

Мольер

Наталья Суханова

В.И.ЛЕНИН О РОЛИ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

93/94

В статье предпринята попытка проанализировать эволюцию взглядов В.И.Ленина на взаимосвязь международного и российского рабочего движения в конце XIX – начале XX вв. Опираясь на опыт западноевропейского рабочего движения, Ленин признавал, что российское рабочее движение «стоит на его плечах». Соединяя революционный марксизм, как идейную основу построения справедливого будущего человечества, с революционной практикой российского движения, он абсолютизировал классовую борьбу, диктатуру пролетариата, идеи интернационализма и мировой революции. Не признавая парламентских форм борьбы, вождь российского пролетариата продолжал настаивать на приоритете революционных методов, как универсальной форме борьбы за справедливое государство трудящихся всего мира.

The article attempts to analyze the evolution of Lenin's views on the relationship between the international and Russian labor movements in the late nineteenth and early twentieth centuries. Drawing on the experience of the Western European labor movement, Lenin recognized that the Russian labor movement "stands on his shoulders". Combining revolutionary Marxism, as the ideological basis for building a just future for humanity, with the revolutionary practice of the Russian movement, he absolutized the class struggle, the dictatorship of the proletariat, the ideas of internationalism and world revolution. Without recognizing parliamentary forms of struggle, the leader of the Russian proletariat continued to insist on the priority of revolutionary methods as a universal form of struggle for a just state of the working people of the whole world.

Ключевые слова: международное революционное рабочее движение; социал-демократия; классовая борьба; диктатура пролетариата; интернационализм; парламентские формы борьбы.

Key words: international revolutionary labor movement; social democracy; class struggle; dictatorship of the proletariat; internationalism; parliamentary forms of struggle.

E-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Актуальность проблемы

Интерес к теме международного революционного рабочего движения, которая практически весь XX век была чрезвычайно востребована, несколько снизился в настоящее время. Прекратил свое существование Институт международного рабочего движения [30, с.8]. Внимание обществоведов к проблеме несколько поубавилось. Тем не менее в историографии продолжают появляться материалы, обращенные к истории международного революционного рабочего движения [2; 3; 28; 29; 30; 31; 32]. В первой половине XX в. это явление, вовлекая значительное количество людей в свою орбиту, играло огромную роль в движении народов к справедливой организации общества и государства. К концу века и, особенно, в начале нового столетия картина стала иной. Качественные характеристики рабочего класса в условиях постиндустриального общества и его статус поменялись. Факторы, содействовавшие единению рабочих разных стран в политической борьбе, уступили место новым вызовам. Между тем в системе идейно-политических воззрений социал-демократии начала XX в., отражавших цивилизационные особенности разных стран, кроются корни последующих процессов их развития, включая настоящее время. Поэтому тема не перестает быть актуальной. Не менее важным представляется понимание определяющей роли России, ее лидера В.И.Ленина, признаваемой даже оппонентами, в становлении молодого мирового коммунистического движения. При этом исследование причин раскола с европейской социал-демократией раскрывает глубинные цивилизационные различия, без учета которых невозможно формировать курс политического развития страны.

Исследовательская методология

Ее основой служат работы идеологов социал-демократии Германии и России конца XIX – начала XX вв.

Опора на принцип историзма позволила выявить причинно-следственные связи, раскрывающие истоки и сущностные черты их идеологических воззрений. Социально-экономические и политические условия раннего капитализма середины и конца XIX в. в Европе содействовали зарождению марксизма. Похожие условия российской модернизации догоняющего типа начала XX в. сформировали среди прочих и революционную идеологию с теми же идеями диктатуры пролетариата, интернационализма, мировой пролетарской революции и т. д. Но постепенное обращение западноевропейского ка-

питализма к социально ориентированным задачам, превращение рабочих в профессиональный и грамотный класс, невысокий уровень его концентрации на предприятиях содействовали формированию умеренных идейных и политических требований. Результатом стало преобладание парламентаризма, профсоюзной и экономической форм борьбы в западных государствах. Реальность такова, что политические и социальные концепции в разных сообществах являлись инструментами для дальнейшего движения по алгоритму собственной истории. Эта мысль прослеживается в работах известных идеологов, а также обществоведов конца XX – начала XXI вв.

«Марксизм Маркса был продуктом революционного времени»
[1, с.2]

Русское революционное рабочее движение стояло на плечах европейского. К.Маркс и Ф.Энгельс, определив формационный подход, как основу исторического процесса, утверждали, что «из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [24, с.36]. Из экономической природы капитализма (его раннего этапа) они вывели общую основу интересов международного рабочего класса, сформулировав лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Задачи пролетарской борьбы при капитализме классики считали основным содержанием исторического процесса. Поэтому в качестве важнейшей задачи европейская социал-демократия ставила образование Международного товарищества рабочих. Таким объединяющим центром стал I Интернационал. Россия тоже была представлена в нем. Международный социалистический конгресс в Лондоне в 1896 г. принял специальную резолюцию, приветствовавшую достаточно многочисленную делегацию русских революционеров [28, с.233]. Рост российского рабочего движения вызывал серьезный интерес в Европе. Многие считали, что рабочее движение в России начинает играть важную роль и оказывать влияние на развитие международного рабочего движения.

Эволюционные процессы в мировой истории конца XIX – начала XX вв. повлияли на рост многомерности подходов к историческому процессу. Менялся облик капитализма, менялись акценты политической борьбы. Так, в решениях II Интернационала отдавалось предпочтение не революционной, а парламентской борьбе, за забастовками оставалась побочная роль. При этом зарождавшаяся в конце XIX в. РСДРП, сохраняла в своих идеях константу революционной борьбы. Это был вполне

объяснимый подход российских социал-демократов, которые исходили из особенностей развития страны на рубеже XIX–XX вв. Долгая история крепостного права в России, породившего сначала терпеливое восприятие фактического рабства значительной части крестьянства, формировала и сильную протестную составляющую массового сознания. Многовековой раскол российского общества на большую часть угнетаемого и меньшую – угнетающего, формировал серьезный потенциал будущего революционного сознания. Следует согласиться с мнением В.В.Шелохаева о том, что тип российской социал-демократии был обусловлен типом российской пореформенной модернизации... и типом ментальности большинства россиян. [31, с. 75, 85]. В связи с этим очевидно представляется абсолютное признание российской социал-демократией революционной теории К. Маркса и Ф. Энгельса.

В Манифесте РСДРП, принятом на Минском съезде 1898 г., подчеркивалось, что «современный рабочий класс, как крупная историческая сила, проявил себя в 1848 г.», заложив начало новой эпохи в развитии человечества. Базируясь на методологии классовой борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса, русские социал-демократы видели в рабочем классе главного преобразователя исторического процесса. РСДРП хоть и формировалась не в отрыве от европейского рабочего движения, вырабатывала свою российскую стратегию и тактику. Складывается впечатление, что опыт Парижской коммуны абсолютизировался Лениным из-за схожести социально-политических процессов раннего капитализма в середине XIX в. в Западной Европе и России конца XIX – начала XX вв. Ленин нередко говорил о том, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии [13, с. 50]. Он утверждал, что она «закрепила за пролетариатом положение самостоятельной политической силы в общем потоке освободительного движения, подвела, вместе с тем, итоги буржуазно-демократическим преобразованиям в Западной Европе, отстояла и упрочила республиканскую форму государственного устройства» [17, с. 2].

«Экономизму надо объявить беспощадную войну, потому что он является врагом истинных интересов рабочего класса» [2, с. 178].

Интересным представляется факт признания Лениным меняющегося характера капитализма в Западной Европе. При этом он выражал крайнее неудовлетворение тем, что западноевропейская социал-демократия стала выступать за легальные, в том числе парламентские формы борьбы, либеральные и реформистские тенденции в рабочем движении.

В 1899 г. он составил «Протест российских социал-демократов», направленный против «экономизма». «Протест» был обсужден и подписан 17 ссыльными марксистами [7, с. 18–27].

Перемены в европейском социалистическом движении не принимались российской социал-демократией. В марте 1902 г. конференция представителей комитетов и организаций РСДРП в Белостоке высказалась в отдельной резолюции против «оппортунизма в виде экономизма, бернштейнианства и мильеранизма», за сохранение революционного характера рабочего движения [7, с. 40]. Такой подход объясняется тем, что русский капитализм только начинал утверждаться и классовые противоречия напоминали европейские середины XIX в.

Между тем в России тоже имел место социальный запрос на мирные формы борьбы. Если на этапе борьбы с самодержавием программы социалистических партий декларировали революционную борьбу, то единого видения пути к социализму у них не было. Раскол в российской социал-демократии 1903 г. четко разграничил идеологию образовавшихся фракций. Меньшевики признавали эволюционный переход к социализму. Большевики видели единственный путь достижения социализма в ходе революционной борьбы и установлении диктатуры пролетариата. И причиной тому были не только и не столько организационные вопросы. Корни усиливавшего раскола состояли в эволюционном подходе Плеханова, Мартова и их сторонников к историческому процессу – к социализму через капитализм. К слову, в этом проявлялось прямое следование марксизму. В соответствии с ним – пока не созрели объективные условия, революция невозможна [24, с. 585]. При этом пока еще в единой программе русских социал-демократов, принятой II съездом РСДРП, прослеживалось понимание того, что «социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи... из-за различной социально-политической обстановки» [7, с. 59, 61].

В начальный период организации и разработки стратегии и тактики в деятельности партии большевиков наблюдалось стремление ее лидера к осознанию важности роли русского и российского рабочего движения как части мирового. Это вполне логично. В начале 1880-х гг. классики марксизма считали, что Россия находится накануне величайшего перелома, который должен оказать мощное влияние на развитие всемирной истории [25, с. 540]. В начале XX в. рост революционных настроений и действий в России подвели немецкого социал-демократа К. Каутского к выводу о том, что: «Революционный центр передвигается с Запада на Восток. Новое столетие начинается такими событиями, которые

наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижение его в Россию» [6, с. 138]. Отмечая мощь «физической борьбы русских пролетариев», Каутский признавал факт их меняющегося мировоззрения. Пока еще сторонник революционной тактики, он утверждал, что Россия, воспринявшая многое от Запада в революционной борьбе, сама «готова послужить для него источником революционной энергии» [6, с. 139].

В.И. Ленин, находясь за границей фактически с 1900 по 1917 гг., достаточно близко знакомился с европейским революционным движением и его лидерами. При этом поначалу он делал ставку на *близкую победу социализма в Европе и Америке*, следуя воззрениям классиков о первоначальной победе революции в наиболее развитых странах [9, с. 230]. В обращении к депутатам III Думы Ленин отмечал: «Крайне важно сказать об этом с трибуны думской фракции, поведать рабочим России о начале великих битв за социализм в Европе и Америке, о близости торжества (неминуемого торжества) социализма в цивилизованном мире» [18, с. 198].

«Под крахом Интернационала они... разумеют вопиющую измену своим убеждениям» [19, с. 211].

Еще до 1914 г. Ленин был активным участником Парижского, Амстердамского, Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов Интернационала. Участвуя в обсуждении важнейших вопросов современности, в том числе, против войн и милитаризма, лидер большевизма не только знакомился с европейской социал-демократией, но и пытался активно влиять на выработку итоговых документов, и это ему удавалось. Ленин участвовал в выработке следующей резолюции: социал-демократы «должны всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение капиталистического классового господства» [4, с. 247].

Но начало Первой мировой войны резко изменило настроения европейской социал-демократии, а также взгляды Ленина на логику революционного процесса. Поддержка оборонительной позиции своего правительства преобладающим большинством европейских социалистов фактически сломала идею пролетарского интернационализма. Марксизм не во всем выдерживал проверку меняющимися историческими вызовами. Это дало основание Ленину обвинять «большинство вождей II Интернационала в буржуазном реформизме» [14, с. 2]. Сложно винить Ленина в незнании облика европейского капитализма. Унификация мар-

ксова учения о классовой борьбе во втором десятилетии XX в. отражает преобладание в политическом сознании Ленина русских революционных традиций. Между тем в работе «Первое мая и война» Ленин записал следующий тезис: «Кризис официального марксизма (1895–1915). Не воскрешать труп, а развивать революционный марксизм против оппортунистического "тоже марксизма"» [21, с. 376]. Здесь очевидно проявляется видение Лениным российского революционного движения, как не только продолжающего, но и развивающего марксизм русского радикального большевизма. Российский пролетарский вождь ошибочно считал: «Но мы знаем с достоверностью, что защитники отечества в империалистической войне представляют лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти ниже и глубже, к неквалифицированным рабочим, к массе» [16, с. 178]. Этот тезис обнаруживает ставку на самые радикальные пролетарские слои, потому что только они способны на мощный революционный протест. Вместе с тем он представляется крайне сомнительным с позиций надежности такой социальной опоры революции для последующего строительства социализма. Именно такой подход и предполагает наличие управленческой верхушки, диктующей пролетариату стратегию и тактику дальнейших действий, т.е. управляющей бюрократии. Он также сомнителен с позиций констатации того, что за лозунг защиты отчества стоит меньшинство.

Революционный максимализм Ленина не допускал национального патриотизма, ставя классовые интересы выше. Кроме того, устремленность к мировой революции вождя русского пролетариата ставила национальный вопрос в зависимость от революционной идеи. Ленин обосновывал это утверждение тем, что «господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала» [22, с. 98]. И далее: «Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий "своей" национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии» [20, с. 288].

Национальный вопрос по Ленину играл тактическую роль в развитии мировой революции. Он допускал нивелирование национальных различий перед классовым единством, что не подтверждается исторической практикой. Этническое начало, как важнейший элемент формирующейся нации – одно из первых, врожденных, ранних чувств человека. Именно оно

формирует культуру, язык, религиозное сознание, систему общественных отношений, традиции, свойственные только определенному народу. Пролетарское появляется только на этапе капитализма, когда уже сформирована этнокультурная и этнорелигиозная идентичность. Интернациональное проявляется не системно, а лишь в определенных ситуациях. Поэтому соотношение национальных чувств с чувством пролетарского интернационализма проявлялось в мировой истории не всегда в пользу последнего. Универсализация единого пролетарского сознания в идейных построениях Ленина содействовала тому, что он переносил на европейскую почву важнейший, на его взгляд, лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он призывал Европу к социалистической революции и образованию в ее результате республиканских Соединенных Штатов Европы [11, с.22–23]. Но Европа пошла по своему пути.

Фактически революционная практика РСДРП (б) подвела социал-демократию мира к расколу. Был ли он закономерен? Представляется, что он был закономерен в силу разной природы европейской и русской социал-демократии, обусловленной различными цивилизационными корнями и условиями зарождения. Европейские социал-демократии начали формироваться значительно ранее российской. Они исходили из цивилизационных особенностей своих стран. К концу XIX в. в крупных западно-европейских странах положение рабочего класса было значительно лучшим, чем в России. Сам Ленин признавал более высокий уровень развития этих стран. Более социально ориентированный характер западноевропейского капитализма создавал условия для роста профсоюзной и экономической деятельности в рабочей среде. Классовая борьба в Европе сопрягалась с борьбой за права человека и права национального самоопределения. Вопрос завоевания власти практически ни в одной социалистической партии Европы не стоял в порядке дня. Борьба за признание всеобщего избирательного права, реализацию социальных реформ, рост субъектности класса, участие в парламентах и политических партиях, что делало идею диктатуры пролетариата неприемлемой – эти требования большинство социал-демократических партий считали важной политической задачей. При этом выдвигались идеи признания прав собственности на средства производства, что было несовместимо с требованием передачи их государству.

«Некоторые основные черты нашей революции имеют... международное значение» [12, с.3].

Между тем события Первой мировой войны повлекли за собою общественно-политический кризис во многих странах мира. А россий-

ская революция февраля 1917 г. сыграла значимую роль в росте революционного движения. Германия, Австрия, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Италия, Франция, Англия, США сотрясались мощным революционным движением, в том числе, под воздействием событий в России. Октябрь 1917 г. увеличил количество сторонников революционных методов борьбы. Можно сказать, что с этого времени Россия окончательно утвердилась в качестве центра международного революционного движения. Приветствуя Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. К.Каутский настороженно отзывался о разгоне Учредительного собрания. Он писал о том, что демократия «первичнее» социализма, она представляет собой «самоценность» в борьбе за освобождение человечества. И никакой социализм без нее невозможен. Особенно ценным принципом демократии Каутский считал право на оппозицию, защиту самим «большинством» этого права «меньшинства» [5, с.32]. Теперь уже автор очевидно отражал настроения части европейской социал-демократии как явления нового индустриального общества, где рабочий класс не являлся меньшинством. Противопоставляя в этом вопросе социал-демократическую и коммунистическую идеологии, Ленин утверждал, что не бывает «чистой демократии», и Каутский рассуждает о ней вообще [23, с.337]. Бескомпромиссность обоих идеологов представляла срез общественного сознания разных сообществ с разным социокультурным кодом.

Очевидное влияние победы большевиков в 1917 г. на рост международного революционного движения чрезвычайно радовало Ленина. Желаемое воспринималось за действительное. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной осенью 1918 г., он определил **«большевизм, как образец тактики для всех»**, универсализируя международное значение стратегии и тактики большевиков [23, с.305]. Перемены, происходившие в международном революционном движении: его раскол и формирование молодых коммунистических партий в ряде стран подвели Ленина к пониманию необходимости образования III Коммунистического Интернационала. В результате 2 марта 1919 года состоялось открытие международной коммунистической конференции, положившей начало образованию Коминтерна. В ее работе приняло участие 52 делегата. В речи при ее открытии Ленин проявил убежденность в том, что «найдена практическая форма диктатуры пролетариата в виде Советов, которая побеждает в Германии и Англии». По его мнению, этот факт является доказательством того, что пролетарская революция обязательно победит в мировом масштабе: «Победа пролетарской ре-

волюции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики» [15, с. 511]. Но Советы в Германии и Англии носили иной характер, нежели в России. Бирмингемский Совет рабочих депутатов высказал готовность признать Советы только как экономические организации. А движение Спартаковцев в Германии постоянно терпело поражение. При этом Ленин призывал немецких рабочих «пойти на революцию, не считаясь с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм)... Интерес международной рабочей революции *выше* целостности, безопасности, спокойствия того или другого, и *именно своего*, национального государства» [23, с. 108].

Платформа, утвержденная Коминтерном, имела следующие программные цели:

- неизбежность замены капиталистического общественного строя коммунистическим;
- необходимость революционной борьбы пролетариата за свержение реакционных правительств;
- уничтожение буржуазного государства и замена его государством пролетариата, типа Советов, которое обеспечит переход к коммунистическому обществу.

Ленин писал о том, что революции на Западе запаздывают, и их можно и нужно ускорять, но нельзя вызывать искусственно. При этом сохранялась концепция обязательной мировой революции под руководством «революционного штаба Коминтерна», хоть и растянутая во времени. Эта идея мировой революции была серьезной базисной основой и для самих большевиков. Без нее, по-видимому, без веры в нее большевиков и Октябрьская революция могла не быть столь успешной.

Из вывода о неравномерности развития капитализма в различных странах Ленин делал вывод о том, что социализм не может победить одновременно во всех странах. Победа социализма в одной или нескольких будет вызывать не только трения, но и стремление буржуазии других стран разгромить победоносное социалистическое государство. Такая война будет со стороны социализма законной и справедливой. А в случае переноса войны на территорию буржуазных государств, Ленин считал, что такая война была бы за социализм, за освобождение других народов от буржуазии [10, с. 133]. Идея мировой революции и миссионерское сознание русских большевиков проявлялись все ярче по мере роста революционных настроений в мире: «...максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки пробуждения революции во всех странах» [23, с. 304].

Последовавшие события в Венгрии, Германии, Швеции, рост революционного движения привели к формированию молодых коммунистических партий во Франции, Италии, Румынии, Чехословакии, Монголии, Китае, Южной Африке, Бельгии, Канаде, Швейцарии, Палестине, Люксембурге, Португалии, Новой Зеландии, Бразилии, Японии, Чили, Сирии и Ливане, Норвегии. Видя в этом процессе реализацию идеи мировой революции, Ленин в своей работе «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» [12] считал своей обязанностью предупредить молодые и крайне слабые в большинстве стран компартии от очевидных ошибок. С одной стороны, он предостерегал их от социал-демократических иллюзий. С другой – от комплекса «левых» устремлений. Именно этому посвящена публикуемая работа Ленина и решения 2-го (1920 г.) и 3-го (1921 г.) конгрессов Коминтерна. Они были нацелены на консолидацию международного рабочего движения. Но демократические тенденции снова заявили о себе в международном рабочем движении. В 1921 г. в Вене был создан Интернационал [2; 5]. Его участники пытались занять промежуточную позицию между левыми и правыми сторонниками социализма. Таким образом, к 1922 г. помимо Коминтерна (около 60 организаций и 1 млн чел.), в Европе действовали еще два политических центра социал-демократического движения, к которым примыкало до 60 партий и организаций (приблизительно из 40 стран), насчитывавших более 8 млн человек. Доказательством неоднородности международного рабочего движения было возникновение в 1919 г. Амстердамского интернационала профсоюзов, в 1920 г. – Международной конфедерации христианских профсоюзов, в 1921 г. Красного интернационала профсоюзов (Профинтерн). Монолитного рабочего движения не получилось.

К середине 1920-х гг. рабочее движение на Западе в условиях частичной стабилизации капитализма постепенно растеряло революционный настрой. В Европе усилилась парламентская тактика действий рабочего класса. Если во всех капиталистических странах бастовало около двух млн человек, то в Европе за Социалистический рабочий интернационал отдавали голоса более 25 млн человек [33]. Социал-демократы участвовали в эти годы в правительствах большей части Европы, выражая тем самым поддержку той социально-политической системе, которая существовала в их стране – капитализму. Коммунисты же считали стабилизацию капитализма временной. Дальнейшее распространение коммунистической идеологии не подтвердило своей жизнеспособности. Коммунистическое движение оставалось приоритетным в менее развитых странах.

Заключение

В связи с этим стоит ли говорить об ошибках или просчетах В.И.Ленина как идеолога международного рабочего движения? Думается, что такой подход был бы крайне схематичным. Политическая практика подтвердила актуальность и популярность идей Октября среди многих народов. Рост коммунистического движения даже в развитых капиталистических странах, активизация пролетариата в странах с более низким уровнем развития, начало мощной антиколониальной борьбы подтверждали запрос человечества на формирование государства трудящихся. Но ко второй половине XX в. картина мира опять стала меняться. Поэтому далеко не все идейные установки и марксизма, и ленинизма оставались актуальными. В.В.Шелохаев констатирует «объективно назревшую потребность рационализации марксистско-ленинской методологии,... расширения исследовательского проблемного поля, применение многофакторного подхода» к исследованию российского исторического процесса, включая изучение российской социал-демократии и ее лидеров [31, с.75]. Этот факт не отрицает того, что российская социал-демократия и пролетариат действительно стали идейным и организующим центром международного революционного движения. Но это относится к конкретному периоду первой половины XX в. Между тем следует признать, что вопрос единения прогрессивных сил не имеет альтернативы и в современном мире.

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Ленин как марксист. Доклад на торжественном заседании коммунистической академии. URL: <http://fictionbook.ru> (дата обращения 16.05.2025).
2. Бэрн С.Х. Г.В.Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998. 493 с.
3. Журавлев В.В. От социал-демократии к демократии – один век? (Исторические судьбы демократической альтернативы в России в начале XX столетия) // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. науч. ст. Тамбов, 2001. С.13–22.
4. История Второго Интернационала. М., 1966. Т.2. 596 с.
5. Каутский К. Демократия или диктатура. Берлин 1919 г. Владивосток: Владивосток. орг. РСДРП, 1921. 57 с.
6. Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революцию; Славяне и революция. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 638 с.
8. Левые в Европе XX в.: люди и идеи. ИВИ РАН. М., 2001. 463 с.
9. Ленин В.И. В Америке // Полн. собр. соч. Т.22.
10. Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Полн. собр. соч., Т.30.
11. Ленин В.И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т.26.
12. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т.41.
13. Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта // Полн. собр. соч. Т.36.
14. Ленин В.И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Полн. собр. соч. Т.26.
15. Ленин В.И. Заключительная речь при закрытии конгресса 6 марта // Полн. собр. соч. Т.37.
16. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // Полн. собр. соч. Т.30.
17. Ленин В.И. Исторические судьбы учения Карла Маркса // Полн. собр. соч. Т.23.
18. Ленин В.И. К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов // Полн. собр. соч. Т.22.
19. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т.26.
20. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т.25.
21. Ленин В.И. Первое мая и война // Полн. собр. соч. Т.26.
22. Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // Полн. собр. соч. Т.2.
23. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т.37.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1974.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.32.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.
27. Мировая социал-демократия: теория, история и современность. Материалы научной международной конференции. Москва, 25–26 июня 2003 г. М.: Собрание, 2006. 584 с.
28. Савельев П.Ю. Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в.) – 1991 г. Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
29. Тютюкин С.В. Социалистические модели общественно-политического развития России // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. М., 2000. Вып.6. С.4–24.
30. Чубарьян А.О. Вступительное слово // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. Материалы научной международной конференции. Москва, 25–26 июня 2003 г. Собрание, 2006. С.7–9.

31. Шелохаев В.В. Российская социал-демократия в контексте российской модернизации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М.: Собрание, 2006. С.71–87.

32. Шубин А.В. Социалисты в российской революции 1917–1921 гг. // Карло Росселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. М., 1999. С.91–126.

33. Большая советская энциклопедия. URL: <https://litlife.club/authors/23104> (Дата обращения 14.05.2025).

Если что-то и стоит делать,
так только то, что принято
считать невозможным.

Оскар Уайльд

В совершенствовании
человека – смысл жизни.

Максим Горький

Мир каждый видит
в облике ином, и каждый
прав: так много смысла в нем.

Иоганн Вольфганг Гете

Слова – это шпаги.

*Шарль Морис де
Талейран-Перигор*

Ольга Заиченко

«ПОЛЬША ВОЗРОДИТСЯ ВНОВЬ!»

ОБРАЗ ПОЛЬШИ В ГЕРМАНИИ
В ПЕРИОД МЕЖДУ ПОЛЬСКИМИ
ВОССТАНИЯМИ 1794 И 1830 гг.
ИСТОКИ НЕМЕЦКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛОНОФИЛИИ

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94

[430:47]”1794-1830”

Короткий период между двумя польскими восстаниями 1794 и 1830 гг., воспринятыми в Германии как часть освободительной борьбы европейских народов с русской тиранией за национальную независимость, стал временем возникновения и развития немецкой политической полонофилии как части либеральной идеологии первой трети XIX в. Цепь важнейших событий – принятие польским сеймом конституции 3 мая 1791 г., второй раздел Польши (1793), кровавое подавление восстания Костюшко (1794), третий раздел (1795) и в особенности, восстание 1830 г. в Царстве Польском нашли отклик в немецкой политической литературе, который проявился в форме сочувствия к побежденным повстанцам, а также как рефлексия на тему неосуществленных конституционных реформ и борьбы за национальную независимость. Одновременно это была реакция на усиление России в Европе и страх перед продвижением ее территориальной экспансии дальше в германские земли.

The short period between the two Polish uprisings of 1794 and 1830, perceived in Germany as part of the liberation struggle of European nations against Russian tyranny for national independence, marked the emergence and development of German political Polonophilia as part of the liberal ideology of the first third of the 19th century. The chain of events – the adoption of the constitution by the Polish Sejm on May 3, 1791, the second partition of Poland (1793), the bloody suppression of the Kościuszko Uprising (1794), the third partition (1795), and, in particular, the 1830 uprising in the Kingdom of Poland – found a response in German political literature, manifesting itself in the form of sympathy for the defeated insurgents, as well as a reflection on the theme of unrealized constitutional reforms and the struggle for national independence. At the same time, it was a reaction to the rise of Russia in Europe and the fear of its territorial expansion further into German lands.

Ключевые слова: разделы Польши; Германия; «русская угроза»; конституция «3 мая»; восстание Костюшко; полонофилия, «польская свобода»; «благородный поляк».

Key words: partitions of Poland; Germany; “Russian threat”; “May 3rd” constitution; Kosciuszko Uprising; Polonophilia; “Polish freedom”; “noble Pole”.

E-mail: pochta@yandex.ru

**Особенности немецкой
политической полонофилии как
обратной стороны русофобии**

Массовые проявления симпатий к другим народам, если они связаны с изменениями политической конъюнктуры внутри страны, как правило,

не долговечны. Особенно, когда демонстрация «дружеских чувств» носит выраженный эмоциональный характер. Ярким примером является полонофилия, развивавшаяся с конца XVIII в. в Германии как часть оппозиционной идеологии и нашедшая своих главных сторонников в либерально-демократическом движении первой трети XIX в.

Симпатия немцев к восточным соседям впервые возникла после подавления русскими войсками в 1794 г. восстания под предводительством Тадеуша Костюшко и последовавшего через год третьего раздела Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией. Она проявилась в форме сочувствия к побежденным повстанцам, а также как рефлексия на тему неосуществленных конституционных реформ и борьбы за национальную независимость. Одновременно это была реакция на усиление России в Европе и страх перед продвижением ее территориальной экспансии дальше в германские земли. В 20-х гг. XIX в. полонофилия была на время вытеснена из общественного сознания сочувствием к освободительной войне в Греции, но затем вернулась с новой силой и достигла своего пика в 1830–1834 гг. – после Варшавского восстания в конце ноября 1830 г., последовавшей за ним кровопролитной русско-польской войны и массового изгнания инсургентов за пределы Польши. В этот период клише «Польская свобода», «Польская честь» и «Польская боль», вошедшие в обиход в конце XVIII в., нашли свое массовое отражение в так называемой *Polenlied* – «польской песне», ставшей на волне увлечения либеральной идеей [21, 24] доминирующим направлением немецкой политической лирики. Именно гражданская поэзия первой половины XIX в. явилась важнейшим средством выражения либерального энтузиазма в адрес поляков.

Расцвет полонофилии в Германии, которая к началу 30-х гг. превратилась в массовый культ «героической Польши», охвативший практически все слои общества [3] – уникальное, но кратковременное явление в долгой истории взаимоотношений немцев и поляков. Неизбежное осознание немцами приоритета собственных национальных интересов уже во второй половине 40-х гг. перевело фокус общественного внимания из плоскости революционных мечтаний и литературных образов «благородных инсургентов» на существование глубоких противоречий

между идеей восстановления «великой Польши» и созданием единой «великой Германии».

У увлечения Польшей была и обратная сторона медали. Второй (1793) и Третий (1795) разделы Речи Посполитой, а также подавление восстания Костюшко 1794 г. дали начало не только немецкой полонофилии, но и немецкой русофобии. Вместе с «падением Польши» в немецком обществе идеологема о так называемой «русской угрозе» получила очередной импульс к распространению. Согласно европейскому политическому дискурсу второй половины XVIII в. усиленно поддерживаемому Францией, ее союзники – Швеция, Польша и Османская империя – рассматривались в качестве «защитного барьера» Европы с запада, востока и юга против расширяющейся русской внешнеполитической экспансии [5, с. 19–43]. В конце XVIII в. в Германии распространился взгляд на Речь Посполитую как на спасительное буферное образование между Россией и немецкими землями. Второй и Третий разделы Польши уничтожили «защитный барьер» на востоке и приблизили границы Российской империи вплотную к границам Германских княжеств. Многие европейские интеллектуалы уже предрекали слабой аморфной Священной Римской империи участь Речи Посполитой [4, с. 44–65], а в перспективе – поражение свободной Европы русским деспотизмом. С этого момента стремление к восстановлению независимой конституционной Польши в качестве «буферной зоны» было непосредственно связано с немецкой либеральной полонофилией. Одновременно ненависть к России и страх перед «русской угрозой» стали ее основной компонентой [4, с. 44–65].

Переплетение идеологической, политической и национальной составляющих превратило любое исследование германской полонофилии в изучение целого комплекса проблем. С одной стороны, в фокус внимания попадает дискурс о глобальном противостоянии либеральных и монархических партий в Европе, а с другой – сложный вопрос трехсторонних отношений между русскими, поляками и немцами. Зародившись в конце XVIII в. после разгрома восстания Костюшко русской армией и окончательного уничтожения польской государственности, немецкая полонофилия достигла своего апогея в связи с повторением ситуации – подавлением Россией следующего польского восстания 1830 г. Тогда в период европейского революционного кризиса начала 30-х гг. XIX в. впервые с наибольшей остротой возникла необходимость политического осмысления германской интеллектуальной элитой польско-немецких отношений в контексте русско-польских и русско-немецких противоречий, а также внутренних проблем в самой Германии.

Ноябрьское восстание 1830 г. в Польше и последовавшая за ним русско-польская война воспринимались как решающий аккорд серии европейских революций, начатой Июльской революцией во Франции. Кроме того, немцы также видели в нем финишную черту в истории польского сопротивления русской экспансии со времен восстания Костюшко. В обществе сложился консенсус, что предпосылки третьей русско-польской войны были заложены в конце XVIII в. разделами Польши. Немецкая литература и поэзия, в том числе, откликнулись на польские события 1830/31 гг. огромным количеством сочувственных произведений. Германия, как и вся Европа, вдруг открыла у себя по соседству такую Польшу, какой она ее до сих пор не знала.

Предыстория вопроса. Образ Речи Посполитой в немецкой литературе эпохи Просвещения

На протяжении веков немецкое представление о поляках традиционно формировалось в диапазоне от равнодушия до негативного, критического дистанцирования. Еще в немецкой литературе эпохи Просвещения сохранялся негативный образ «польского высокомерия», «польской легкомысленности» и «анархии польской шляхты» [7]. Этому в немалой степени способствовали дневники немецких путешественников, посетивших Речь Посполитую в конце XVIII в. В них очевидцами создавался в основном отталкивающий образ страны, даже если старавшиеся быть непредвзятыми авторы пытались придерживаться «голых фактов», сохраняя беспристрастность [10, 35]. Главные темы – экономическая и культурная отсталость, резкое расслоение общества, грязь, болезни и нищета большинства польского населения, богатство и развращенность шляхты, общая неэффективность правления аристократической республики. И, как заметил немецкий историк Райнер С. Элькар, во всех повествованиях сквозило осуждение и «немецкое превосходство» над поляками, «культиваировавшее скорее надменную отстраненность философа эпохи Просвещения, нежели сочувствие и сентиментальность энтузиастов более поздних эпох» [15, S. 62]. Причем вопреки традициям Просвещения критика распространялась как на высшие, так и на низшие угнетаемые сословия, которым было принято относиться с сочувствием. Например, силезский врач Иоганн Кауш, описывая бедные жилища польских крестьян, пренебрежительно замечал: «Первые жители земли не могли жить примитивнее! Даже кочующие народы видимо не ставили в местах своих временных стоянок худших жилищ» [17, Bd. I., S. 356]. Писатель, историк и педагог Фридрих Иоахим Хри-

стофор Шульц с еще большим высокомерием пишет о лени, культурной отсталости и отсутствии интереса к просвещению у местной шляхты, «именующей себя польской нацией»: «Литература здесь – как вообще все – мертва. Пресса отсутствует. Пара книжных магазинов закрыты их хозяевами, от книг стараются избавиться, за бесценок отдают их перекупщикам. Науки погружены в глубокий сон, как и прежде» [35, S. 37]. Еще одна часто повторяющаяся тема – контраст роскоши и нищеты на примере больших городов. Вот как, например, Фридрих Шульц с неизменно негативной коннотацией описывает жизнь в столице: «Дворцы и хижины, князья и нищие – такова физическая и моральная основа быта Варшавы. Рядом с роскошными дворцами господ – богатые костелы, при них монастыри ... рядом хоромы банкиров, дома купцов и спекулянтов. Большинство же населения Варшавы, которое составляют бедные люди, голодает, так как все в столице дорого и недоступно для бедного человека. ...Счастливая страна, которая так обильно поставляет хлеб другим народам, должна своим собственным детям давать его даром; однако наоборот, часто он здесь дороже, чем где-либо в другом месте; и такая несправедливость во всем» [35, S. 39]. Подобное акцентирование на резких социальных контрастах и неэффективности архаичной модели государственного устройства Речи Посполитой, абсолютно нежизнеспособной в стремительно меняющемся мире, заметно усиливало чувство превосходства просвещенного немецкого читателя над «сарматской дикостью» [15, S. 52–81].

**Первый раздел Польши
и конституция «3 мая»:
начало формирования образа
«Польской свободы»
в немецкой литературе**

Однако политические события 1791–1795 гг. привели к значительным изменениям в представлении немцев о Польше. Процесс трансформации восприятия начался с принятием польским сеймом Конституции

3 мая 1791 г., призванной ограничить привилегии шляхты и заменить их демократическими принципами конституционной монархии. В частности, согласно высшему законодательному акту Польши частично уравнивались в политических правах представители «образованных сословий», прежде всего, дворяне и горожане, а также провозглашалась «опека» государства над крестьянами, смягчая тем самым гнет крепостничества. Польская Конституция 1791 г. отражала идеалы Просвещения и предлагала альтернативный путь осуществления либеральных реформ, нежели тот, по которому пошла Французская революция. В отличие

от радикальных событий во Франции, польский вариант политических преобразований принял образцово мирную форму, за началом внедрения которой польскими «Друзьями Конституции» с интересом и сочувствием наблюдали немецкие либералы. Принятие Конституции 3 мая пошатнуло миф о «природном анархизме польской шляхты» и ее «незрелом упрямстве». Немецкие просветители и представители либерального лагеря частично признали за поляками способность осознанно реформировать свое государственное устройство собственными силами.

Среди публицистов своей приверженностью к Польше в этот период выделялся Кристиан Фридрих Даниель Шубарт (1739–1791) – демократ по убеждению и поэт, органист, публицист, издатель по призванию. Он считался одним из самых влиятельных литераторов своей эпохи, человеком множества талантов и широчайших интересов, немецким патриотом и принципиальным бунтарем, оппонировавшим власти: как светской, так и религиозной. Еще во время первого раздела Речи Посполитой Шубарт на страницах своего журнала “*Deutsche Chronik*” демонстративно занял сторону Польши и ее короля Станислава II Августа. В обзорной статье за 1774 г. он выступил с критикой монархий – участник раздела. Он призывал не верить Фридриху II и Екатерине II, утверждавшим, что главная цель оккупации польских земель в усмирении царящей в них анархии. «Могущественная Россия и сильная Пруссия, – писал он, – имеют тайные, все еще до сих пор скрытые намерения в Польше; печальные предвестники будущих испытаний говорят нам о том, что этой неистрастной стране предстоит еще не одна война и не последний передел» [32, S. 17].

С 1787 г. Шубарт начал издавать новый политический журнал “*Vaterländische Chronik*” (с 1790 г. “*Chronik*”), на страницах которого внимательно следил за развитием событий в Польше. Его оценки не претендовали на беспристрастность и всегда зависели от текущих общественных настроений. Шубарт то сетовал на польское легкомыслие и склонность к анархии с позиции прусского патриота, то преисполнялся восхищением «благородной нацией», с оптимизмом глядя в будущее, то выступал с мрачными пророческими заявлениями. Так, например, 8 апреля 1791 г., наблюдая за расширением ареала боевых действий до берегов Дуная в ходе русско-турецкой компании, Шубарт справедливо предостерегал: «Польша сейчас находится в таком плачевном состоянии, что на нее нельзя смотреть без жалости. Если война продолжится, русские вторгнутся в богатейшие провинции Польши, наслаждаясь на пирах польской говядиной и данцигским крамбамбули. Последний акт польской

трагедии, вероятно, закончится новым расчленением» [30, S.227–228]. Однако с мая 1791 г. после принятия новой конституции он упивается в своем журнале восторженным энтузиазмом, который едва ли смогли превзойти сами поляки. Король Станислав Август Понятовский (1732–1798) теперь для него «первый и самый просвещенный гражданин среди поляков», «несравненный», «добрый, мудрый человек» [34, S.339–340]. Когда Шубарт сравнивает революционную Францию с реформируемой Польшей, «дикие мятежники Парижа» регулярно оказываются в проигрыше [31, S.380]. Нередко возвышенные чувства в адрес поляков настолько его переполняли, что Шубарт переходил с прозы на стихи:

*Назовите, поэты сарматские, назовите священные имена:
Вот Станислав, он как луна на вашем Олимпе.
Друзья отечества сияют вокруг него, как яркие звезды.
Радуясь, Полония! Твоя ночь озарена светом: ныне и навеки!*
[30, S.227]

Шубарт умер 10 октября 1791 г., не увидев восстания Костюшко, последующей агонии Польши и ее печального конца. Его детище – политический журнал “Chronik”, издание которого продолжили Людвиг Шубарт (1765–1811) и Готхольд Фридрих Штойдлин (1758–1796), также умерло, не дожив до финального акта польской трагедии. Однако именно сын Шубарта на страницах “Chronik” в итоговой статье за 1791 г., одним из первых в Германии вознес хвалу польской конституции, «свободолюбивой Польше» и ее королю: «Отныне будь благословен, новый храм свободы Полонии, ты, который поднимается к солнцу в британской твердости и античной красоте! Задолго до того, как ты был воздвигнут, Станислав, который хочет и может творить только добро, обдумывал в своей душе великий план примера освобождения для всех народов Европы; теперь он завершен, и король Полонии поднялся до ранга первых правителей мира!» [33, S.851].

В итоге в немецком сознании параллельно с уже существующими негативными клише, связанными с Польшей, на рубеже столетий формируется романтическое сочувственное восприятие тех качеств польского национального характера, которые прежде порицались общественным мнением Германии. Например, устоявшийся неодобрительно звучащий стереотип «аристократический анархизм» в немецкой литературе начал вытесняться позитивными представлениями о естественности и природном свободолюбии поляков. Несколько абстрактный образ свободы как высшей ценности для шляхтича нашел

свое отражение в новом обобщающем стереотипе «Польская свобода» (Polnische Freiheit), как части национального самосознания поляков [42, S. 73ff].

Польское восстание 1794 г. и фигура лидера польских повстанцев Тадеуша Костюшко (ок. 1745–1818) имели важное значение для формирования в немецкой литературе другого ключевого стереотипа – образа «благородного поляка-воина», который постепенно вытеснял старые представления о «польском высокомерии» и «польской воинственности». Этот стереотип отличался большей конкретикой в отличие от абстрактно-расплывчатой «Польской свободы», так как был построен на основе личных качеств Тадеуша Костюшко. Он представлял собой романтический идеал гражданина-борца за свободу, который в основных своих чертах напоминал античный. Как «истинный сын» Речи Посполитой, с одной стороны, это был борец с любой формой тирании, а с другой – воин-патриот, защитник страны и веры. Именно «военно-политические добродетели» – германские и польские – как часть романтического направления, были наиболее актуализированы в немецкой литературе вплоть до середины XIX в., начиная с периода разделов.

Несмотря на то, что второй и третий разделы Польши, а также восстание под предводительством Костюшко оказались в тени Французской революции, эти события произвели сильное впечатление на европейское общественное мнение и имели долгосрочные последствия разнонаправленного действия.

Восстание 1794 г. и третий раздел Польши: «Сарматский миф» и «русская угроза»

Третий раздел Польши, последовавший после жестокого подавления восстания 1794 г. под предлогом необходимости уничтожить еще

один источник якобинства в Европе, вызвал новый виток сочувствия полякам со стороны их либерально настроенных немецких современников[7, S. 135]. В возникшей атмосфере симпатии и сопереживания им легче было увидеть положительные качества поляков, ставших жертвами могущественных соседних монархий. Кроме того, по мере более близкого знакомства с представителями польской аристократии и шляхты в немецком обществе к началу XIX в. получает распространение так называемый «сарматский миф», который в последствии проявится в литературе в форме «сарматского романтизма». В основе его лежало представление о поляках – потомках вольнолюбивых воинственных

сарматов – как о независимых «природных республиканцах», и о Польше – как «острове свободы» в окружающем океане деспотизма. Вошло в обиход с положительной коннотацией понятие сарматской (шляхетской) вольности. Возможно, сказалось влияние идей Руссо и его увлечение «естественными» народами. В итоге то, что в эпоху Просвещения порицалось в поляках как признак отсталости и дикости, позднее обрело флер привлекательной самобытности и близости к природе. Обычаи и традиции шляхты рассматривались теперь через призму праздничного и экзотического великолепия. Яркий своеобразный «сарматский костюм», вошедшие в моду на балах полонез и мазурка, элегантность и грация польских женщин, а также рыцарство и сдержанное благородство мужчин к началу XIX в. стали неотъемлемой частью немецкого образа Польши. Таким образом, преувеличенно мрачный реализм в описании Польши в немецкой литературе эпохи Просвещения к началу XIX в. уступил место опереточной, условной идиллии, населенной «непреклонными старыми республиканцами а-ля Шиллеровский генуэзец Веррина, героическими первыми и благородными вторыми любовниками, а также прекрасными патриотически настроенными девами при полном отсутствии злодеев среди представителей этого замечательного народа» [7, S. 168f].

Положительную коннотацию образу «благородного поляка» добавляло ставшее модным увлечение национальной историей. Культивация памяти о военных столкновениях Речи Посполитой в XVI–XVII вв. и особенно победа польской армии под командованием Яна III Собеского над турецкой армией под Веной в 1683 г., когда Польша выступила в роли «спасителя европейской христианской цивилизации» [29, S.310ff], подтверждала закрепленную за Польшей роль «заградительного вала» Европы от нашествия турок и «москвитов».

Признание европейским общественным мнением третьего раздела Польши актом насилия со стороны России, Пруссии и Австрии, не имевшим морального и политического оправдания, дало очередной толчок не только началу либеральной полонофилии, но и новым страхам перед «русской угрозой». В 1795 г. в Германии даже разгорелась дискуссия о будущем немецких земель после того, как к ним вплотную приблизились границы России. Наибольшее распространение получила точка зрения, высказанная ганноверским дипломатом Иоганном фон Вакерхагеном о том, что после «поглощения Польши», которая утратила свою независимость и «больше не является шлагбаумом свободы между нами

и Россией», именно Германия должна стать следующей жертвой. «Разве мы не должны опасаться, – риторически вопрошал Вакерхаген, – что солнце, которое так страшно поднимается ввысь на Востоке, уничтожит нашу свободу на Западе?» [39, S. VIII]. Видя Германию преемницей Польши, которая пала жертвой «внутренних беспорядков» и раскола среди элит, Вакерхаген предостерегал, что если имперские князья, а также Австрия и Пруссия не перестанут враждовать между собой, их постигнет та же участь, что и соседнее государство, превратившееся в «одну из русских провинций» [39, S. X].

Почву для распространения страхов перед наступающим «азиатским деспотизмом» в лице России и позитивных представлений о героической Польше как о «бастионе европейской свободы» также готовили средства массовой информации оппозиционного лагеря, представленные двумя важнейшими политическими журналами Германии того времени – «Европейские анналы» и «Минерва». После подавления восстания Костюшко и третьего раздела Польши в этих изданиях резко меняется риторика в отношении России. В начале 1796 г. журнал «Европейские анналы» вышел с итоговой статьей «Взгляд на Европу 1795 г.», которая начиналась словами: «Польша больше не существует. Государство, которое в эпоху своего расцвета диктовало собственные законы всему северу Европы, ...сегодня нужно искать на картах России, Австрии и Пруссии» [26, S. 4]. Либеральный редактор «Европейских анналов» Эрнст Поссельт, а за ним более радикально настроенный публицист Георг Фридрих Ребманн в своих статьях утверждали, что произошло не просто «поглощение части Польши соседними государствами», а уничтожение «последнего оплота свободы одной из худших форм деспотизма» [5, с.32–36]. Причем главным носителем «наихудшей формы деспотизма» из трех разделивших Польшу монархий выступала именно Россия, так как после подавления восстания Костюшко немецкие либералы одними из первых окончательно переместили ее за пределы Европы. По степени распространения тирании Россия, по мнению того же Ребмана, скорее являлась восточной деспотией, наподобие древнего ассирийского царства, нежели европейской империей, образцом которой Ребман считал Древний Рим эпохи расцвета [5, с.36]. Таким образом, приписывая России «азиатскую природу», немецкие либеральные публицисты с одной стороны, на основе присоединения части польских земель к России рисуют апокалиптическую картину «попрания европейских ценностей азиатским варварством», а с другой стороны, – усиливают страх перед «русской угрозой».

Поляризация в немецком восприятии Польши. Захариас Вернер и Август фон Коцебу

Третий раздел 1795 г. положил начало еще одной тенденции, а именно поляризации в восприятии Польши, которая продлится до 1848 г.,

и во многом будет связана с легитимацией политики Пруссии на присоединенных польских землях после разделов, а позднее и с русско-польским противостоянием. В поэзии и драматургии конца XVIII – начала XIX вв. противоположные точки зрения – «немецкая благосклонность к Польше» и «немецкое национальное превосходство над поляками» – можно соотнести с именами Захариаса Вернера (1768–1823) и Августа фон Коцебу (1761–1819). Оба – известные поэты-драматурги и почти ровесники. Коцебу с 1783 г. поступил на русскую службу и большую часть оставшейся жизни провел в России, которую защищал до конца своих дней [2, с. 177–191]. Уроженец Кенигсберга Вернер, находясь на дипломатической службе, с 1793 по 1807 гг. жил в Варшаве, был хорошо принят местным обществом и сохранил любовь к Польше на всю жизнь [28]. События 1790-х гг. развели двух драматургов по разные стороны баррикад. Можно сказать, что в немецкой литературе они стали самыми яркими выразителями раскола мнений относительно Польши после восстания Костюшко, именуемого второй русско-польской войной.

При этом Вернер, прусский чиновник, старательно обходил тот факт, что армия Костюшко воевала с союзными подразделениями России и Пруссии, то есть против его собственного короля. Возможно поэту, не акцентируясь на обличении противной стороны и подробностях боевых действий, Вернер сосредоточился на теме сострадания к побежденным и моральных достоинствах поляков. В трех стихотворениях, которые Вернер посвятил польским повстанцам – «Боевая песня поляков под командованием Костюшко» (1794), «Фрагмент» (1795) и «Народу» (1795), он предвосхитил почти все основные моменты, которые 30 лет спустя лягут в основу тематики немецкой политической лирики, посвященной уже другому неудавшемуся восстанию за «Польскую свободу». В своих стихах Вернеру удалось поэтически выразить глубокое сочувствие немцев восставшей Польше в ее «смертельной борьбе» с более могущественными соседями; «восславить героические легионы», сражавшиеся под командованием Костюшко, как защитников свободы всей Европы и высказать надежду на скорое возрождение Польши, которая «хоть и пала, но еще не погибла» [22, S. 130–148]. Об этом первым из всех немецких поэтов говорит Вернер в последней строфе своего стихотворения «Народу»:

*Тебе – хоть ты и капля в море –
О народ! Час пробьет!
Падешь ли ты вновь,
Сотрется ли след твоего имени –
Но Вахтенный несет службу и бдит,
И прежде чем десятилетие пронесется
В великом потоке времени,
Польша возродится вновь!
[41, Bd.I, S. 73]*

Коцебу, которого Вернер называл «литературным лакеем русских царей», в этот же период выступил с противоположными оценками поляков в целом, и восстания Костюшко, в частности, придерживаясь официальной позиции правительств России и Пруссии. Приехав в Петербург в 1781 г., он скорее всего уже разделял общее предубеждение немецких просветителей к аристократической республике, а также национальную неприязнь пруссаков к полякам. Критические 1790-е годы, «когда русское и польское оружие неоднократно скрещивалось», сделали Коцебу, находившегося тогда в Прибалтике недалеко от театра военных действий, «открытым врагом поляков, и этот несчастный народ стал с тех пор объектом его самых ненавистных преследований» [7, S. 189]. Действительно, упоминание о поляках в резко негативном ключе можно встретить во множестве его сочинений, включая драмы, комедии и серьезные исторические исследования [11, S. 54–81]. Во всяком случае, при написании своего фундаментального труда «Древняя история Пруссии» (1807), претендовавшего на беспристрастность, он большое внимание уделял описанию многочисленных столкновений рыцарей Тевтонского ордена с польско-литовскими отрядами, а также религиозных конфликтов между пруссаками-лютеранами и поляками-католиками на пограничных территориях, и всегда оставался на стороне немцев [14, S. 101–141].

С началом нового века противостояние позиций Вернера и Коцебу по «польскому вопросу» продолжилось. Антипольские настроения Коцебу нашли свое отражение как в его драмах, так и в комедиях, особенно в период наполеоновских войн. Из комедий достаточно вспомнить политический фарс 1812 г. «Речной бог Неман и кто-то еще» [19]. В нем Коцебу высмеял обещанное восстановление Польши под эгидой Наполеона. В уста одного из героев он вложил квинтэссенцию немецких представлений о польских пороках: «Сегодня безрассудный, завтра робкий, смо-

тря с какой стороны ветер дует... каждый поляк занят заботой о собственном спасении, и никто не заботится о всеобщем, не понимая, что когда государство разлагается, их собственная хижина превращается в руины» [19, S.21].

XIX в., дав начало эпохе романтизма, помимо современных проблем и воспоминаний о наполеоновских войнах, связал образ Польши в сознании немцев с историей Тевтонского ордена. В начале XIII в. рыцари ордена вошли в польские земли по приглашению Конрада I Мазовецкого в рамках крестового похода против прусских язычников. Немецкие и польские католики вместе крестили пруссов и осваивали захваченные земли под предлогом распространения католицизма и осуществления «культуртрегерской миссии» на востоке Европы. Затем два сильнейших государственных образования на Балтике вступили в конкурентное противоборство друг с другом. Почти весь XV в. был отмечен непрекращающимися польско-тевтонскими войнами за влияние и территории. Именно к этому сюжету почти одновременно обратились Коцебу и Вернер.

После разделов Польши Пруссия уже открыто ассоциировала свою политику на присоединенных землях с политикой Тевтонского ордена. Для оправдания этой политики Коцебу в 1805 г. пишет драму «Генрих Рейс фон Плауен, или Осада Мариенбурга», посвященную одному из самых трагических событий Великой войны 1409–1411 гг. – осаде главной крепости Ордена Мариенбург объединенными польско-литовскими войсками в союзе с татарским ханом под командованием польского короля Ягайло. Осада стала следствием сокрушительного поражения Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве в 1410 г. [20] Вся пьеса была посвящена воспеванию мужества защитников крепости, которое заставило поляков снять многодневную осаду и отступить. С благородством и храбростью рыцарей резко контрастирует трусость и вероломство поляков, решающих напасть на горстку рыцарей, лишь обладая значительным численным превосходством. Поэтому главный герой комтур фон Плауен все время сравнивает поляков со стаями диких хищников: трусливыми псами, куницами или рысями: «Как рысь, которая бросается с дерева / Чтобы впиться в шею благородного оленя / Так и поляки, жаждущие крови / Нападают на малый отряд доблестных рыцарей / От одного вида которых они (поляки) трепещут» [20, S.29]. Построенная на национальных и религиозных контрастах, пьеса Коцебу была с осторожностью встречена критикой, хотя и была поставлена на сцене Берлинского королевского театра. В последствии выдающийся австрийский литературовед Роберт Франц Арнольд, считавший все творчество драматурга

конъюнктурным и негативно относившийся к нему лично, так оценил трагедию «Осада Мариенбурга»: «Когда Коцебу в 1805 г. подвернулась политически выгодная тема решающей битвы между тевтонскими рыцарями и поляками, он изобразил последних в лице их короля Ягайло с такой нескрываемой антипатией, что смог прорвать старую традицию просветителей враждебного отношения к тевтонцам, как и к любому другому ордену, и, еще до Захариаса Вернера дать толчок романтическому прославлению духовного рыцарского государства Пруссии, которое так часто повторялось в XIX в.» [7, S. 189–190].

В следующем году словно в ответ на драму Коцебу Вернер публикует свою пьесу «Крест на Балтийском море», посвященную начальному периоду взаимоотношений поляков с Орденом – Прусскому крестовому походу и началу совместной деятельности Ордена и поляков по христианизации Балтийского региона. Действие разворачивается в 1226 г., когда призванные Польшей Тевтонские рыцари двинулись на восток, чтобы помочь князю Конраду Мазовецкому в борьбе против наступающих прусских язычников и основать собственное государство на их землях.

10 марта 1805 г. Захариас Вернер, в то время камер-секретарь прусского представительства в Варшаве, радостно сообщил директору Королевского национального театра в Берлине Августу Вильгельму Иффланду, что работает над новой драмой о Тевтонском ордене, в которой хотел бы отойти от традиционных негативных образов поляков, показав исторические и религиозные предпосылки «будущего слияния прусско-немецкой и польской наций». В частности, Вернер писал: «Замечу мимоходом, что моя новая трагедия должна отличаться изображением польского национального характера, который, вероятно, никогда не был столь верно изображен ни в одном другом немецком произведении искусства. Все польские характеры нарисованы близко к жизни; я непрестанно изучал их во время моего пребывания в этом регионе и тем более надеюсь, что эти портреты не преминут произвести некоторое позитивное впечатление теперь, когда наша нация окончательно сливается с сарматской» [27, p. 181]. Под «слиянием» наций Вернер, вероятно, имел ввиду включение в состав Пруссии польских земель и распространение на поляков статуса равноправных подданных прусской короны, а под «предпосылками» – общее прошлое двух народов и общую историческую миссию христианизации Балтийского региона. Однако, несмотря на возвышенные надежды и ожидания автора, правда жизни упрямо вторглась в текст драмы в виде реплики гетмана Лассоцкого: «Пока стоит свет, поляк никогда не поцелует немца как брата!» [40, S. 139].

У этого традиционного недоверия между поляками и немцами после третьего раздела Речи Посполитой, продолжали существовать не только национальные, но и политические причины. Прежде всего речь идет о «противоположном стиле германской и польской государственной организации», который стал очевиден особенно в Пруссии, присоединившей к себе большую часть польских территорий. Как отмечал немецкий историк Мартин Броскат, именно это обстоятельство стало одной из причин того, что «столкновение между прусской государственной администрацией и польской нацией», начавшееся с разделом Польши, в значительной степени приняло в восточных приграничных областях «форму иностранного правления оккупированными территориями» [12, S.32]. Это противоречие позволило быстро развиться и укрепиться стереотипам о противоположности «польской и прусской природы». Политическая элита Пруссии-Германии видела свою цель в создании сильного государства. Она мыслила и действовала, исходя преимущественно из идеалов этатизма. Не удивительно, что она нашла своего антипода в «анархических» традициях Польши. Это проявилось, в частности, в негативной интерпретации изначально позитивного клише «Польская свобода». Например, очень характерна негативная коннотация этого понятия, которая присутствует в набросках Иммануила Канта, сделанных при подготовке его последнего сочинения «Антропологии с практической точки зрения» (1798). Так, касаясь темы «Польской свободы», Кант пишет, что «призывая к свободе, поляки обычно имеют ввиду публичное соблюдение гражданских прав привилегированной группы аристократии, а не свободу прав человеческой личности вообще и не свободу для нации, для национального государства. Это сильно отделяет поляков от немцев, да и остальных европейцев» [25, S. 71–72]. В данном контексте «Польская свобода» трактовалась как неправильно понятое или сознательной извращенное понятие, как требование свободы лишь для ограниченного круга привилегированных элит, что явно противоречило идеям, проповедуемым не только просветителями, но и нарождающимся немецким либеральным движением, для которого поддержка Польши стала одним из идеологических постулатов. Эта интерпретация основывалась на распространенном в Пруссии восприятии польского государства через призму «анархии» аристократической республики второй половины XVIII в. Такой образ восточного соседа сознательно насаждался в Пруссии во время разделов. Он позволил прусским властям легитимировать как свое участие в уничтожении польской государственности, так и распространение собственного суверенитета над частью польских территорий.

**Иоганн Готфрид Зойме.
Беспристрастный взгляд
на Польшу и восстание 1794 г.**

Однако в этот период поляризации восприятия поляков в немецкой литературе были свои исключения. Речь идет об авторе, который, так же как Август фон Коцебу состоял на русской службе и не имел поводов для личной симпатии к полякам, но при этом как Захариас Вернер посвятил польской теме большую часть своего творчества. Сохраняя эту двойственность, он всегда держался особняком в многоголосице мнений о Польше, не примыкая ни к одному лагерю. Это Иоганн Готфрид Зойме (1763–1810). Уроженец Саксонии, изучавший теологию в Лейпцигском университете, волею судьбы он стал не только свидетелем, но и летописцем восстания Костюшко, оставив по свежим следам воспоминания «Некоторые известия о событиях в Польше в 1794» [13].

Получив докторскую степень по философии, Зойме так и не смог найти место преподавателя при каком-либо немецком университете. В надежде сделать военную карьеру, он, по примеру многих молодых немцев, отправился в Россию. С октября 1792 по 1796 гг. он состоял на русской военной службе в чине лейтенанта в должности адъютанта и личного секретаря при генерале Отто Генрихе фон Игельстреме (1737–1823). Последний занимал пост командующего русскими войсками в части Польши, присоединенной к России после раздела 1772 г. Кроме того, с 1793 по 1794 гг. он выполнял обязанности полномочного российского посла в Речи Посполитой. Когда Ингельстрем сменил в этой должности своего предшественника графа Я.Е.Сиверса в Варшаве, Зойме последовал вслед за ним.¹³ Там же во время службы началась его писательская карьера [11, S. 113ff].

Таким образом Зойме, как русский офицер и начинающий литератор, был очевидцем не только восстания Костюшко 1794 г., но и предшествующих ему событий вплоть до второго раздела Польши. Говоря о предпосылках восстания, он вспоминал: «Когда я прибыл в Варшаву в начале 1793 года под командованием генерала Игельстрема, нельзя было не заметить, что недовольство местного населения росло с каждым днем. По мере того как политическое положение страны становилось все более критическим, оно укоренялось среди поляков все глубже. Исход показал, что Россия действительно имела основания опасаться Польши» [37, S. 172].

Обстоятельства биографии самого Зойме полностью подтвердили верность его выводов, когда накануне Пасхи в Великий четверг

17 апреля 1794 г. жители Варшавы, вдохновленные победой Костюшко в битве под Рацлавицами, напали в церкви во время заутренней службы на солдат русского гарнизона, расквартированного в польской столице, и почти всех перебили. Затем началась настоящая охота за русскими и поляками, сочувствовавшими России. После попыток вооруженного прорыва из города и трехдневного избиения раненых на улицах из всего гарнизона в живых в Варшаве осталась лишь небольшая группа русских офицеров, среди которых был Зойме. Писатель Фаддей Булганин утверждал, что «из 8000 русских погибло 2200 человек, а в плен было взято 260» [6, с.126]. А.А.Бестужев-Марлинский писал о нескольких тысячах жертв [1, т. 1, с.291]. Таким образом Зойме выпало пережить захват Варшавы повстанцами весной 1794 г., последовавшие массовые погромы, а также все тяготы польского плена с апреля по ноябрь того же года. Он был освобожден только со взятием города войсками под командованием А.В.Суворова [44, S. 161ff]. После возвращения в польскую столицу генерала фон Игельстрема Зойме был отправлен на лечение в Германию, где его застало известие о кончине Екатерины II. Ее смерть формально освобождала его от присяги и стала поводом для отставки. В 1796 г. Зойме возвращается в Лейпциг и публикует хронику польского восстания как кровавого противостояния русских и поляков, где нет абсолютно правых и виноватых, признавая, что у каждой стороны была своя правда. Он утверждал, что обоюдное кровопролитие, когда люди теряют человеческий облик, ужасно само по себе. Но, тем не менее, помимо обвинений обе стороны имели и оправдания своим действиям, а значит заслуживали снисхождения.

Естественно, что Зойме описал происходившие на его глазах события в самых мрачных красках так как его жизнь и жизнь других русских офицеров все это время подвергалась опасности. Несмотря на стремление сохранять объективность и сдержанность, его рассказ о зверствах поляков в первые три дня восстания и по сей день производит сильное впечатление: «Резня становилась довольно яростной и жестокой, так как поляки решительно одерживали верх повсюду, а вооруженная толпа редко отличалась гуманностью (...). Мне посчастливилось спастись от ярости пьяной черни, укрывшись за высоким бастионом из старых бочек на одном из верхних этажей дома графа Борха. Снаружи правила смерть, никого из наших не было видно, кроме убитых и умирающих. Бесчисленные отряды поляков отправлялись на убийства и грабежи. Впустую обследовав все

закоулки вокруг меня и рядом со мной, они уходили с утешительным для меня проклятием: «Черт побери, здесь нет русских». (...) Первую ночь со Страстной пятницы на Святую субботу я провел в полном безмолвии за батареей бочек на верхнем этаже одного из самых высоких зданий Варшавы, философствуя о мире и людях, их глупости и моей, что вряд ли можно причислить к героическим поступкам» [37, S. 178]. «Когда в субботу днем я добрался до замка, – продолжал свой рассказ Зойме, – несколько русских пленных были зарублены обезумевшей толпой прямо его у ворот (...). Дикими ордами восставших двигали лишь ненависть, ярость и безумие (...). Они говорили о свободе, но никто не имел о ней представления, (...) чтобы оправдать чинимые зверства, фабриковались самые нелепые обвинения (...). В пасхальное воскресенье еще восемьдесят безоружных русских заключенных были убиты по незначительному, недостойному поводу» [37, S. 180–181].

Лишения и смертельная опасность, которым на протяжении полугода плена подвергался Зойме, частично превращают его воспоминания о восстании в перечень бессмысленных жестокостей и незаконных эксцессов, совершенных поляками над беззащитными пленными. Но бесчинства поляков, творимые над русскими офицерами, показались Зойме не менее ужасными, чем кровавый захват армией Суворова варшавского предместья Прага 4 ноября 1794 г.: «Утром в день суворовского прорыва польский капитан, который был свидетелем русской резни в Праге, окликнул меня: «Ваш народ снова победил (...). Мое отечество теперь потеряно навсегда. Если в будущем кто-нибудь заговорит со мной о Боге, провидении, справедливости и добродетели, я плюну ему в лицо. Там лежат женщины, дети и старики, убитые сотнями. Там больше нет солдат, но есть насильники и убийцы невинных; мне стыдно носить человеческое обличье» [36, Bd.II, S. 201].

Вряд ли кто-то вел специальный учет всех погибших, но тем не менее Р.Ф. Арнольд, ссылаясь на европейскую прессу, писал, что во время штурма Варшавы русской армией погибло по разным данным от 11000 до 20000 поляков [7, S. 157]. Жестокость, с которой было подавлено восстание Костюшко, настроила европейское общественное мнение против России. Однако Зойме оправдывал «ярость» русских тем, что некоторые из батальонов, участвовавших в сражении при Праге, ранее стали жертвами аналогичных эксцессов со стороны поляков [37, S. 212]. Хотя Зойме отнюдь не был слеп к зверствам с русской стороны,

сама «беззаконная и анархичная природа» действий повстанцев, «когда честного человека сбивают с ног из-за угла, видя в нем врага без всяких оснований» [37, S.217], оставалась чуждой его натуре и убеждениям.

Тем не менее несмотря на личный негативный опыт, у Зойме нашлись аргументы не только для оправдания русских, но и для польских повстанцев: «Ни один добрый поляк, – писал он в своих мемуарах, – не может быть обвинен в страстной ненависти к своим соседям, и к русским в том числе; ибо, учитывая горе, в которое они ввергли его родину, он не мог их любить. И тот, кто благородно сражался во главе сограждан на руинах своего природного наследия и пал в бою, всегда заслуживает большего уважения, чем беглец, раболепно слонявшийся в это время по чужим приемным и просящий подаяние» [37, S.174].

Точно также, стараясь сохранить объективность и непредвзятость, Зойме одним из первых немецких публицистов дает характеристику Костюшко, которого «одни превозносят и почти боготворят как героя и святого, а другие осуждают как злодея» [37, S.194]. Он критикует Костюшко за его экстремизм и нетерпимость, за «яростные манифесты» против русской императрицы и короля Пруссии, называет его фанатиком, забывшим о «благоразумии и умеренности», переступившем в своей ненависти «границы здравого смысла и общепринятой морали». По мнению Зойме, у Костюшко «не было недостатка в последователях в новоприобретенных прусских и русских провинциях; но его горячность справедливо отпугивала их всех и вызывала подозрения» [37, S.194]. Но при этом Зойме не мог не отметить его выдающийся талант полководца и прекрасно организованную оборону Варшавы, которая продолжала оказывать ожесточенное сопротивление несмотря на численное превосходство противника. В итоге, Зойме приходит к выводу, что «тем не менее, Костюшко остается человеком, заслуживающим уважения, честным, порядочным и храбрым, которого только необходимость, пылкий патриотизм и ложные, но все же реальные надежды толкнули на шаг, оказавшийся роковым для его страны» [37, S.196]. И здесь мы вновь видим двойственность и противоречивость того образа восставших поляков и их вождя, который создает автор. Европейский гуманист Зойме, который не мог не сочувствовать угнетенным народам, вновь и вновь вступает в конфликт с немецким просветителем Зойме, стремящимся к «благоразумию и умеренности», и русским

офицером Зойме, пережившим польский плен и гибель товарищей. Эта двойственность способствовала в конце концов выработке самостоятельной взвешенной и независимой позиции, которая нашла свое отражение не только в мемуарах, но и в поэтической лирике, посвященной борьбе поляков за свободу и сохранение собственной государственности.

Таким образом, отношение Зойме к полякам знаменовало собой некую переходную форму от традиционного немецкого неприятия Речи Посполитой эпохи Просвещения к попытке отойти от общепринятых негативных клише и беспристрастно оценить революционные события 1794 г., коим Зойме был свидетелем. И ему это удалось несмотря на личные обстоятельства его биографии и тот факт, что он долгое время разделял высокомерно отстраненную позицию деятелей немецкого Просвещения, к которым принадлежал. Роберт-Франц Арнольд первым обратил внимание на особое место Зойме, которое тот занимал среди немецких авторов, писавших о Польше в конце XVIII – начале XIX вв.: «Он держался в равной мере далеко как от злобной нетерпимости Коцебу, замешанной на верноподданническом подбострастии в адрес России, так и от полонофильского патологического энтузиазма Вернера или надменного неприятия любых форм польского национального своеобразия наших просветителей» [7, S. 186f]. Став вынужденным хронистом страшных Варшавских событий, Зойме, по его словам, старался сохранить позицию «беспристрастного честного человека, которому выпало наблюдать за демаршами восставших с близкого расстояния...» [37, S. 221]. Хотя его собственный опыт общения с польскими повстанцами не позволял ему, как и Коцебу, испытывать какую-либо симпатию к восстанию Костюшко, он, тем не менее, также сознательно отказался от всякой апологетики в адрес действий России: «Оправдывать поведение политических врагов Польши не является ни моей обязанностью, ни моим намерением» [37, S. 174]. Несмотря на то, что «необузданные национальные страсти поляков неизбежно должны были показаться неприемлемыми мыслителю Просвещения, стоявшему над категорией "нации"» [37, S. 174], Зойме, которому удалось лично наблюдать за Костюшко, вспоминает о нем с уважением и симпатией. Его мемуары еще при жизни польского полководца заложили один из камней в основу немецкого мифа о «благородном поляке Костюшко», который получит широкое распространение в период Ноябрьского восстания 1830 г.

Фигура лидера польских повстанцев Тадеуша Костюшко (ок. 1745–1818) имела особое значение для перехода от двойственно-сдержанного отношения к Польше в немецкой литературе Просвещения конца XVIII в. к романтическому позитивному восприятию «Польской свободы» и «благородного поляка» в начале и первой трети XIX в. Его литературный образ на время объединил в себе оба эти понятия, став прототипом «свободолюбивого благородного поляка», кочевавшего в довольно статичном неизменном виде из произведения в произведение почти до середины XIX в.

Костюшко, казалось, был создан для того, чтобы стать романтическим героем. Он был наделен необыкновенно яркой биографией, как будто специально придуманной для романа – аристократическое происхождение, учеба во Франции, несчастная любовь, бегство в Америку и участие в войне за независимость США, возвышенная дружба с американскими отцами-основателями Томасом Джефферсоном и Джорджем Вашингтоном, возвращение в Польшу, русско-польская война в защиту конституции «3 мая», легендарная победа над четырехкратно превосходившей по численности русской армией в битве под Дубенкой (1792)¹, восстание 1794 года, русский плен, освобождение и наконец, почетное гражданство Французской республики. Героические события личной жизни дополнялись многочисленными положительными качествами его характера. Все вышеперечисленное делало Костюшко, по выражению историка литературы Роберта-Франца Арнольда, похожим на «ярчайшую комету, стремительно проносящуюся на фоне сдержанной атмосферы эпохи Просвещения» [9, S. 11].

Окончательно образ Костюшко как ведущей фигуры немецко-польского романтизма сформировался лишь после его смерти. При жизни Костюшко в качестве героического персонажа появился на страницах художественного произведения лишь однажды: это была антирусская поэтическая сатира «Новейшие путешествия в животный мир сказочного содержания» (1796) скандального писателя Иоганна Фридриха Эрнста

¹ *Битва под Дубенкой (Bitwa pod Dubienką) – сражение, произошедшее 7 (18) июля 1792 г. между польскими войсками под командованием Тадеуша Костюшко и русскими войсками под командованием М.В.Каховского во время Русско-польской войны 1792 г. С русской стороны в сражении принимало участие 25 тысяч солдат и 108 орудий, с польской – 5300 солдат и 24 орудия. Несмотря на яростное сопротивление поляков, русские войска овладели всеми укреплениями, а также лагерем противника. Организованный отход польской армии наряду с завышением потерь русской армии позволил говорить о Костюшко как о выдающемся полководце. Его сравнивали со спартанским царём Леонидом. 26 августа 1792 г. в знак признания его заслуг в войне по защите конституционных свобод Костюшко был удостоен звания почетного гражданина Франции.*

Альбрехта (1752–1814). Автор в жанре басни описывал гибель польской государственности с помощью метафор и образов из жизни животных. У Альбрехта Костюшко предстает в образе предтечи «свободолюбивого благородного поляка» – метафорического «патриотического орла», который свободно парит в небе и бесстрашно нападает на хитрую гиену, за которой угадывалась Екатерина II [23, S. 130ff]. Именно с Костюшко («Патриотическим орлом»), находящемся в то время в русском плену, Альбрехт связывает свои надежды на возрождение Польши: «Патриотический орел еще не умер. Возможно, это рука судьбы, ибо что для него невозможного в том, чтобы однажды вернуться на родину? И тогда его соотечественники вновь соберутся вокруг него, он снова возьмет в руки меч, защищая их права» [23, S. 329].

Во время длительного изгнания Костюшко после русского плена вплоть до его смерти в 1818 г. Германия, переживавшая довольно бурные времена, полностью потеряла его из виду. Для политической литературы Германии первой четверти XIX в. сначала тема национальных поражений и побед, связанных с наполеоновскими войнами, затем борьба греческого народа с Османской империей за независимость были гораздо более актуальны и привлекательны, чем польский вопрос, который в любом случае, казалось, был временно решен созданием в 1815 г. Царства Польского, связанного с Россией личной унией. Это объясняет, почему даже пышные похороны Костюшко в Кракове в 1818 г. нашли лишь слабый и запоздалый отклик в немецкой литературе. Из публикаций, пожалуй, можно назвать лишь торжественную элегию на смерть Костюшко, написанную французом графом Огюстом Мессе в 1819 г. и переведенную на немецкий язык бароном Францем фон Келлером в 1824 г. [18].

Начало настоящего культа Костюшко в немецкой литературе приходится на 20-е гг. XIX в. Интерес вспыхнул после того, как в 1825 г. силезец Карл фон Гольтей написал и поставил музыкальную пьесу в стихах «Старый полководец» (Der alte Feldherr). Свою симпатию к Польше Гольтей, чья молодость большей частью прошла среди представителей польской шляхты, совмещал с консервативной политической позицией, пристрастием к монархическому строю и почитанием династии Гогенцоллернов [8, S. 483]. Таким образом он мало соответствовал стандартным представлениям о либеральном полонофиле. Именно поэтому громкий скандал с обвинениями в либеральной «демагогии» на премьере музыкальной пьесы Гольтея, состоявшейся в Берлине 1 декабря 1825 г., был скорее случайностью

или недоразумением, чем сознательным намерением автора эпатировать публику.

В основу сюжета лег исторический анекдот из жизни Костюшко, сначала попавший в прессу, а затем во все его некрологи. Якобы в 1814 г., когда союзники взяли Париж, польский батальон в составе прусских подразделений разграбил одно из поместий в окрестностях Фонтенбло. Костюшко, нашедший приют неподалеку в Бервиле, пытаясь успокоить своих разгоряченных соотечественников, обратился к ним на родном языке, но его не узнали, приняв за старика-слугу. Услышав грубый ответ, Костюшко назвал себя, и грабители в раскаянии упали на колени перед старым национальным героем. «Его имя все еще оказывало столь сильное воздействие на поляков даже спустя 20 лет после восстания» [43, S. 11ff].

Гольтей перенес действие трогательной истории из Франции в некий немецкоязычный регион с легким намеком на швейцарский колорит. События разворачиваются в 1799 г., а польский батальон превратился в знаменитый легион под предводительством Домбровского, который после третьего раздела Польши вошел в состав французской армии. Напуганная владелица поместья вместе с дочерью ожидает помощи от своего соседа, господина Тадеуша, который благородно вступается за дам и защищает их от домогательств польских солдат на французской службе [16, S. 84]. Несмотря на то, что после пяти представлений в Берлине пьеса с польским сюжетом была сочтена слишком вольнодумной и запрещена, ее заглавная ариетта “*Denkst du daran, mein tapferer Lagienka*” («Помнишь ли ты, мой храбрый Лагенка»), вскоре стала одной из самых успешных немецких «польских песен», как особого жанра политической лирики, и на протяжении десяти лет считалась самой популярной немецкой народной песней [8, S. 481]. В ней речь шла о Костюшко, который обращался с воспоминаниями о битве при Дубенке к своему старому солдату Лагенке: «Помнишь ли ты, храбрый мой Лагенка, как я стоял некогда во главе польских отрядов на нашей родине, под Дубенкой, четыре тысячи поляков против шестнадцати тысяч? Помнишь ли ты, как, окруженный неприятелем, я с трудом отвоевал нам свободу...» [38, S. 65f]. При этом все забыли, что изначально ариетта была откровенной переработкой популярного шансона “*Te souviens-tu*” («Ты помнишь») Эмиля Дебро, написанного в 1817 г. [9, S. 30].

Если до Ноябрьского восстания в Польше популярность героической баллады Гольтея о Костюшко на мелодию французских легкомысленных куплетов была скорее курьезом и не имела политической подоплеки, то

с началом немецкого увлечения Польшей в 1830 г. она приобрела политическое звучание. Известно, что в 1825 г. у Гольтея вызывал серьезное беспокойство тот факт, что лишь небольшая часть зрителей на премьере его пьесы знала, кто такой Костюшко [9, S.38]. Как уже не раз отмечалось, в тот период не столько Польша, сколько национальные движения в Испании и Греции притягивали к себе внимание немцев. Но с началом Ноябрьской революции 1830 г. все изменилось. Борец за национальную свободу Костюшко с неизменным эпитетом «благородный» стал неотъемлемой частью героической троицы, почитаемой либеральными «друзьями Польши» наряду с победителем турок, польским королем Яном III Собеским (1629–1696) и национальным героем эпохи наполеоновских войн князем Юзефом Понятовским (1763–1813). И именно его, по мнению Роберта-Франца Арнольда, следует считать прообразом «свободолюбивого благородного поляка» – клишированного персонажа немецкой пропольской литературы, который в виде устойчивого словосочетания надолго вошел в сознание немцев [8, S.482].

С посмертной славой Костюшко окончательно утратил свою индивидуальность. Будучи сначала любимым бунтарем ранних немецких либералов, впоследствии он стал воплощением свободолюбия, пылкого национального патриотизма, гражданского долга в античном понимании и ненависти к России [7, S.131].

Благодаря Костюшко в немецком массовом сознании первой половины XIX вв. эпитеты «свободолюбивый» и «благородный» стали национальными атрибутами и отличительной чертой поляков. В итоге темы «Польской свободы», «благородного поляка» и собирательный образ «гордой полячки» легли в основу формирования нового литературно-художественного течения: так называемого «сарматского романтизма», который достиг наибольшего расцвета на рубеже 20–30-х годов. В последствии наиболее ярко сарматский стиль проявился не в драматургии, подверженной жесткой цензуре, а в более демократичной поэтической лирике, так называемых «польских песнях», анализ и разбор которых станет предметом отдельного исследования.

Образ «свободолюбивой Польши», получивший окончательное развитие в «польских песнях», аккумулировал в себе для либеральной части немецкого общества потребность в законодательных реформах, политическом единстве и национальной безопасности в рамках собственного отечества. Немцы, жившие в раздробленной стране, не имевшей единой национальной государственности, где преследовались любые

проявления немецкого национализма, подчеркивали мужество, боевой дух и стремление к свободе соседнего народа, чтобы стимулировать эти качества в своем собственном обществе. Так возникла либеральная полонофилия. Но для сплочения и самоидентификации нации мало иметь только положительный пример борьбы за свободу. Необходим также общий враг, способный объединить и мобилизовать нацию перед лицом экзистенциальной угрозы. В итоге в немецкой литературе в первой трети XIX в. усилиями интеллектуалов был создан пугающий негативный образ России как альтернатива и обратная сторона любви к Польше.

Библиографический список

1. Бестужев-Марлинский А.А. Вечер на Кавказских водах в 1824 году // Сочинения. В 2-х т. Т.1. Повести; Рассказы. М., 1981.
2. Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. Вып.2, 2013. С.177–191.
3. Заиченко О.В. «Как вы могли поверить, что мне нет дела до Польши!...» Польское восстание 1830–31 гг., его место в европейской «войне главных антагонистических принципов» и реакция либеральной части немецкого общества // Россия XXI. 2024. №4. С.56–81.
4. Заиченко О.В. Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции. М., 2018.
5. Заиченко О.В. Проекция разочарований и надежд: «Русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX века. М., 2018.
6. Тарас А.Е. Анатомия ненависти (Русско-польские конфликты XVIII–XX вв.). Минск, 2008.
7. Arnold R.F. Geschichte der deutschen Polenliteratur von den Anfängen bis 1800, Halle / Saale 1900; Neudruck Osnabrück 1966.
8. Arnold R.F. Holtei und der deutsche Polenkultus // Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Festgabe für Richard Heinzel. Weimar, 1898, S.465–491.
9. Arnold R.F. Tadeusz Kosciuszko in der deutschen Literatur, Berlin, 1898.
10. Biester J.E. Einige Briefe über Polen geschrieben im Jahre 1791. Berlin, 1792.
11. Bohnengel J., Wortmann Th. (Hrsg.). “Die deutsche Freiheit erdolcht”. Neue Studien zu Leben, Werk und Rezeption August von Kotzebues. Hannover, 2023.
12. Broszat M. Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik. Frankfurt, 1972.
13. Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen im Jahre 1794; von J.G.Seume, Russisch-Kaiserlichem Lieutenant. Leipzig, 1796.
14. Elias O.-H. August von Kotzebue als politischer Dichter // Bosse H., Elias O.-H., Tarterka Th. Baltische Literaturen der Goethezeit. Würzburg, 2011. S.101–141.
15. Elkar R.S. Reisen bildet. Überlegungen zur Sozial- und Bildungsgeschichte des Reisens im 18. und 19. Jahrhundert // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforchung / Hrsg. von B.I.Krasnobaev, G.Robel, H.Zeman (Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa, 6), Berlin 1980, S.52–81.
16. Karl von Holtei. Ein schlesischer Dichter zwischen Biedermeier und Realismus / Hrsg. Christian Andree, Jürgen Hein. – Würzburg, 2005.
17. Kausch J.J. Nachrichten über Polen. In 2. Bde. Salzburg, 1793.
18. Keller-Schleithem Fr. von. Kosciuskos Todtenfeyer bey den Graebnern der Koenige zu Crakau. Leipzig, 1824.

19. Kotzebue A. von. Der Flussgott Niemen und Noch Jemand: ein Freudenspiel in Knittelversen mit Gesang und Tanz; aufgeführt auf dem Theater zu Reval, zur Feier des Freuden-Festes, als die letzten Ueberreste der fliehenden Franzosen von den tapfern Russen wieder zurück über den Niemen gejagt wurden, im December 1812. St.Petersburg, 1813.
20. Kotzebue A. von. Heinrich Reuß von Plauen, oder Die Belagerung von Marienburg. Trauerspiel in 5 Acten. Leipzig, 1805.
21. Kosellek G. Reformen, Revolutionen und Reisen deutsche Polenliteratur. Dortmund, 2000.
22. Kosellek G. Zacharias Werner und Polen // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 16, Issue 1. 1971. S. 130–148.
23. Neueste Reisen Ins Thierreich fabelhaften Inhalts von Johann Friedrich Ernst Albrecht. Heinsius, 1796.
24. Niemirowski W. Powstanie listopadowe 1830 roku w liryce niemieckiej i jej obraz w literaturze naukowej – krytyczna retrospekcja // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin, 2008. VOL.XXVI, SECTIO FF. S. 33–44.
25. Orłowski H. Z modernizacją w tle. Wokół rodowodu nowoczesnych niemieckich wyobrażeń o Polsce i Polakach. Poznań, 2002.
26. Posselt E.L. Blicke auf Europa 1795 // Europäische Annalen. Jahrgang 1796. Erster Band / Von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen, 1796.
27. Prorok L. Polish Elements in Zacharias Werner's Baltic Sea Dramas // Mickiewicz-Blätter, 13 (1968). PP.178–187.
28. Regensbrecht K.D. Zacharias Werner: Von Sieg zur Reu. Roman-Biografie. Koblenz, 2024.
29. Roos H., Ständewesen und Parlamentarische Verfassung in Polen (1505–1771) // Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert / Hrsq. v. D.Gerhard. Göttingen, 1969.
30. Schubart K.Fr. Ad Vocem Polen // Chronik. Bd. I; 1791. S.226–228.
31. Schubart K.Fr. Frankreich und Polen // Chronik. Bd. I, 1791. S.378–384.
32. Schubart K.F. Ergebnisse aus dem Jahre 1774 // Deutsche Chronik. Vol.IV, Bd. XII. Dezember, 1774. S.14–19.
33. Schubart L. Polens Bedeutung // Chronik. Bd. II; 1791. S.850–853.
34. Schubart K.Fr. Stanislaus August von Polen // Chronik. Bd.I, 1791. S.337–340.
35. Schulz J.Ch. F. Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau, durch Südpreußen ... nach Botzen in Tyrol. Ein deutscher Bericht von der polnischen Adelsanarchie aus den Jahren 1791–1793. Berlin, 1795.
36. Seume J.G. Anekdoten zur Charakterschilderung Suworow's // Der neue Teutsche Merkur, 1799. Bd. II. S.193–206.
37. Seume J.G. Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen im Jahre 1794 // Seume J.G. Werke und Briefe in drei Bänden. Bd. 2: Apokryphen. Kleine Schriften. Gedichte / Hrsg. von Jörg Drews. Frankfurt am Main, 1993, S. 172–227.

38. Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. In VII Bde. Berlin, 1957–1962. Bd. II: Demokratische Volkslieder, 1962.
39. Wackerhagen J.K. Versuch eines Beweises daß die Kaiserin von Rußland den Westphälischen Frieden weder garantieren könne, noch dürfe: Nebst einigen Bemerkungen über die neuesten Weltbegebenheiten. Frankfurt und Leipzig, 1795.
40. Werner F.L.Z. Das Kreuz an der Ostsee: Ein Trauerspiel. Berlin, 1806.
41. Werner Z. An ein Volk // Zacharias Werners sämtliche Werke. Aus seinem handschriftlichen Nachlasse herausgegeben von seinen Freunden. In 13. Bde. Grimm, 1824. Erster Band: Poetische Werke bis zum 1810. S.73.
42. Wie Polen und Deutsche einander sehen. Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und M. Tomala. Düsseldorf, 1973.
43. Zahorski A. Prawda i legenda o Tadeuszu Kościuszcze // Powstanie kościuszkowskie. Warszawa, 1985.
44. Zänker E. Johann Gottfried Seume. Eine Biographie. Leipzig, 2005.

Владимир Перекотин

**ВОПРОСЫ
НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
В ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ПЕЧАТИ (1906–1912 гг.)**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
329.12

В статье на примере кадетских и октябристских периодических изданий рассматриваются позиции двух ведущих российских либеральных партий начала XX в. по вопросам народного образования. Автор характеризует «Союз 17 октября» как «партию практиков», делает вывод о том, что октябристы были более успешными, чем кадеты, на данном направлении, объясняет причины этого.

Using the example of the Cadet and Octobrist periodicals, the article examines the positions of the two leading Russian liberal parties of the early twentieth century on issues of public education. The author characterizes the October 17 Union as a "party of practitioners", concludes that the Octobrists were more successful than the Cadets in this area, and explains the reasons for this.

Ключевые слова: кадеты; октябристы; партийная печать либералов; Государственная дума; реформы в сфере образования.

Key words: Cadets; Octobrists; liberal party press; State Duma; education reforms.

E-mail: vmperekotin@edu.hse.ru

Октябрь 1905 г. стал для Российской империи временем судьбоносных перемен. «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» кардинально изменил политическую и общественную жизнь страны. Документ дал старт отечественной многопартийности, обозначив новый вектор развития государственности – трансформацию самодержавия в конституционную монархию. Конституционно-демократическая партия и «Союз 17 октября» были наиболее крупными либеральными партиями, стремившимися задавать тон в Государственной думе. Представители разных слоев общества – интеллигенция [50, с. XXVII], чиновники [28, стлб.507–508], крестьяне [29, стлб.549], – а также сам Николай II [52, с. 1] именно с деятельностью думцев связывали надежды на решение многочисленных проблем, среди которых особое место занимали вопросы введения всеобщего обучения, просвещения народа и наведения порядка в школьной системе.

Эта проблематика широко освещалась на страницах партийной печати [6, л. 1; 5, л. 1 об.]. В газетах и журналах разворачивались дискуссии о путях достижения целей, намеченных в программах политических объединений. Однако в изучении данной темы до сих пор остаются лакуны. Авторы обобщающих трудов по истории отечественной журналистики¹ по понятным причинам не фокусировали внимание на вопросах народного образования и не ставили перед собой задачу системного источниковедческого анализа отдельных изданий. Специалисты по истории образования, в основном, анализировали юридические и институциональные особенности российской школы. Среди наиболее значимых отметим публикации Д. А. Андреева [59], Б. А. Дейч [66], Ю. Г. Гаврилиной [64] и коллективную монографию историков из Принстонского университета [58]. В упомянутых работах исследованы отдельные элементы образовательной политики (в т. ч. в контексте соответствующих дискуссий), рассматриваются различные социальные функции образования в позднеимперском обществе.

Особый интерес для нас представляют публикации по истории российского либерализма начала XX века, имеющие концептуальное значение. Речь идет, прежде всего, о трудах современных историков – В. В. Шелохаева [79, 80, 81] и К. А. Соловьева [72, 73, 74, 75, 76, 77, 78]. В предисловии к одной из своих книг Валентин Валентинович Шелохаев подчеркивает, что ЦК кадетской партии являлся «мозговым центром» этого политического объединения, в котором шла постоянная работа по формированию программы и ее исполнению. На партийных съездах и конференциях «мозг» получал

¹ См., например, работы С. Я. Махониной [69], А. Н. Боханова [61, 62], В. Я. Лаврычева [68], Е. В. Ахмадулина [60] и др.

«обратную связь» от своих отделений на местах. Продолжая рассуждения ученого, можно заметить, что партийные издания являлись постоянно действовавшими каналами взаимодействия и обмена мнениями, информацией и новостями между партийным центром и его периферией [57, с. 7]. Более того, газеты и журналы играли ключевую роль в коммуникации между партией и ее многочисленными сторонниками, служили для концентрации умственных ресурсов партии. Кадеты активно приглашали своих единомышленников к сотрудничеству в своих изданиях [32, с. 1–2].

Как были устроены журналы, аффилированные с либеральными партиями? Каким образом на их страницах происходила разработка образовательной доктрины? Ответить на эти вопросы помогают, в частности, материалы таких изданий, как: «Вестник Партии народной свободы», «Ежегодник газеты "Речь"», «Известия Союза 17-го октября», В отличие от корреспондентов ежедневных газет, авторы журнальных текстов имели больше времени для их подготовки, не испытывали жесткой зависимости от новостной повестки, располагали большей свободой для выбора формата своих размышлений по поводу той или иной проблемы.

**Вопросы образования
в кадетском зеркале:
1906–1907 гг.**

«Вестник Партии народной свободы» (затем переименован в «Вестник народной свободы») выходил в Петербурге с февраля 1906 г.

Он стал первой успешной попыткой конституционалистов-демократов организовать свое издание [60, с. 217]². Редактором и издателем журнала стал известный юрист В.Д. Набоков, которому помогали видные члены партии – юристы И.В. Гессен и А.И. Каминка. В «Вестнике» активно публиковались П.Н. Милуков, П.Б. Струве и другие лидеры партии.

В феврале 1908 года «Вестник» был закрыт, предположительно из-за финансовых проблем [51, с. 111], а к апрелю того же года из конторы издания на Кирочной улице были розданы последние тиражи печатных материалов [8, л. 343]. Роль новостного органа кадетов перешла к газете «Речь», а интеллектуального к газете «Право», журналу «Русская мысль» и т.д.

В период первых двух избирательных кампаний в Государственную думу кадеты не поднимали в журнале вопросы образования. Хотя тема народного просвещения и присутствовала тогда в их агитации, о чем свидетельствуют брошюры, распространявшиеся партией среди крестьян [7, л. 7–8об.]. Лишь в 1907 г. «Вестник» уделил внимание итогам работы пар-

² Решение о создании журнала было принято на II съезде кадетской партии в январе 1906 г. [57, с. 185].

«Вестник Партии народной свободы» (обложка)

тии и первых двух Дум в области народного просвещения [14, с. 1846–1849]. В целом, в материалах «Вестника» за 1906–1908 гг. отсутствуют программные статьи по интересующей нас проблеме. Она отражалась тогда преимущественно в новостной повестке дня: информация о работе студенческой фракции Партии народной свободы и ее отделений [9, с. 98], деятельности думской и фракционной комиссии по народному образованию [11, с. 844; 12, с. 1212–1213; 13, с. 1260], сведения о работе «съезда деятелей обществ "Народных университетов"» [24, с. 50–54] и т. д. Исключением из этого «правила» стали две публикации. Это – заметка студента историко-филологического факультета Московского университета, в будущем – известного историка-евразийца, Г. В. Вернадского «Политика в университете» [10, с. 838–839] и редакционная статья «Вопрос о всеобщем обучении во второй Думе и в конституционно-демократической фракции» [14, с. 1846–1849].

В центре внимания Г. В. Вернадского – роль студенчества в условиях социальных и политических перемен. По мнению автора, до событий 1904–1905 гг. студенчество было единой и мощной политической силой, его демонстрации и выступления производили большое впечатление на страну.

Но в изменившихся условиях, после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. и Декабрьского вооруженного восстания в Москве, автор заметки видел главную ценность университетов как кузницы кадров интеллигенции, которая должна способствовать культурному преобразованию страны.

По словам Вернадского, кадеты отрицают возможность сохранения старой университетской политики и выступают за ее обновление [10, с.839]. Он подчеркивал убежденность Конституционно-демократической партии в том, что политика не должна затмевать культурное назначение университета. При этом соратники П.Н.Милюкова продолжали рассматривать студенчество как политически значимую часть общества. Об этом, в частности, свидетельствовал их призыв к молодежи отказаться от посещения занятий в память о погибших и казненных студентах – жертвах 1905–1906 гг. [Там же].

В редакционной статье, посвященной «вопросу о всеобщем обучении во второй Думе и в конституционно-демократической фракции», обратим внимание на упоминание (хотя и без содержательных комментариев и дополнений) о выборе думскими кадетами проекта всеобщего образования, в результате чего «за исходный пункт были приняты положения, выработанные Лигой образования» [14, с.1847].

Таким образом, очевидно, что в журнале, который позиционировался как «единственный официальный орган партии» [6, л. 1] и выходил при активном участии многих кадетских интеллектуалов, к началу 1908 г. так и не была сформулирована образовательная доктрина.

**«Ежегодник» газеты
«Речь» о проблемах школ
и университетов: что нового?**

В 1906–1918 гг. главным кадетским «рупором» была газета «Речь». С 1912 г. как бесплатное приложение к ней выпускался «Ежегод-

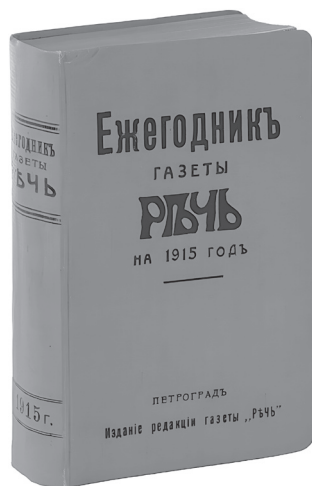
ник». В нем подводились итоги прошедшего года в разных областях жизни страны [30, с. V]. «Ежегодник» выходил в виде отдельной книги в декабре–январе каждого года вплоть до 1916 г. Среди авторов – видные члены партии и ее сторонники: П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, А.А. Кизеветтер, В.И. Вернадский, М.И. Туган-Барановский, К.И. Чуковский. Наиболее информационно насыщенным с точки зрения освещения вопросов народного образования оказался «Ежегодник», изданный в 1912 году. В материалах выпуска была предпринята попытка объективного анализа работы Думы и Государственного совета по вопросам реорганизации образовательной системы. Несмотря на критические замечания, акцентировался все же «не совсем бесплодный» труд парламентариев в упомянутой сфере [30, с. 110].

В центре внимания юриста М. И. Ганфмана [30, с. 57, 60, 74], И. Клеймана [30, с. 527–528, 530], В. Д. Набокова [30, с. 38, 39, 44] оказалось распространение «процентной нормы» для студентов-евреев на сдачу экзаменов экстерном. Подчеркивался незаконный, к тому же откровенно антисемитский и антидемократический характер этой меры.

В статье А. И. Шингарева, специалиста в области государственного хозяйства и бюджета [30, с. 148–178] указывалось на недостаток государственного финансирования сферы образования. Автор справедливо полагал, что это негативно сказывается на развитии экономики страны и благосостоянии населения. Он также с сожалением замечал, что хотя соответствующие расходы, по сравнению с 1899–1904 гг., и увеличились, тем не менее они по-прежнему были значительно меньше трат на оборону [30, с. 167].

В представленном религиозно-общественным деятелем Д. В. Филосовым обзоре церковной жизни [30, с. 295–318] рассматривался вопрос о реформе духовного образования. В связи с этим речь шла о новых уставах семинарий [30, с. 306]. Автор высказывал недовольство попытками Синода и его генерал-прокуроров провести реформу в обход Думы [30, с. 308]. В целом, ученый весьма критически оценивал существовавшую систему духовного образования.

Наиболее обширный текст, посвященный вопросам жизни высшей школы, принадлежал профессору В. И. Вернадскому [30, с. 323–342]. Очередным поводом для его размышлений послужило т. н. «дело Кас-

«Ежегодник» газеты «Речь» (обложка)

со» – увольнение в 1911 г. большой группы либерально настроенных профессоров Московского университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А.Кассо (ограничение свободы собраний в университете, ущемление прав Совета университета) [30, с. 331]. Вернадский (кстати, один из профессоров, подавших тогда прошение об отставке) трактовал эту ситуацию как возврат к старой системе жесткого ограничения университетской автономии [30, с. 334–335]. Статья Вернадского интересна еще и неоднозначной оценкой деятельности П.А.Столыпина. Подчеркивая губительный характер кадровой политики главы правительства, ученый в то же время признавал проведенную при нем огромную созидательную работу по открытию новых заведений высшей школы и улучшению положения в старых [30, с. 340–341].

«Ежегодник» (1912) кратко информировал читателей и о положении школ, их проблемах и перспективах развития. Региональный аспект этой темы раскрывался в публикациях, посвященных жизни провинциальной России – земской [30, с. 345–346, 348], сибирской [30, с. 360, 362–364] и окраинной [30, с. 378]. В очередной раз авторы «Ежегодника» вернулись к этому вопросу лишь в выпуске 1914 г., когда работа всей системы образования уже была сильно затронута Первой мировой войной [31, с. 326–342].

Октябристы: единство теории и практики

Журнал «Известия Союза 17-го октября» издавался с марта 1908 г. Московским клубом Союза, открытым в 1907 году. До этого у партии был

опыт издания лишь новостных газет – «Голоса Москвы» и различных «Листков». Новый журнал задумывался как платформа для разработки доктрины партии и место концентрации интеллектуальных ресурсов «Союза» [1, л. 9]. Журнал выходил ежемесячно, и просуществовал неполные два года (вышло 18 номеров). Его редактором стал Н.А.Шапошников (профессор Московского технического училища, член Московского ЦК «Союза 17 октября»), а в работе принимали участие видные члены партии – профессор медицины В.К. фон Анреп, юрист А.Ф.Мейендорф, деятель народного образования И.С.Клюжев и др.

За весь период существования журнала вопросы народного образования поднимались в нем 22 раза в материалах разного формата (статьи, публикации статистических данных, тезисы и тексты выступлений). И.С.Клюжев чаще всего сосредоточивал внимание на организации всеобщего обучения, нуждах народной школы и постановке внешкольного образования. Он настаивал на неотложной и широкой постановке вопроса о народном образова-

нии [34, с. 88], дискутируя по этому вопросу с Н.А. Шапошниковым, который, напротив, стремился доказать первоочередность развития специального образования [34, с. 94–95]. О судьбе высшего образования размышляли на страницах октябристского журнала профессор Казанского университета, филолог Б.В. Варнеке, доктор медицины, профессор М.Я. Капустин, Н.А. Шапошников. В «Известиях Союза 17-го октября» отражалось и обсуждение проблем образования на партийных форумах. В частности, на III всероссийском съезде октябристов (1909) ораторы затрагивали эту тему 11 раз.

В первом же номере журнала был помещен ответ председателя комиссии по народному образованию в III Думе В.К. фон Анрепа на претензии критиков [32, с. 15–21]. Он охарактеризовал направления работы возглавляемой им думской структуры: введение всеобщего начального обучения на основе министерского проекта; повышение ассигнований на открытие новых школ и поддержание существующих; сотрудничество с правительством и другими партиями в области просвещения.

Вообще, И.С. Ключев был самым продуктивным автором журнала. Он опубликовал восемь статей, посвященных разнообразным проблемам народной школы. Выходец из крестьян, Иван Семенович хорошо знал эту сферу, имея опыт участия в организации и работе народных школ в родной Самарской губернии. Неслучайно Ключев был и одним из самых активных участников думской комиссии по народному образованию [76, с. 167–168]. В 1908–1909 гг. он аргументированно и последовательно развивал мысль о необходимости скорейшего введения всеобщего обязательного начального обучения, показывая прямую связь между уровнем образования населения и развитием экономики, в частности, повышением эффективности сельского хозяйства [33, с. 50]. Обосновывая неотложность упомянутой реформы, Ключев прибегал также к историческому аргументу, ссыла-

В.К. фон Анреп

И.С. Ключев

ясь на длительную историю борьбы чиновников и интеллигентов за введение всеобщего начального обучения на протяжении второй половины XIX в. [34, с. 88–92]. Убежденный сторонник проекта о всеобщем начальном обучении, внесенного министром народного просвещения П.М. фон Кауфманом еще во II Думу, он не сомневался в том, что дороговизна его реализации – мнимая и, более того, все затраты быстро окупятся [35, с. 100–107]. Приводя большое количество примеров из жизни России и других государств, автор подчеркивал, что для достижения подлинной всеобщности, обучению следует придать обязательный характер [36, с. 133–137]. «Школа должна внушать своим питомцам крепкую веру, твердое национальное чувство, любовь к родине и беспредельную преданность царю; знание прошлого в жизни отечества и стремление к достижению лучшего будущего», – формулировал Ключев свое видение школьной реформы [36, с. 136–137].

На страницах «Известий Союза 17-го октября» освещалось и положение дел в российских университетах, высказывались мнения о путях их развития. Так, в статье Б.В.Вернеке [36, с. 137–142] был подвергнут критике кадетский проект университетского устава. Автор указывал на прочную связь Партии народной свободы с младшим профессорским составом университетов и обвинял конституционалистов-демократов в потакании корпоративным интересам. Наряду с этим Вернеке предлагал массово открывать новые университеты (в частности, в Воронеже, Саратове и Нижнем Новгороде), а также развивать «народные университеты» с целью удовлетворения масштабного общественного запроса на получение образования, который был характерен для России начала XX века.

В октябре 1909 г. вопрос о народном образовании был включен в повестку дня III Всероссийского съезда Союза 17-го октября. Журнал ознакомил читателей с тезисами и докладами съездовской секции по народному образованию. По итогам партийного форума была принята резолюция по народному образованию. Текст этого документа также был представлен в «Известиях Союза 17-го октября» [42, с. 3–5]³.

По вопросу высшей школы партия постановила поддерживать академическую автономию университетов (при сохранении министерского контроля за ними). Подчеркивалось, что политическая деятельность в университетах должна быть прекращена. Эти принципы предлагалось закрепить в новом Уставе.

По вопросу низшей и средней школы было признано необходимым стремиться к скорейшему введению всеобщего начального обучения,

³ Отдельные тезисы резолюции раскрывались в опубликованных в журнале текстах докладов, прозвучавших на партийном съезде.

установлению преемственности между разными уровнями образования (от низшей народной школы к высшей), переработке школьной программы, увеличению полномочий попечительских и педагогических советов, подчинению всех школ Министерству народного просвещения.

Также указывалось на важность совершенствования педагогического образования путем организации регулярных съездов и курсов, улучшения материального положения народных учителей и учительниц. Октябристы ставили в повестку дня преобразований и вопрос об организации внешкольного и специального образования, в том числе для взрослых крестьян.

Документы партийного съезда получили дальнейшее развитие в публикациях журнала. Авторы, имевшие за своими плечами личный опыт работы в сфере образования, выступали с предложениями по организации внешкольного образования, школ для взрослого населения, учительских курсов. В частности, И. С. Ключев знакомил читателей «Известий Союза 17-го октября» с материалами об организации внешкольного образования в селе Екатериновка Самарской губернии. Там была устроена библиотека-читальня (при которой проводились народные чтения, лекции), открыт театр, организовано отделение Общества трезвости. В статье подробно изложены юридические и экономические аспекты подобной деятельности, приведены данные о расходах, статистика пользования библиотекой, посещения других мероприятий. Ключев и сам принимал участие в организации библиотеки, пожертвовав ей книги [47, с. 280–285].

В еще в одной своей статье этот неутомимый деятель народного образования развивал идею о необходимости организовать в России систему внешкольного образования для взрослых [49, с. 341–344]. Он опирался на зарубежный опыт, а также на успешные примеры подобного рода в некоторых регионах Российской империи, в частности, Великом княжестве Финляндском [49, с. 343]. Организация подобной системы, по его мнению, необходима, поскольку только благодаря ей будет возможно достигнуть действительно всеобщего обучения, охватывающего не только крестьянских детей, но и взрослых [49, с. 344].

На страницах журнала было уделено внимание и такому вопросу, как история и современное положение учительских съездов и курсов [48, с. 309–315]. Автор (скрывшийся за инициалами «К.Т.») с обеспокоенностью констатировал, что упомянутая общественная активность не укладывалась в прокрустово ложе соответствующих правительственных указаний, которые юридически и финансово стесняли полезное дело. [48, с. 313–314].

Выводы

Подводя итоги, можно заметить, что в 1906–1912 гг. кадетская партия так и не смогла разработать и представить общественности собственную

доктрину народного просвещения и программу образовательных реформ. В большинстве случаев публикации по данной тематике в «Вестнике» и «Ежегоднике» представляли собой реакцию на новости, действия и высказывания участников политического процесса.

Это, однако, вовсе не означает равнодушия кадетов к ситуации в сфере образования. Напротив, в партийных документах и агитационных материалах конституционалистов-демократов неизменно подчеркивалась значимость вопросов воспитания, обучения и просвещения. Среди членов Партии народной свободы было большое количество интеллектуалов, способных к сложной теоретической работе. Об этом красноречиво свидетельствуют тексты партийной программы по аграрному и рабочему вопросам. В чем же причина кажущегося, на первый взгляд, «игнорирования» кадетами важной сферы общественной жизни? На наш взгляд, в этом случае кадеты, прежде всего, полагались на активность других общественно-политических объединений и органов печати (специализировавшихся на вопросах образования), с которыми членов Партии народной свободы связывало общее прошлое – совместная деятельность (еще в допартийный период) в организациях умеренно-левых интеллектуалов и земцев-конституционалистов. В случае необходимости конституционалисты-демократы приглашали в качестве экспертов своих соратников из упомянутых организаций.

Так, во II Думе к разработке проекта о всеобщем начальном обучении соратники П. Н. Милюкова привлекли «Лигу образования», чей проект они предпочли министерскому. Дружественные кадетам журналы «Вестник воспитания», «Вестник знаний» и «Вестник образования» де-факто заменяли партийную печать по вопросам просвещения.

В отличие от кадетов, октябристы уделяли большое внимание образованию. Им удалось подготовить программу соответствующих реформ. Ключевые положения концепции этой программы были разработаны на страницах партийного журнала и легли в основу докладов и резолюций III Съезда. В последующий период авторы «Известий Союза 17 октября» обосновывали пути реализации партийных установок. Конкретного решения проблем добивались и их сподвижники, депутаты парламента. Так, значительные усилия прилагал к этому В. К. фон Анреп, профессор, председатель комиссии по народному образованию в III Думе. Известны

случаи его прямого обращения за помощью в разрешении образовательных вопросов к А.И.Гучкову и через него – к П.А.Столыпину.

В отличие от кадетов, октябристы являлись, в первую очередь, «партий практиков». В их среде появился редкий тип политика, сочетающего в себе, с одной стороны, черты интеллектуала (начитанность, способность к концептуализации, написанию программных текстов), а, с другой – четкое понимание положения дел в своей профессиональной области, знание экономики, управленческий опыт (в т.ч. в сфере местного самоуправления). Среди ярких примеров – И.С.Клюжев, который практически в одиночку вел тему народного образования в октябристской прессе, одновременно напряженно работая в Государственной думе. Внутри Конституционно-демократической партии так и не появилось фигур подобного масштаба, которые проявили бы себя на данном направлении столь эффективно. При этом нельзя забывать, что у кадетов было немало крупных специалистов в других областях (право, экономика, международная политика и т.д.).

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.115. Оп.1. Д.4. Переписка по организации прессы «Союза 17 октября» в Москве («Голос Москвы») и в Петербурге («Листки Союза 17-го Октября»).

2. ГА РФ. Ф.115. Оп.2. Д.23. Списки членов Московского ЦК «Союза 17 октября», «Немецкой группы», местных комитетов партии, выборщиков и кандидатов в выборщики от октябристов и переписка по организационным вопросам, проведении избирательной кампании по выборам в Думу.

3. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.53. Переписка Бюро ЦК «Союза 17 октября» с местными организациями, Бюро фракции октябристов в Государственной думе и пр. об организации и проведении избирательной кампании по выборам в IV Думу, борьбе политических партий, расстановке сил на местах, борьбе с левыми партиями и совместных выступлениях на выборах октябристов и правых партий, собраниях избирателей, распространении партийных изданий, организационным вопросам, обсуждении вопроса о выделении духовенства в особую курию, итогах предвыборной кампании.

4. ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Д.106. Журналы, протоколы заседаний комитета Царскосельского (и Павловского) отдела «Союза 17 октября» по вопросам: о деятельности комитета, проведении избирательных кампаний по выборам в Государственную думу, обсуждении политического положения и мероприятий партии, организации собраний, партийной пропаганды и агитации, отношении к другим политическим партиям, распространении изданий Союза.

5. ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.14. Тезисы к докладам: Д.И.Шаховского о внепарламентской деятельности партии, А.И.Шингарева – «Финансовое и экономическое будущее России после войны», М.М.Винавера – о тактике фракции народной свободы за время войны, несколько соображений А.Корнилова по поводу финансового и экономического плана А.И.Шингарева.

6. ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.99. Извещение ЦК кадетской партии об открытии подписки на «Вестник народной свободы».

7. Крестьянам о Конституционно-демократической партии // ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.275.

8. ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.277. Переписка А.А.Корнилова (как секретаря партии) с парламентской фракцией партии «Народной свободы» и журналом «Вестник народной свободы»; извещения с приглашением на общие собрания партии; Устав партии и проекты законов, составленных партией для внесения в Государственную Думу.

9. Вестник партии народной свободы. 1907. Вып.2.

10. То же. 1907. Вып.13.

11. То же. 1907. Вып.14.

12. То же. 1907. Вып.20.

13. То же. 1907. Вып.21.

14. То же. 1907. Вып.43–44.

15. То же. 1907. Вып.45.

16. То же. 1907. Вып.46.

17. То же. 1907. Вып.47.

18. То же. 1907. Вып.48.

19. То же. 1907. Вып.49.

20. То же. 1907. Вып.50.

21. То же. 1907. Вып.51.

22. То же. 1907. Вып.52.

23. То же. 1908. Вып.1.

24. То же. 1908. Вып.2.

25. То же. 1908. Вып.3.

26. То же. 1908. Вып.4.

27. То же. 1908. Вып.5.

28. Государственная Дума. Стенографический отчет. 3-й созыв. Сессия 4-я. Часть 2. СПб.: Гос. тип., 1911.

29. То же. Часть 3. СПб.: Гос. тип., 1911.

30. Ежегодник газеты «Речь». СПб.: тип. сибирского тов-ва печат. и издат. дела «Труд», 1912. 788 с.

31. То же. СПб.: тип. сибирского тов-ва печат. и издат. дела «Труд», 1914. 690 с.

32. Известия «Союза 17-го октября». 1908. Вып.1.

33. То же. 1908. Вып.2.

34. То же. 1908. Вып.3.

35. То же. 1908. Вып.4.

36. То же. 1908. Вып.5.

37. То же. 1908. Вып.6.

38. То же. 1908. Вып.7.

39. То же. 1909. Вып.8.
40. То же. 1909. Вып.9.
41. То же. 1909. Вып.10.
42. То же. 1910. Вып.1.
43. То же. 1910. Вып.2.
44. То же. 1910. Вып.3.
45. То же. 1910. Вып.4.
46. То же. 1910. Вып.5.
47. То же. 1910. Вып.6.
48. То же. 1910. Вып. 7.
49. То же. 1910. Вып.8.
50. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний: в 14 т. / Сост. И.П.Белоко-
нский. Т. X. М.: тип. т-ва И.Д.Сытина, 1912.
51. Политические партии России: конец XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 1996.
800 с.
52. Правительственный вестник. 1906. 28 апреля. №94.
53. Программы русских политических партий. СПб. : В Харитонов, 1905. 67 с.
54. Русские ведомости. 1905. 13 октября. №268.
55. Русские ведомости. 1905. 17 октября. №272.
56. Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб.: тип. т-ва «Об-
щественная польза», 1907. 294 с.
57. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. Т.1. 1905–
1907 гг. / под ред. В.В.Шелохаева М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
58. Clowes, E.W., Kassow, S.D., West, J.L. Between Tsar and People: Educated Society and the
Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991. 386 p.
59. Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царство-
вания Николая II // Вестник ПСТГУ. 2012. Вып.1. С.58–74.
60. Ахмадулин Е.В. История российской журналистики начала XX века: учебник. Ро-
стов н/Д: изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.
61. Боханов А.Н. Биржевая пресса России // История СССР. 1980. №2. С.134–145.
62. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г.
М.: Наука, 1981. 153 с.
63. Вострикова В.В. Дискуссия о форме правления в либеральной общественной мысли
России второй половины XIX – начала XX вв. // Муромцевские чтения XII: общественно-по-
литическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. / Материалы
междунар. науч. конф. Орел.: ОГУ им. И.С.Тургенева, 2020. 344 с.
64. Гаврилина Ю.Г. Французские реформаторские идеи в сфере образования в педа-
гогической теории России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы образования. 2009. №2.
С.254–268.

65. Даниюк А.Н. В.Г.Короленко как редактор и публицист журнала «Русское богатство»: 1896–1918: дисс. ... канд. фил. наук. Пенза, 2016. 251 с.
66. Дейч Б.А. Проблемы внешкольного образования в Российской научно-педагогической литературе конца XIX – начала XX в. // Вопросы образования. 2012. №2. С.257–271.
67. Коробейников А. Имперская трансформация публичной сферы: печатное слово и публичный дебят как средство формирования общественных движений в Сибири // Не-совершенная публичная сфера: история режимов публичности в России. М.: НЛО, 2021 С.226–258.
68. Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М.: Мысль, 1967. 288 с.
69. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта; Наука, 2004. 368 с.
70. Накагава Ю. Полемика о еврейском вопросе в русской публицистике конца XIX – начала XX веков: дисс. ... канд. фил. наук. М: 2009. 208 с.
71. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дисс. ... д.и.н. Новосибирск, 2006. 477 с.
72. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 512 с.
73. Он же. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.
74. Он же. Поэтика русского либерализма // Муромцевские чтения – XII: Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. Материалы междунар. науч. конф. Орел. ОГУ им. И.С.Тургенева, 2018. 400 с.
75. Он же. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: НЛО, 2019. 352 с.
76. Он же. Союз 17-го октября: политический класс России взлет и падение. М.: НЛО, 2023. 344 с.
77. Соловьев К.А. Шелохаев В.В. П.А.Столыпин: драма реформатора. М.: Российская политическая энциклопедия, 2025. 663 с.
78. Соловьев К.А. Общественное движение в России: 1891–1905 гг. М.: Кучково поле, 2024. 520 с.
79. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 327 с.
80. Он же. Либеральная модель переустройства России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996.330 с.
81. Он же. Партия октябристов в период Первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

Экспериментальный творческий фонд
развития науки и культуры
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2025 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 1411 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 11568 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 1102 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 77 тыс. рублей.

В 2025 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия ЭТФ

Наши авторы

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории международных отношений Института всеобщей истории РАН

Мякшев Анатолий Павлович

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

Учаев Антон Николаевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии ФГБОУ ВО
«Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»

Захаров Виталий Юрьевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой «Истории»
Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
(Национальный исследовательский университет)

Шалаева Надежда Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки»
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет генетики,
биотехнологий и инженерии им. Н.И. Вавилова»

Ефременко Валентин Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальных наук»,
МИРЭА – Российского технологического университета

Иванова Анна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Истории»
Московского авиационного института
(Национальный исследовательский университет)

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор

Лазарева Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры «История России»
Государственного университета просвещения, Москва,
главный научный сотрудник Центра документальных публикаций РГАСПИ

Беспятова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры
Российского технологического университета (МИРЭА)

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Россинский Алексей Кириллович

Студент I курса магистратуры программы «История современного мира» НИУ ВШЭ

Хоботов Александр Евгеньевич

аспирант Центра «История России XIX начала XX вв.»
Института российской истории РАН

Суханова Наталья Ивановна

доктор исторических наук, профессор,
доцент кафедры новейшей истории России
ГОУ ВПО Московский государственный областной университет

Перекотин Владимир Максимович

магистрант, Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Our authors

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D. in History, Senior Researcher at the Center for the History of international relations of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Myakshev Anatoly Pavlovich

D.Sc. in History, Professor, Department of Russian History and Historiography, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Uchaev Anton Nikolaevich

D.Sc. in History, Associate Professor, Professor of the Department of History and Political Science of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin"

Zakharov Vitaly Yurievich

D.Sc. in History, Head of the Department of History at Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

Shalaeva Nadezhda Vladimirovna

D.Sc. in History, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov

Efremenko Valentin Viktorovich

Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University

Ivanova Anna Nikolaevna

Ph.D. in History, Associate Professor of the History Department at the Moscow Aviation Institute (National Research University)

Zhuravlev Valery Vasilievich

Ph.D. in History, Professor

Lazareva Lyubov Nikolaevna

Ph.D. in History, Professor of the Department of History of Russia at the State University of Education, Moscow, Chief Researcher at the Center for Documentary Publications of the Russian State Archives of Social and Political History (RGASPI)

Bespyatova Elena Borisovna

Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of the Russian Technological University (MIREA)

Filippova Tat'ana Aleksandrovna

Ph.D., Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of RAS

Rossinsky Alexey Kirillovich

First-year master's student in the History of the Modern World program at the National Research University Higher School of Economics

Khobotov Alexander Evgenievich

Postgraduate Student, Center for the History of Russia in the 19th and Early 20th Centuries, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Sukhanova Natalya Ivanovna

D.Sc. in History, Professor, Associate Professor, Department of Modern Russian History, Moscow State Regional University

Perekotin Vladimir Maksimovich

Master's Student, Higher School of Economics

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель:
Экспериментальный творческий фонд
развития науки и культуры**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2026.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 25.01.2026. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,875 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 226472**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2025 г.

Геоглобалистика

Эйрия В.А. Шушинская декларация: стратегия развития тюркского мира и национальные интересы России. №1. С. 6

Александров О.Б., Никитина А.Д. Италия в многополярном мире: вызовы и возможности. №3. С. 6

Заиченко О.В. Старые мифы и новые смыслы. Трансформации европейского образа России в 20-е гг. XIX в. на примере немецкой политической публицистики. №4. С. 6

Ресурсы нации

Горлов В.Н. Дискуссии в обществе о месте кооперативной формы хозяйства в экономической системе Советского государства в 1920-е годы. №2. С. 92

Гонзалез Д.А. Эволюционная теория психических типов Н.А.Рожкова. №3. С. 28

Кроз Т.В. «Выяснить, в чем нужда». К вопросу о социальной политике в позднемперской России. №3. С. 50

Теория и практика патриотического воспитания: содержание, принципы, технологии (материалы международной научно-практической конференции) №4. С. 32

Ярлыки и мифы

Богданов А.П. Царевна Софья и ее фавориты. №1. С. 30

Келлер А.В. Двойник В.И.Ленина в Смольном по мотивам картины И.И.Бродского. №2. С. 66

Юрганов А.Л. Мотивы социальной утопии в кампании по чистке государственного аппарата (Наркомфин СССР). №3. С. 150

Национальная доктрина

Латин В.В. Образы лидеров национального сопротивления. Почему царевич Александр Ираклиевич Багратиони не попал в их число? №1. С. 134

Богданов А.П. Царевна Софья и ее фавориты. Окончание. №2. С. 6

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Энергия мечты»: культурная политика как механизм воспитания коммунистического отношения к труду (сер. 1920-х – нач. 1950-х гг.) №3. С. 132

Суханова Н.И. В.И.Ленин о роли России в международном рабочем движении. №4. С. 122

Пути духовных исканий

Хайлова Н.Б. М.М.Ковалевский и дискуссии о женском вопросе в конце XIX – начале XX вв. №3. С. 68

Филиппова Т.А. Где у картографов Восток? Образный язык символической картографии и политических инвектив. №4. С. 52

Россия в мире

Стамова И. И. Княгиня Дарья Ливен и российско-европейские отношения. №1. С. 60

Хайлова Н. Б. Детский мир в Китае на рубеже XIX–XX вв. (по материалам журнала «Вестник Европы»). №1. С. 74

Вартазарьян Д. Г. Министерство иностранных дел Российской империи и фракция кадетов в III Думе: практики взаимодействия (1907–1912). №1. С. 86

Андреев А. Н. «Свободное костелов каменное строение охотно его царское величество позволяет...»: как и когда было разрешено католическое храмостроительство в России. №2. С. 42

Страницы истории

Новоточинов С. Б. «Он верил в свою звезду...»: А. И. Гучков и правящие круги в 1907–1911 гг. №1. С. 102

Мирон С. М. «Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» Оценки деятельности князя Г. Е. Львова на страницах эмигрантской периодической печати 1920–1930-х гг. №1. С. 116

Татаринев И. Е. «Идя навстречу желанию трудящихся...»: попытки исправления российско-украинской межреспубликанской границы в 1928–1944 гг. №2. С. 134

Волобуев О. В. Детские годы. Ялта. Декабрь 1931 – июнь 1941. №2. С. 156

Писарькова Л. Ф. Лихоимство в системе управления России в 80–90-е гг. XVII в. (Причины усиления «неизлечимой болезни» бюрократии). №3. С. 94

Костриков С. П., Щербакова И. К. Об учреждении учебного комитета при учебном отделе министерства финансов Российской империи. №3. С. 116

Россинский А. К. Модели организации фракционной работы в III Государственной думе (1907–1912). №4. С. 86

Хоботов А. Е. Рецензия на книгу: Постников Н. Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века – 1914 год). №4. С. 106

Актуальный архив

Костырченко Г. В. «Восточная политика» Гитлера: какое будущее нацисты готовили народам СССР. №2. С. 112

Волобуев О. В. Преподаватель Крымпединститута. Симферополь. Август 1965 – июль 1972. №3. С. 176

Заиченко О. В. «Польша возродится вновь!» Образ Польши в Германии в период между польскими восстаниями 1794 и 1830 гг. Истоки немецкой политической полонофилии. №4. С. 162

Перекотин В. М. Вопросы народного образования в либеральной печати (1906–1912 гг.). №4. С. 190

LIST OF ARTICLES, PUBLISHED IN THE MAGAZINE IN 2025

Geopolitics and international policy issues

Eiriyan V.A. Shusha Declaration: Strategy for the Development of the Turkic World and the National Interests of Russia. №1. P. 6

Aleksandrov O.B., Nikitina A.D. Italy in a Multipolar World: Challenges and Opportunities. №3. P. 6

Zaichenko O.V. Old Myths and New Meanings. Transformations of the European Image of Russia in the 1820s, Illustrated by German Political Journalism. №4. C. 6

Resources of nation

Gorlov V.N. Discussions in Society about the Place of the Cooperative Form of Economy in the Economic System of the Soviet State in the 1920s. №2. P. 92

Gonzalez J.A. N.A. Rozhkova's Evolutionary Theory of Mental Types. №3. P. 28

Kroz T.V. "Find Out What the Need Is". On Social Policy in Late Imperial Russia. №3. P. 50

Theory and Practice of Patriotic Education: Content, Principles, and Technologies (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference) №4. P. 32

Labels and myths

Bogdanov A.P. Princess Sophia and her Favourites. №1. P. 30

Keller A.V. V.I. Lenin's Double in Smolny Based on I.I. Brodsky's Painting. №2. P. 66

Yourganov A.L. Motives for Social Utopia in the Campaign to Purge the State Apparatus (USSR People's Commissariat of Finance). №3. P. 150

National doctrine

Lapin V.V. How to Become a Hero of National Resistance №1. P. 134

Bogdanov A.P. Princess Sophia and Her Favourites. End. №2. P. 6

Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. "The Energy of Dreams": Cultural Policy as a Mechanism for Fostering a Communist Attitude to Labor (mid-1920s – early 1950s) №3. P. 132

Sukhanova N.I. V.I. Lenin on Russia's Role in the International Labor Movement. №4. P. 122

Mentality. Strivings for cultural wealth

Khailova N.B. M.M. Kovalevsky and Discussions on the Women's Issue in the Late 19th – Early 20th Centuries. №3. P. 68

Filippova T.A. Where is the East for Cartographers? Figurative Language of Symbolic Cartography and Political Invective. №4. P. 52

Russia in the world

Stamova I.I. Princess Daria Lieven and Russian-European Relations. №1. P. 60

Khailova N.B. Children's World in China at the Turn of the 19th and 20th Centuries. (Based on materials from the journal "Vestnik Evropy"). №1. P. 74

Vartazaryan D.G. Practices of Interaction between the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire and the Cadet faction in the III State Duma (1907–1912). №1. P. 86

Andreev A.N. "The Free Stone Church Building is Willingly Allowed by His Royal Majesty...": how and when Catholic Church Construction was Permitted in Russia. №2. P. 42

Pages of history

Novotochinov S.B. A.I. Guchkov and the Ruling Circles in 1901–1911: Informal Interaction. №1. P. 102

Miron S.M. "Together With Them, You Have Long Been Shaking the Foundations of the Sacred Tsar's Throne..." Assessments of the Activities of Prince G.E. Lvov on the Pages of the Emigré Periodical Press №1. P. 116

Tatarinov I.E. "Meeting the Wishes of the Workers...": Attempts to Correct the Russian-Ukrainian Interrepublican Border in 1928–1944. №2. P. 134

Volobuev O.V. Childhood years. Yalta. December 1931 – June 1941. №2. P. 156

Pisar'kova L.F. Bribery in the Russian Governance System in the 1680s–1690s (Reasons for the Intensification of the "Incurable Disease" of Bureaucracy). №3. P. 94

Kostrikov S.P., Shcherbakova I.K. On the Establishment of an Educational Committee under the Educational Department of the Ministry of Finance of the Russian Empire. №3. P. 116

Rossinsky A.K. Models of Organizing Factional Work in the Third State Duma (1907–1912). №4. P. 86

Khobotov A.E. Review of the Book: Postnikov N.D. Political Parties of the Grand Duchy of Finland (1860s–1870s – 1914). №4. P. 106

Topical archive

Kostyrchenko G.V. Hitler's "Eastern Policy": What Future did the Nazis Prepare for the Peoples of the USSR. №2. P. 112

Volobuev O.V. Lecturer at the Crimean Pedagogical Institute. Simferopol. August 1965 – July 1972. №3. P. 176

Zaichenko O.V. "Poland will rise again!" The Image of Poland in Germany in the Period between the Polish Uprisings of 1794 and 1830. The Origins of German Political Polonophilia. №4. P. 162

Perekotin V.M. Issues of Public Education in the Liberal Press (1906–1912) №4. P. 190

4. 2025 october-december

Geopolitics and international policy issues

Olga Zaichenko

Old myths and new meanings.

Transformations of the European image
of Russia in the 1820s, illustrated by German
political journalism_____

6

Resources of nation

Valery Zhuravlev, Anatoly Myakshev,

Anton Uchaev, Vitaly Zakharov,

Anna Ivanova, Nadezhda Shalaeva,

Vadim Efremenko, Lyubov Lazareva,

Elena Bespyatova

Theory and Practice of Patriotic Education:

Content, Principles, and Technologies

(Proceedings of the International Scientific

and Practical Conference)_____

32

Mentality. Strivings for cultural wealth

Tatyana Filippova

Where is the East for cartographers?

Figurative language of symbolic cartography
and political invective_____

52

Pages of history

Alexey Rossinsky

Models of organizing factional work
in the Third State Duma (1907–1912)____ 86

Alexander Khobotov

Review of the book: Postnikov N.D.
Political parties of the Grand Duchy
of Finland (1860s–1870s – 1914)_____ 106

National doctrine

Natalia Sukhanova

V.I. Lenin on Russia's role
in the international labor movement____ 122

Topical archive

Olga Zaichenko

"Poland will rise again!" The image
of Poland in Germany in the period between
the Polish uprisings of 1794 and 1830.
The origins of German political
Polonophilia _____ 138

Vladimir Perekotin

Issues of public education
in the liberal press (1906–1912) _____ 166

Р О С С И Я X X I